

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Артур
Конан Дойль

СЭР НАЙДЖЕЛ
БЕЛЫЙ ОТРЯД

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Артур Конан Дойл

Сэр Найджел. Белый отряд

«Азбука-Аттикус»

1906, 1891

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Сэр Найджел. Белый отряд / А. Дойл — «Азбука-Аттикус», 1906, 1891 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21712-6

Два знаменитых исторических романа сэра Артура Конан Дойля: «Сэр Найджел» и «Белый отряд» – повествуют о событиях середины XIV века, о Столетней войне между Англией и Францией. В ее битвах с обеих сторон сражались рыцари – особая каста людей, для которых слава собственного оружия, честь возлюбленной и короля превыше всего. Таков и сэр Найджел Лоринг, отважнейший из отважных, и его спутник – лучник Сэмкин Эйлвард. Главные герои и их друзья переживают множество разнообразных приключений на суше и на море, в неумолимо меняющемся мире, где слишком многое начинает решать не честь, а звонкая монета, где на смену верному клинку приходят ядра и пули... Издание сопровождают иллюстрации художников Артура Твидла и Ньюэлла Конверса Уайета.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21712-6

© Дойл А., 1906, 1891
© Азбука-Аттикус, 1906, 1891

Содержание

Сэр Найджел	6
Предварение	6
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	32
Глава V	45
Глава VI	57
Глава VII	65
Глава VIII	80
Глава IX	91
Глава X	99
Глава XI	110
Глава XII	121
Глава XIII	133
Глава XIV	153
Глава XV	174
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Артур Конан Дойль

Сэр Найджел. Белый отряд

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2022

© В. О. Станевич (наследники), перевод, 2022

© Издание на русском языке, состав, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Сэр Найджел

Предварение

Дама История столь строга, что всякий, кто, по неразумию, позволит себе допустить с ней вольность, обязан незамедлительно загладить свой проступок чистосердечным признанием и раскаянием. В этом повествовании некоторые события ради стройности и гармоничного развития сюжета перемещены во времени на несколько месяцев. Надеюсь, что такое малое отклонение спустя пять с половиной столетий – грех простительный. В остальном же историчность соблюдалась настолько точно, насколько позволяло тщательное и усердное изучение источников.

Вопрос о языке эпохи в исторических произведениях всегда требует такта и вкуса. В 1350 году высшие классы Англии все еще изъяснялись на нормандско-французском, хотя уже порой снисходили до английского. Низшие классы говорили на том английском языке, на котором создавалось «Видение о Петре Пахаре», то есть для современного читателя даже еще более трудном, чем французский их господ. Поэтому автору пришлось ограничиться попыткой воссоздать общий строй и манеру их речи, иногда вводя те или иные архаизмы для передачи ее стиля.

Я отдаю себе отчет в том, что современным читателям многие эпизоды могут показаться жестокими и отвратительными. Однако бессмысленно рисовать двадцатый век и именовать его четырнадцатым. Время было гораздо более суровое, а моральный кодекс, особенно в отношении жестокости, был совсем иным. В романе нет ни единого эпизода, для которого нельзя найти подтверждения в источниках. Изысканные законы рыцарственности были лишь тонкой пленкой на поверхности жизни, а под ней прятались варварство и звериная жестокость, чуждые милосердию. Это была грубая, нецивилизованная Англия, полная стихийных страстей, искупаемых лишь такими же стихийными добродетелями. Вот такой я и стремился ее изобразить.

Каким бы ни получился роман, но своим созданием он обязан множеству книг. Я смотрю на свой письменный стол и радостно прощаюсь с теми из них, которые еще лежат на нем. Я вижу «Средние века» Лакруа, «Искусство войны» Омана, «Общее гербоведение» Ритстепа, «Историю Бретани» Бордери, «Книгу Сент-Олбенса», «Хронику Жослена Брейклонда» и «Старую дорогу» Бернерс, «Старинные доспехи» Хьюитта, «Геральдику» Куссена, «Оружие» Бутелла, «Чосеровскую Англию» Брауна, «Сцены Средневековья» Каста, «Бродячую жизнь» Джасренда, «Кентерберийских паломников» Уорда, «Рыцарство» Корниша, «Британского лучника» Хастингса, «Развлечения» Стратта, «Фруассара» Джонса, «Искусство стрельбы из лука» Харгрува, «Эдуарда III» Лонгмена, «Нравы и обычаи» Райта. Много месяцев они и многие другие были постоянными моими собеседниками. Если почерпнутое из них я не сумел слить воедино с должной силой, вина моя.

Андершо

Октябрь 1906 года

Артур Конан Дойль

Глава I

Благородный дом Лорингов

В месяце июле лета Господня одна тысяча триста сорок восьмого между днем святого Бенедикта и днем святого Суизина¹ приключилось в Англии дотоле невиданное, ибо поднялась на востоке страховидная багровая туча, изнутри бурлящая, исполненная зла, и за клубилась вверх по замершему небосводу. В тени сей невиданной тучи листья на деревьях поникали, птицы смолкали, а коровы и овцы боязливо жались к изгородям. Жуткая мгла окутала страну, и люди не спускали глаз с невиданной тучи, а сердца их тягостно сжимались. В испуге они укрывались в церквах и, дрожа, получали благословение и отпущение грехов от дрожащих священнослужителей. А снаружи – ни крика птицы, ни лесных шорохов, ни других простых и привычных звуков. Все замерло, ничто не шевелилось, и только огромная туча, клубясь, ползла вверх от черного горизонта. На западе еще голубело небо, но зловещий вал продолжал чуть заметно катиться с востока вверх и вперед, пока не заволок последние проблески голубизны и весь необъятный купол небес не навис над землей тяжелым свинцовым сводом.

И тут пошел дождь. Он шел весь день, и всю ночь, и всю неделю, и весь месяц, – и люди позабыли, как выглядят небесная синева и солнечный свет. Он не был проливным, а только непрерывным, холодным, нескончаемым, и люди изнемогали от его шороха и всплесков, от размеренного стука капель, падающих с кровли. А густая злая туча все клубилась и клубилась с востока на запад, проливаясь нескончаемым дождем. И сквозь завесу его струй люди, стоя на пороге своих жилищ, видели не дальше полета стрелы. Каждое утро они искали взглядом разрыв, в который проглянуло бы солнце, но видели лишь все ту же свинцовую пелену, и в конце концов они перестали смотреть вверх, отчаявшись дожидаться перемены. Дождь шел в день Петра в веригах и на Успенье и продолжал идти в Михайлов день². И травы пропитались влагой, почернели и сгнили на полях и лугах, потому что убирать их не имело смысла. Овцы передохли, и телята тоже, и когда подошел Мартынов день³, а с ним и время солить мясо на зиму, засаливать оказалось нечего. Люди страшились голода, но ждало их испытание страшнее, чем голод.

¹ 15 июля. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² 1 августа, 15 августа, 29 сентября.

³ 11 ноября.

Ибо дождь наконец перестал и слабое осеннее солнце озарило пропитанную водой полужидкую землю. Леса дымкой окутали вредоносные испарения и запахи мокрой гниющей

листвы. На полях и лугах выросли чудовищные поганки, ни по величине, ни по цвету не имевшие себе никакого подобия – багряные, сизые, желчно-желтые, черные. Казалось, изнемогшая земля покрылась гнойниками. Стены заросли плесенью и лишайниками. А вместе с этими гнусными плодами захлебнувшаяся водой земля взрастила Смерть. Умирили мужчины, и женщины, и дети – барон у себя в замке, вольный хлебопашец у себя в усадьбе, монах в аббатстве и крепостной в глиняной мазанке. Все дышали одним смрадом, и всех губила одна моровая язва. Никто из сраженных ею не выздоровел, и все заболели и умирали одинаково – огромные нарывы, бред и черные пятна, отчего и назвали этот мор Черной Смертью. Всю зиму у дорог валялись гниющие трупы, их некому было похоронить. Во многих деревнях в живых не осталось ни единого человека. Наконец наступила весна, неся с собой солнечный свет, здоровье, веселье и смех, – самая зеленая, самая душистая, самая ласковая весна, какую когда-либо видела Англия. Но увидела ее лишь половина Англии – вторую половину унесла огромная багровая туча.

Однако именно в этих испарениях смерти, в этом смраде гниения родилась новая, более светлая, более свободная Англия. В этот самый темный час блеснул первый луч занимающейся зари. Ибо лишь великие потрясения и перемены могли вырвать нацию из железных цепей феодальной системы, сковавшей ее по рукам и ногам. Год смерти вызвал к жизни новую страну. Бароны погибли сотнями и тысячами – ведь ни самые высокие башни, ни самые глубокие рвы не могли укрыть их от косы Черной простолоудинки. Жестокие законы утратили силу, потому что некому было приводить их в исполнение, а снова наложить раз сброшенные цепи оказалось невозможным. Работник больше не хотел быть рабом. Крепостной разорвал опутавшие его узы. Дела предстояло так много, а тех, кто мог его выполнить, осталось так мало! И эти немногие должны были стать свободными, сами назначать плату за свой труд и работать там и на того, как хотелось им. Черная Смерть расчистила путь для великого восстания тридцать лет спустя, которое сделало английского крестьянина самым свободным по сравнению с остальными его собратьями в тогдашней Европе.

Но вряд ли в те дни нашлось бы даже несколько дальновзорких людей, способных увидеть, что и это зло обернется добром, как бывает всегда. Горе и разорение постигли каждую семью. Павший скот, неубранный хлеб, невспаханные поля... все источники благосостояния пересохли одновременно. Богатые стали бедными, но те, что уже были бедны, попали в поистине безвыходное положение, а тем более если их обременяла необходимость поддерживать достоинство своего благородного рода. По всей Англии дворян подстерегала нищета – ведь у них не было иного ремесла, кроме войны, и жили они чужим трудом. Многие поместья оказались на краю гибели, и особенно поместье Тилфорд, с давних времен принадлежавшее благородному роду Лорингов.

Было время, когда Лоринги держали земли от Норт-Даунсов до Френемских озер, когда их мрачный донжон, вздымающийся над пойменными лугами реки Уэй, был оплотом самой грозной крепости между Гилфордским замком на востоке и Винчестером на западе. Но начались баронские войны, и король воспользовался своими подданными, происходившими от англосаксов, как бичом, чтобы привести к повиновению свою нормандскую знать, и замок Лоринг, подобно многим знаменитым крепостям, сровняли с землей. С той поры Лоринги, чьи владения были беспощадно урезаны, жили в господском доме, куда прежде удалялась овдовевшая хозяйка замка, уступая место супруге нового главы рода. Концы с концами они сводили, но от былой пышности не осталось и помина.

А затем цистерцианские монахи Уэверлийского монастыря по соседству затеяли с ними тяжбу, вознамерившись отобрать у них лучшие земли и присвоить феодальные права на остальные – вплоть до прекария и турбария. Великий процесс длился много лет; когда же решение было вынесено, церковники и законники поделили между собой наиболее лакомые куски, а Лорингам остался старый господский дом, откуда из поколения в поколение на очередную

войну отправлялся рыцарь поддержать честь родового имени и показать врагам пять алых роз на серебряном поле там, где они их видели всегда, – в первом ряду авангарда. В маленькой часовне, где Мэттью, домашний капеллан, каждое утро служил мессу, покоились двенадцать бронзовых рыцарей – надгробия двенадцати членов рода Лорингов. У двоих ноги были скреплены в знак их участия в Крестовых походах. Еще шестеро опирались стопами на львов, как павшие в битве. И лишь у ног четверых лежали бронзовые охотничьи псы, свидетельствуя, что их хозяева скончались в дни мира.

В году от Рождества Христова 1349-м имя этого прославленного, но обедневшего рода, вдвойне разоренного законом и чумой, носили лишь двое – благородная дама Эрминтруда Лоринг и ее внук Найджел. Супруг леди Эрминтруды пал под Стерлингом, отражая натиск шотландских копейщиков, а ее сын Юстес, отец Найджела, доблестно погиб за девять лет до начала этой хроники на корме нормандской галеры в морском сражении при Слейсе. Одинокая старуха, столь же яростная и сумрачно гордая, как сокол в клетке у нее в опочивальне, была ласкова только с юношей, которого взрастила. Вся любовь и нежность, так глубоко спрятанные в ее натуре, что никто о них даже не догадывался, были отданы ему. Она не желала расставаться с ним, а он, почитая старшую в роде, как того требовали обычаи века, не мог никуда уехать без ее согласия и благословения.

И вот Найджел, с сердцем льва в груди и кровью сотен воинов, бурлящей в его жилах, на двадцать втором году жизни без толку коротал томительные дни, наманивал пущенных в небо соколов, надевая на них путы и клобучки, или обучал охотничьих псов, которые делили с хозяевами большую залу.

День за днем престарелая леди Эрминтруда видела, как он крепнет и мужает. Некоторый же недостаток роста искупался железными мышцами и пламенным духом. Отовсюду – от коменданта Гилфордского замка, с ристалища Фарнема – до нее доходили вести о том, какой он смелый наездник, как он беззаветно храбр, как искусно владеет любым оружием, и все-таки она, кого кровавая смерть лишила супруга и сына, не могла вынести мысли, что последний из Лорингов, единственная уцелевшая почка прославленного старого древа, разделит ту же судьбу. Изнывая душой, но сохраняя улыбку на лице, Найджел терпел свою монотонную жизнь, а его бабушка все откладывала и откладывала злой час разлуки: вот когда кончится недород, вот когда монахи Уэверли вернут то, что присвоили, вот когда его дядя умрет и оставит ему деньги, чтобы он мог достойно снарядить себя, вот когда... ну, словом, она ссылалась на любой предлог, лишь бы удержать его возле себя.

Но и правда, Тилфорду требовался хозяин, потому что мир между аббатством и господским домом восстановлен не был и монахи находили то один, то другой предлог отрезать у своих соседей еще один ломоть их земли. На том берегу извилистой реки над зелеными лугами высились тяжелая квадратная башня и мощные серые стены угрюмого аббатства, где днем и ночью звонил колокол, точно беспрестанно угрожая маленькому поместью.

И эта хроника дней былых должна начаться в самом сердце богатого цистерианского монастыря: мы расскажем о вражде между монахами и домом Лорингов, о тех событиях, к которым она привела, опишем приезд Чандоса, небывалый поединок у тилфордского моста и подвиги Найджела на войне, снискавшие ему славу. В хронике «Белого отряда» уже описано, каким человеком был Найджел Лоринг. Те, кому он пришелся по сердцу, могут прочесть

здесь, как и почему он стал таким. Отправимся же вместе в прошлое и обозрим зеленую сцену Англии. Декорации – холм, равнина, река – совсем такие, как нынче, актеры же во многом неотличимы от нас самих, а во многом и в мыслях, и в поступках столь от нас далеки, будто обитали они на иной планете.

Глава II

Как дьявол явился в Уэверли

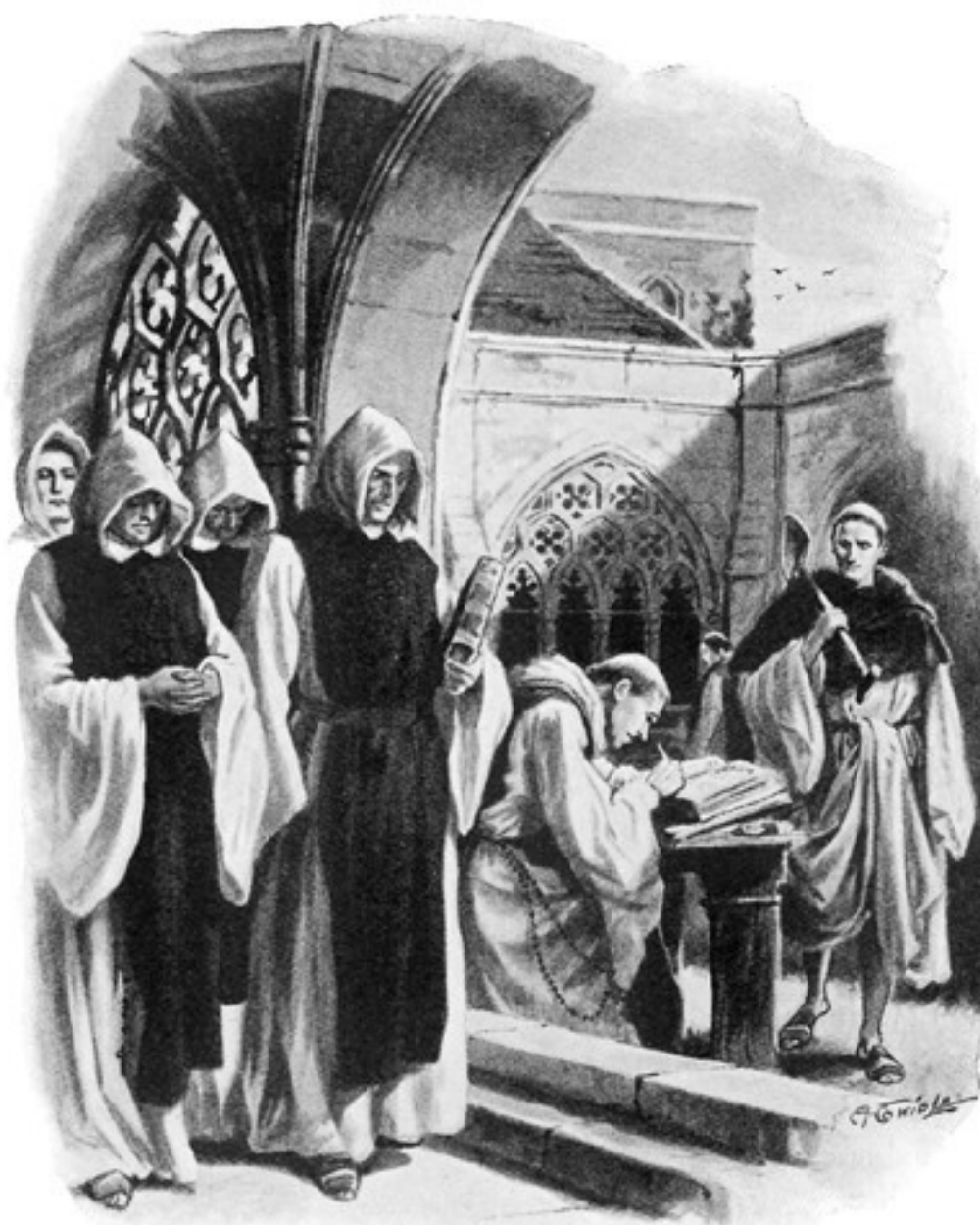
День был первое мая, день святых апостолов Иакова и Филиппа. Год же был одна тысяча триста сорок девятый от Рождества Спасителя нашего.

После девятичасовой молитвы и до полуденной, а потом после полуденной молитвы и до трехчасовой аббат Джон, настоятель Уэверлийской обители, занимался делами у себя в приемной, исполняя многотрудные обязанности, возложенные на него вместе с саном. На много миль вокруг на юг и на север, на запад и восток раскинулись плодородные земли процветающего монастыря, всевластным хозяином которого он был. В самом их сердце поднимались массивные здания аббатства – церковь и кельи, трапезная, странноприимный дом и дом капитула, полные хлопотливой жизни. За распахнутыми окнами слышались приглушенные голоса братьев, которые прохаживались по аркаде внизу, занятые благочестивой беседой. С той стороны внутреннего двора доносились переливы духовного песнопения – там регент разучивал его с хором, а зычный голос брата Питера гремел в доме капитула, где он растолковывал послушникам устав святого Бернарда.

Аббат Джон поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Он обвел взглядом зеленеющую траву и изящные готические арки открытой галереи, под сводом которой прогуливались братья. Облаченные в черно-белые одеяния, склонив головы, они медлительным шагом попарно описывали круг за кругом. Наиболее усердные принесли из скриптория свои рукописи, разложили под ласковым солнцем свои дощечки с красками и сусальным золотом и, сутуля плечи, склонялись над белыми листами бумаги. А неподалеку расположился чеканщик со своими резцами. Хотя ученость и искусства не были у цистерцианцев в той же чести, как у ордена бернардинцев, из которого они выделились, библиотека Уэверли могла похвастать множеством как бесценных книг, так и благочестивых ревнителей книжной мудрости.

Однако истинную славу свою цистерцианцы видели в трудах под открытым небом, и по галерее, возвращаясь с полей или из сада, то и дело проходили братья-трудники, чьи лица были обожжены солнцем, рясы подсучены, а руки сжимали выпачканные в земле мотыги или лопаты. Сочные пойменные луга, где паслись тонкорунные овцы, хлебные поля, отвоеванные у вереска и папоротника, виноградники на южном склоне холма Круксбери, цепь рыбных садков, осушенное, превращенное в огороды болото, вместительные голубятни опоясывали величавое аббатство как видимые доказательства усердия его обитателей.

Круглое румяное лицо аббата, пока он оглядывал свое внушительное хозяйство, светило тихим довольством – такой образцовый царил везде порядок. Как всякий глава богатой обители, аббат Джон – четвертый настоятель, носивший это имя, – был наделен многими талантами и достоинствами. Через посредство им самим выбранных помощников он управлял обширным имением и держал в строгости и благочинии многочисленных обитателей монастыря, удалившихся туда от житейских соблазнов. С теми, кто был ему подчинен, он был суровым и требовательным начальником, но с теми, кто стоял выше его, – ловким и обходительным дипломатом. Он вел ученые беседы с соседними аббатами и лордами, с епископами и папскими легатами, а порой и с его величеством королем. Он должен был разбираться в самых разных предметах – ведь ему приходилось выносить решения и по вопросам церковной доктрины, и по вопросам земледелия, архитектуры, охраны лесов, осушения болот и соблюдения феодального права. Он олицетворял собой правосудие во всех держаниях аббатства, которые охватывали немалую часть Гемпшира и Суррея. Монахам его неудовольствие грозило долгой епитимьей, ссылкой в более строгую обитель или даже темницей и цепями. И мирян он мог подвергнуть любой каре, кроме смерти телесной, зато в его власти было отлучить их от церкви, то есть обречь на гибель духовную, куда более страшную.

Таково было могущество аббата, и неудивительно, что его румяное лицо несло печать власти и что монахи, подняв глаза и увидев в окне это лицо, потуплялись еще смиреннее, а выражение их становилось еще благочестивее.

Стук в дверь напомнил аббату о сиюминутных заботах, и он вернулся к своему столу. Он уже беседовал нынче с келарем и коадьютором, с подателем милостыни, капелланом и чтецом, но теперь, в ответ на его разрешение, в дверь вошел высокий тощий монах, самый важный и самый доверенный из его помощников, брат Сэмюэл, ключарь, обязанности которого в миру соответствовали обязанностям управителя, так что материальное благополучие монастыря и сношения с суетным светом находились полностью в его ведении. Во всем, что касалось их, он поступал по своему усмотрению, отвечая только перед аббатом. Брат Сэмюэл был жилистым стариком с узловатыми руками, острые черты его хмурого лица не озарялись светом духовным и отражали лишь вечную озабоченность суетными мирскими делами и хлопотами. Под мыш-

кой он нес толстую счетную книгу, в другой руке сжимал тяжелую связку ключей – знак его должности, а также в минуты раздражения и орудие наказания, как свидетельствовали шрамы на головах многих вилланов и братьев-трудников.

Аббат устало вздохнул, потому что и ему приходилось терпеть немало мучений от своего усердного управителя.

– Так что же привело тебя сюда, брат Сэмюэл? – осведомился он.

– Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть мастеру Болдуину в Винчестере на два шиллинга за тук больше, чем в прошлом году, потому что из-за падежа овец цена повысилась.

– Ты поступил похвально, брат Сэмюэл.

– Еще я должен доложить тебе, что выселил лесника Уота из его дома. Он не уплатил рождественский оброк и прошлогодние недоимки за кур.

– У него, брат Сэмюэл, жена и четверо детей.

Аббат был добродушным человеком, хотя легко уступал настояниям своего не столь мягкосердечного ключаря.

– Истинно так, святой отец. Но если я спущу ему, как же мне взыскивать недоимки с лесников Путтенема или вилланов в деревнях? О таком снисхождении сразу узнают повсюду, и что тогда останется от богатств Уэверли?

– Что еще, брат Сэмюэл?

– Рыбные садки, святой отец.

Лицо аббата посветлело. Тут он был знатоком. Устав ордена отказывал ему во многих радостях жизни, а потому он весьма ценил те, которые были дозволены.

– Как там форель, брат Сэмюэл?

– Форель благоденствует, святой отец. Но в садке, где содержится рыба для твоего стола, не осталось ни одного карпа.

– Карпам требуется галечное дно. И пускать их в садок необходимо в точной пропорции – три самца на одну самку, брат ключарь, а место для садка нужно выбрать безветренное, каменистое и песчаное, и рыть на глубину двух локтей, и чтобы по берегам были ивы и трава. Ил для линя, брат Сэмюэл. А для карпа – галька.

Ключарь наклонился к нему, как вестник скорби.

– В садке с карпами завелись щуки, – сказал он.

– Щуки! – вскричал аббат в ужасе. – Да лучше уж пустить волка в нашу овчарню. Но как могла попасть щука в садок? Никаких щук весной там не было, а щуки не падают с дождем и не выныривают из источников. Садок необходимо осушить, не то в Великий пост нам придется есть вяленую рыбу и всю братию поразит тяжкая хворь, прежде чем Светлое Воскресенье положит конец нашему воздержанию.

– Садок будет осушен, святой отец. Я уже отдал распоряжение. В ил мы посадим душистые травы для нашего стола, а когда срежем их, снова наполним верхний садок водой и рыбами из нижнего – пусть жиреют, объедая оставшиеся стебли.

– Превосходно! – воскликнул аббат. – По-моему, в каждом хорошем хозяйстве надобно иметь три садка – осушенный под травы, мелкий под мальков и молоди и глубокий под взрослых рыб, а их часть брать для стола, остальных же оставлять плодиться. Но ты не ответил мне, как могли попасть щуки в монастырский садок?

Гримаса ярости исказила угрюмое лицо ключаря, и его костлявые пальцы так сжали связку ключей, что они звякнули.

– Желторотый Найджел Лоринг! – сказал он. – Мальчишка поклялся чинить нам вред, и вот его месть.

– Откуда тебе это ведомо?

– Полтора месяца назад он изо дня в день удил щук в большом Френемском озере. Его там видели. А потом его дважды встречали по ночам на Хэнклейском холме. Под мышкой он нес связку соломы. И уж конечно, солома была мокрая, а внутри связки лежала живая щука.

Аббат покачал головой:

– Я наслышан о необузданности этого юноши, но теперь, если ты говоришь правду, он перешел все пределы. Достаточно дурно было и то, что он, по слухам, охотился на королевских оленей в Вулмерском лесу, а также проломил голову разносчику Хоббсу, который неделю пролежал между жизнью и смертью у нас в лазарете, и спасло его только искусство брата Питера, лечащего травмами. Но пустить щук в монастырский садок... что могло толкнуть его на столь дьявольское дело?

– Он же ненавидит Уэверлийское аббатство, святой отец, за то, что мы, дескать, завладели землями его родителя.

– Но ведь сие отчасти правда.

– Святой отец! Мы владеем только тем, что нам принадлежит по закону.

– Справедливо, брат Сэмюэл, однако, говоря между нами, бывает, что более тяжелый кошелек перевешивает чашу весов правосудия. Когда я проезжал мимо старого дома и видел старуху с морщинистым лицом, чьи злобные глаза шлют мне проклятия, которые произнести вслух она не смеет, то не раз желал, чтобы у нас были другие соседи.

– Желание твое, святой отец, мы скоро исполним. Об этом я как раз и собирался доложить тебе. Нам, несомненно, не составит труда изгнать их из здешних мест. Над ними ведь висит неуплата щитовых денег за тридцать лет, а стряпчий Уилкинс по моему поручению составит такой перечень причитающихся с них платежей, что придется этим гордецам, чья нищета равна их высокомерию, продать крышу у себя над головой, лишь бы расплатиться. Не долее чем через три дня они будут у нас в руках.

– Они принадлежат к старинному и славному роду, брат Сэмюэл. Я не хотел бы обойтись с ними слишком сурово.

– Вспомни о щуках в рыбном садке!

Аббат вспомнил, и сердце его ожесточилось.

– Деяние поистине дьявольское – мы же только-только пустили туда новых форелей и карпов. Ну что же, закон есть закон, и, если ты сумеешь обратить его им во вред, нарушения его в том не будет. А уплаты от них уже потребовали?

– Дикон, управитель, вчера ходил в господский дом с двумя своими помощниками, и они еле унесли ноги. Бежали во всю прыть с воплями, а этот бешеный сорвиголова гнался за ними по пятам. Он ростом мал и на вид щуплый, но от ярости силы его удесятятся. Управитель клянется, что пойдет туда снова, только если с ним пошлют пяток лучников.

Услышав об этой новой дерзости, аббат побагровел от гнева:

– Я покажу ему, что служители церкви, хотя среди ее детей и нет никого смиренней и ниже нас, тех, кто следует заветам святого Бернарда, способны постоять за своих против дерзких насильников! Иди вызови этого человека в суд аббатства! Пусть явится в дом капитула после утренней молитвы.

Но осмотрительный ключарь покачал головой:

– Нет, святой отец, время еще не пришло. Прошу тебя, дай мне три дня, чтобы собрать все обвинения против него. Не забудь, что дед и отец этого непокорного сквайра в свое время слыли лучшими рыцарями на службе самого короля, были в большой чести у него и, снискав славу, пали, исполняя рыцарский долг. А леди Эрминтруда Лоринг была первой дамой при дворе матери нашего государя. Роджер Фиц-Алан, владелец Фарнема, и сэр Хью Уолкотт, комендант Гилфордского замка, оба были товарищами по оружию отца Найджела и состоят с ним в родстве по материнской линии. Уже шли разговоры, что мы обошлись с ними без милосердия. А потому мой совет – мудро выждать, пока чаша дурных его деяний не переполнится.

Аббат открыл было рот, чтобы ответить, но тут их беседу прервали неподобающе громкие восклицания монахов в галерее под окном. Возбужденные вопросы и ответы разносились по двору. Ключарь и аббат в изумлении уставились друг на друга, пораженные тем, что вышколавленная ими братия позволяет себе подобное нарушение монастырской дисциплины и благопристойности. Но в ту же минуту на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в нее вбежал белый как мел монах.

– Отче аббат! – возопил он. – Увы! Увы! Брат Джон убит, и святой помощник коадьютора убит, а на пятивиргатном поле бесчинствует дьявол!

Глава III

Златой конь из Круксбери

В те простодушные времена жизнь являла собой чудо и глубокую тайну. Человек ходил по земле в трепете и боязни, ибо совсем близко над его головой находились Небеса, а под его ногами совсем близко прятался Ад. И во всем ему виделась рука Божья – и в радуге, и в комете, и в громе, и в ветре. Ну а дьявол в открытую бесчинствовал на земле. В сумерках он устраивал засаду позади живой изгороди, он зычно хохотал в ночном мраке, он рвал когтями грешника на смертном одре, хватал некрещеного младенца и сводил судорогой члены эпилептика. Гнусный враг рода человеческого вечно таился за плечом человека, нашепывал ему черные помыслы, толкал на злодеяния, пока над головой у него, смертного, витал ангел-хранитель, указывая ему узкий и крутой путь добра. Да и как же было усомниться в истинности всего этого, коли сам Папа, священнослужители, ученые мудрецы и король на своем троне верили – и верили истово? И на всем белом свете не раздавалось ни единого возражения?

Каждая прочитанная книга, каждая увиденная картина, каждая история, рассказанная нянькой или матерью, – все учили тому же. А вера тех, кому доводилось ездить по свету, только укреплялась: повсюду им встречались храмы и часовни, где хранились те или иные реликвии того или иного святого, окруженные легендами о бесчисленных нескончаемых чудесах, доказательством которых служили груды костылей, оставленные там исцеленными, и серебряные вотивные сердечки, висящие вокруг. Куда бы человек ни обратил взгляд, он раз за разом убеждался, сколь тонка завеса, отделяющая его от ужасных обитателей невидимого мира, и сколь легко она рвется.

Вот почему слова перепуганного монаха показались тем, к кому были обращены, очень страшными и ничуть не смешными. Румяные щеки аббата даже побелели на миг, однако он взял со стола распятие и храбро поднялся на ноги.

– Веди меня к нему! – приказал он. – Покажи мне гнусное исчадие ада, посмевшееся положить лапу на братьев благочестивой обители святого Бернарда. Беги к моему капеллану, брат! Пусть приведет с собой брата, сподобившегося изгонять бесов, и принесет реликварий, а также хранящуюся в алтаре раку с костями святого Иакова. Они и наши смиренные сердца помогут нам возобладать над всеми силами тьмы.

Однако ключарь был наделен более скептическим умом. Он стиснул руку монаха повыше локтя с такой силой, что ее надолго украсили пять синяков.

– Разве входят в келию аббата, не постучав, не склонив головы или хотя бы не сказав «*Rax vobiscum*»?⁴ – грозно спросил он. – Не ты ли был самым кротким из наших послушников? В доме капитула не поднимал глаз, истово пел в хоре и ревностно соблюдал все правила устава. Так опомнись же и отвечай на мои вопросы без уверток. В каком обличии явился гнусный бес и как навлек погибель на наших братьев? Видел ли ты его собственными глазами или повторяешь услышанное от других? Говори же, или тотчас пойдешь и встанешь на скамью покаяния в доме капитула!

Эта речь несколько образумила напуганного монаха, хотя совсем белые губы, выпученные глаза и прерывистое дыхание свидетельствовали, какой страх он продолжает испытывать.

– С твоего разрешения, святой отец, и твоего, преподобный ключарь, случилось это так. Джеймс, помощник коадьютора, брат Джон и я после второй молитвы резали папоротник на холме Хэнкли для коровника. А когда возвращались в обитель через пятивиргатное поле, святой отец Джеймс начал было благочестиво рассказывать нам житие святого Григория, как вдруг раздался шум, словно бы бушующего потока, и гнусный бес перепрыгнул через высокую стену вокруг луга и кинулся к нам быстрее ветра. Брата-трудника он сбил с ног и втоптал в рыхлую землю. Потом ухватил зубами доброго отца Джеймса и помчался по полю, встряхивая его, точно узел старого тряпья. Пораженный таким зрелищем, я застыл на месте, прочитал «Верую» и три «Богородицы», но тут дьявол бросил отца Джеймса и ринулся на меня. С помощью святого Бернарда я перелез через стену, но он успел хватануть меня зубами за ногу и вырвать целую полосу из моего одеяния.

В подтверждение этого он повернулся и показал лохмотья, в которые превратился сзади его длинный балахон.

– Но в каком же обличии явился Сатана? – нетерпеливо спросил аббат.

– Огромного желтого, точно золото, коня, святой отец. Лютого жеребца с огненными глазами и зубами дракона.

– Желтого жеребца! – Ключарь свирепо уставился на злополучного монаха. – Ах ты, глупец! Случись и в самом деле князю тьмы предстать перед тобой, как же поведешь ты себя, коли испугался желтой лошади? Отче, это жеребец вольного хлебопашца Эйлварда, взятый

⁴ Мир вам (*лат.*).

нами за те пятьдесят полновесных шиллингов, которые он нам задолжал, а уплатить никак не может. Говорят, такого скакуна не найти нигде, опричь королевских конюшен. Отец у него испанский боевой конь, а мать – арабская кобыла тех же кровей, что и кони, которых Саладин держал только для себя и, по слухам, делил с ними свой шатер. Я забрал жеребца в уплату долга и велел работникам, которые привели его связанным, снять с него веревки на огороженном заливном лугу и оставить там одного, ибо слышал, что норов у него самый злобный и он уже не одного человека убил до смерти.

– Черным был день для Уэверли, когда ты задумал привести в его пределы такое чудовище, – молвил аббат. – Если помощник коадьютора и брат Джон и правда убиты, то конь этот пусть и не сам дьявол, но уж несомненно его орудие.

– Конь он или дьявол, святой отец, только я своими ушами слышал, что он вопил от радости, когда топтал брата Джона. А коли бы вы видели, как он тряс отца Джеймса, будто пес крысу, так, чаю, подумали бы то же, что и я.

– Так идемте же! – воскликнул аббат. – Посмотрим своими глазами, какое зло совершено.

И все трое поспешили вниз по лестнице, которая вела в галерею.

Едва они спустились, как худшие их страхи развеялись: во двор как раз вошли в порванной одежде, с ног до головы перепачканные в земле оба предполагаемые покойника, окруженные и поддерживаемые сочувствующими братьями. Однако шум и вопли, доносившиеся

снаружи, свидетельствовали, что там разыгрывается новая трагедия, и аббат с ключарем поспешили туда со всей быстротой, совместимой с их достоинством, и, пройдя ворота, приблизились к ограде и заглянули за нее. Их глазам представилось редкостное зрелище.

Там в сочной траве по бабки стоял великолепнейший конь – такой, о каком грезят ваятель и воин. Светло-рыжая масть, а грива и хвост отливают золотом. Рост – семнадцать ладоней в холке. Мощная грудь и крутой круп свидетельствовали о гигантской силе, однако изящные очертания выгнутой шеи, плеч и ног говорили о чистопородности. И как же он был красив в эту минуту, когда, широко расставив передние ноги и чуть присев на задние, гордо откинув голову, насторожив уши и вздыбив гриву, гневно раздувал красные ноздри и с надменной угрозой косил сверкающими глазами!

Шестеро монастырских прислужников и лесников, каждый держа наготове аркан, подкрадывались к нему со всех сторон. Внезапно могучий конь грациозно взвился в воздух и бросался на одного из людей, покушавшихся на его свободу. Шея вытягивалась, грива колыхалась на ветру, зубы сверкали, и он преследовал вопящую жертву до самой ограды, остальные же быстро забегали сзади и пытались набросить арканы на голову и ноги, но тут же в свою очередь еле улепетывали.

Если бы два аркана затянулись одновременно и если бы людям удалось захлестнуть их концы за пень и большой камень, человеческий разум возобладал бы над быстротой и силой. Но те, кто воображал, будто одного аркана будет достаточно, особой ясностью разума похвастать не могли и только подвергали себя напрасной опасности.

И неизбежное случилось как раз в ту минуту, когда аббат и его спутники поглядели через ограду. Конь, загнав за нее очередного врага, задержался там, презрительно фыркая, и остальные сумели подобраться к нему сзади. Арканы взвились в воздух, одна петля опоясала гордую холку и утонула в пышной гриве. Во мгновение ока взбешенный жеребец обернулся, и люди опрометью бросились врассыпную. Но лесник, столь удачно набросивший аркан, замешкался, не зная, как воспользоваться своим неожиданным успехом. Это промедление оказалось роковым. Раздался отчаянный вопль – гигантский жеребец взвился над беднягой, и тут же передние копыта опустились и опрокинули его наземь. Он вскочил, был снова опрокинут и остался лежать, дрожа, весь окровавленный, а разъяренный жеребец, в минуты бешенства самый свирепый и страшный зверь на свете, схватил зубами, встряхнул и бросил себе под копыта извивающееся тело.

Рты увенчанных тонзурой голов над оградой раскрылись было в стенании, полном ужаса, но оно тут же оборвалось, а затем наступившую на миг мертвую тишину прервали крики радости и благодарности.

По дороге, ведущей к сумрачному господскому дому на склоне холма, трусил на тощей мохнатой лошадке молодой человек в выцветшей и заплатанной лиловой тунике, перехваченной старым кожаным поясом. Но вопреки столь убогой одежде и не менее убогой лошади в осанке юноши, в посадке его головы, в непринужденном изяществе движений и смелом взгляде больших глаз было столько благородства и рыцарственности, что он не потерялся бы и в самом знатном собрании. Невысокая худощавая его фигура была на редкость хорошо сложена, а лицо, хотя загорелое и обветренное, отличалось тонкостью черт, выразительностью и живостью. Из-под темной шапочки выбивались густые золотистые кудри, а золотистая бородка скрывала очертания сильного волевого подбородка. Единственным его украшением было перо скопы, приколотое золотой брошью к шапочке. Но в памяти наблюдателя остались бы не это перо, не короткий плащ, охотничий нож в кожаных ножнах, перевязь с медным рогом или сапоги из

мягкой оленьей кожи с простыми шпорами, но обрамленное золотом загорелое лицо и пляшущие огоньки в быстрых, беззаботных, смеющихся глазах.

Таков был молодой человек, который, весело пощелкивая хлыстом, трусил в сопровождении полдюжины собак на невзрачной лошаденке по Тилфордской дороге, а потом остановился и с насмешливо-презрительной улыбкой начал следить за разыгравшейся на поле комедией и неуклюжими попытками слуг аббатства совладать с золотым конем.

Однако едва комедия обернулась черной трагедией, юноша из безучастного зрителя превратился в ее участника. Он соскочил с лошади, одним прыжком перелетел через ограду и стремительно побежал через поле. Оторвавшись от своей жертвы, золотистый жеребец поглядел на нового врага и, отшвырнув задними копытами распростертое, еще шевелящееся тело, кинулся на незваного пришельца.

Но против его ожидания тот не обратился в бегство, и пуститься в веселую погоню за ним не удалось. Человечек выпрямился, поднял хлыст и встретил жеребца сокрушающим ударом железной рукоятки по лбу. Снова наскок и снова удар. Тщетно жеребец взвился на дыбы в попытке опрокинуть противника грудью и добить копытами. Человек был начеку и с полным хладнокровием быстро отпрыгнул в сторону от рушащейся на него смерти. Вновь раздался свист тяжелой рукоятки в воздухе и тяжелый стук, когда она опустилась точно на лоб коня. Тот попятился, с недоумением и яростью осмотрел этого неуязвимого человека, а потом описал круг, вздыбив гриву, насторожив уши, взмахивая хвостом и фыркая от боли и злости. Человек, едва удостоив взглядом опасного противника, подошел к поверженному леснику, подхватил его на руки с силой, неожиданной для его невысокой тонкой фигуры, и отнес к ограде, где десятки торопливо протянутых рук уже приготовились принять постанывающую ношу. Затем, не торопясь, молодой человек перебрался через ограду, с холодным пренебрежением улыбнувшись золотистому коню, который вновь в бешенстве устремился к нему.

Когда он спрыгнул на землю, монахи столпились вокруг него, благодаря и восхищаясь. Но он угрюмо повернулся и молча ушел бы, если бы аббат его не остановил.

– Нет, нет, сквайр Лоринг! – сказал он. – Пусть ты и недруг нашему монастырю, но нынче ты поступил, как подобает доброму христианину, и мы готовы признать, что наш слуга, если дух не покинул его тело, обязан этому, помимо нашего небесного патрона святого Бернарда, еще и тебе.

– Клянусь святым Павлом! Я не желаю вам добра, аббат Джон, – сказал молодой сквайр. – Тень вашего аббатства не сулит дому Лорингов ничего хорошего. А за сегодняшний пустяк я не прошу благодарности. Сделал я то, что сделал, не ради тебя или твоего монастыря, а потому лишь, что так мне было угодно.

Аббат побагровел от этих дерзких слов и гневно закусил губу. За него ответил ключарь.

– Было бы пристойнее и учтивее, – сказал он, – если бы ты обращался к святому отцу аббату с тем почтительным смирением, какого требует высокий сан князя церкви.

Юноша обратил смелый взор на монаха, и лицо его потемнело от гнева.

– Если бы не твое одеяние и не твои побелевшие волосы, я бы ответил тебе по-иному, – сказал он. – Ведь ты тот тощий волк, который неумолчно рычит у нашего порога, зарясь на еще оставшиеся нам крохи. Со мной говори и делай что хочешь, но, клянусь святым Павлом, если ваша ненасытная стая посмеет напасть на благородную даму Эрминтроду, я вот этим хлыстом прогоню их с того клочка, который еще остался нам от земель моего отца!

– Берегись, Найджел Лоринг! Берегись! – вскричал аббат, поднимая палец. – Или закон Англии тебя не страшит?

– Справедливого закона я страшусь и повинуюсь ему.

– Или ты не считаешь Святой Церкви?

– Почитаю все, что есть в ней святого. Но не почитаю тех, кто притесняет бедняков или крадет соседскую землю.

– Дерзновенный! Отлучение от нее карало многих и многих за куда меньшее, чем то, что ты наговорил сейчас. Но нынче нам не подобает судить тебя слишком строго. Ты молод, горяч, и необдуманные слова легко срываются с твоих уст. Как там лесник?

– Раны его тяжки, отче аббат, но он останется жив, – ответил монах, который склонился над неподвижным телом. – С помощью кровопусканий и снадобий на меду я поставлю его на ноги через месяц.

– Так отнесите его в лазарет. А теперь, как нам поступить с этим необузданным зверем, который все еще косится и фыркает на нас вон там за оградой, точно мыслит о Святой Церкви столь же непочтительно, как и сквайр Найджел?

– Вот же Эйлвард, – сказал кто-то из монахов. – Конь принадлежал ему, и, без сомнения, он заберет его назад к себе на ферму.

Но дородный краснолицый крестьянин покачал головой.

– Ну уж нет! – сказал он. – Этот живодер дважды гонялся за мной по выгону и чуть было не вышиб дух из моего парня. Сэмкин знай твердил, что не видать ему счастья, пока он не

поскачет на нем. Вот до сих пор он счастья и не видит. Из моих работников никто носа не смел сунуть в его стойло. Черным был тот день, когда я взял его из конюшен Гилфордского замка, где они не могли с ним сладить и ни один конюх не посмел его оседлать! Ключарь забрал его за пятьдесят шиллингов долга по собственной воле, так пусть и будет по его, а назад я тварь эту ни за какие коврижки не возьму!

– Здесь он тоже не останется, – объявил аббат. – Брат ключарь, раз ты вызвал дьявола, то тебе и изгнать его отсюда.

– С большой охотой! – воскликнул ключарь. – Брат казначей пусть вычтет пятьдесят шиллингов из положенных мне еженедельных сумм, дабы аббатство не понесло ущерба. А пока, вижу, здесь Уот со своим арбалетом и стрелой за поясом. Так пусть же он прикончит проклятого коня, чья шкура вместе с копытами принесут больше пользы, чем это исчадие зла, пока оно живо.

Старый охотник с темным морщинистым лицом, чьей обязанностью было истреблять вредных зверьков в лесах аббатства, выступил вперед с довольным видом. Многие годы он стрелял ласок да лисиц и вот теперь мог показать свое искусство на куда более благородном животном. Заложив стрелу в желоб уже взведенного арбалета, он прижал оружие к плечу и прицелился в гордую гневную голову по ту сторону ограды, непокорно вздергивающуюся и разметывающую гриву. Его палец согнулся, чтобы отпустить тетиву, но тут удар хлыста подбросил арбалет вверх, и стрела пронеслась над яблонями аббатства, никому не причинив вреда, а Уот боязливо попятился, встретив гневный взгляд Найджела Лоринга.

– Береги свои стрелы для хорьков! – воскликнул юноша. – Неужто ты отнимешь жизнь у вольного создателя, виновного лишь в том, что никому еще не удалось сладить с его непокорным духом? И ты убьешь коня, который достоин ходить под седлом самого короля, и все потому, что у мужика, монаха и монастырского работника не хватает ни ума, ни умения справиться с ним?

Ключарь быстро повернулся к сквайру.

– Как ни грубы твои слова, аббатство обязано отблагодарить тебя за нынешний твой поступок, – сказал он. – Коли ты так расхваливаешь сего коня, уж наверное тебе хочется стать его хозяином. Раз я уплачу за него, то, с разрешения святого аббата, могу им распорядиться и дарю его тебе без всяких условий.

Аббат дернул его за рукав.

– Подумай, брат ключарь, – шепнул он, – не падет ли кровь этого человека на наши головы?

– Его гордыня столь же упряма, как у этого коня, святой отец, – ответил ключарь, и его изможденное лицо перекошилось в злорадной усмешке. – Кто-то из них будет сломлен, и мир от него избавится. Но если ты не позволяешь...

– Нет, брат ключарь, коня этого ты купил и можешь распорядиться им, как пожелаешь.

– Тогда я отдаю его – шкуру и копыта, хвост и норов – Найджелу Лорингу, и пусть он будет так же кроток и покорен с ним, как сам он – с настоятелем аббатства Уэверли!

Ключарь повысил голос под смехи монахов, но тот, к кому была обращена эта речь, вряд ли его услышал. При первых тех словах, показавших ему, какой оборот принимает дело, он быстро побежал к своей лошадке, снял с нее крепкую уздечку с мундштуком и, оставив ее мирно щипать траву у дороги, торопливо вернулся.

– Я принимаю твой подарок, монах, – сказал он, – хотя и знаю, почему ты решил мне его сделать. Все же я тебя благодарю, потому что были у меня два заветных желания, только мой тощий кошелек не сулил надежды, что они когда-нибудь сбудутся. И одно из них – владеть благородным конем, таким конем, на какого не зазорно сесть сыну моего отца. И этого коня я выбрал бы из всех остальных, потому что покорить его – славное и почетное дело. А как он зовется?

– Зовется он Бурелет, – ответил вольный хлебопашец. – Только, благородный сэр, да будет тебе ведомо, объездить его никому не дано. Многие пробовали, и счастлив тот, кто отделался одним сломанным ребром.

– Благодарю тебя за предостережение, – сказал Найджел. – Теперь я вижу, что это и вправду конь, за каким я отправился бы в дальний путь. Я твой человек, Бурелет, а ты – моя лошадь, и сегодня к вечеру ты это признаешь, или больше мне лошадь никогда не потребуется. Мой дух против твоего, да подкрепит Господь его, чтобы труднее было взять над тобой верх и принесло бы это больше чести!

К тому времени, когда молодой сквайр договорил, он уже забрался на ограду и встал на ней, в одной руке сжимая уздечку, в другой хлыст. Он казался воплощением изящества и пылкого мужества. С яростным фырканием конь ринулся к нему, скаля сверкающие белые зубы, но вновь удар тяжелой рукоятки заставил его отпрянуть, и в этот миг, хладнокровно измерив расстояние, Найджел изогнулся, ловкая фигура мелькнула в воздухе, и сильные колени сжали крутые золотистые бока. Но без седла и стремян удержаться на широкой спине оказалось не так-то просто: конь вставал на дыбы, бил задом, и минуту победа вот-вот могла остаться за ним. Однако ноги всадника были словно две стальные полосы, приклепанные к дугам конских ребер, его левая рука, погруженная в песочно-рыжую гриву, ни на мгновение не расслабила хватки.

Никогда еще однообразное существование смиренной монастырской братии не нарушалось столь диким зрелищем. Золотистый конь прыгал вправо, пригибался к земле влево, опускал оскаленную морду между передними ногами, метя траву спутанной гривой, и тотчас взмывал высоко в воздух в стремительном прыжке – багряные ноздри свирепо раздувались, глаза горели бешенством. Он был прекрасен, только красота эта внушала ужас. Но вопреки всем усилиям железных мышц, послушных яростному духу могучего коня, ловкий всадник на его спине сохранял свое преимущество: гибкая фигура клонилась, как тростник на ветру, следуя движениям коня, но колени ее так же сжимали вздымающиеся бока, лицо сохраняло неумолимое спокойствие, а глаза блестели радостным упоением борьбы.

Внезапно из уст монахов вырвался протяжный горестный вопль: в последнем безумном усилии конь поднялся на дыбы, откидываясь все выше, выше, пока не упал на спину, подмяная под себя всадника. Но тот с молниеносной быстротой выскользнул из-под него еще в падении, ударил его каблуком, когда он покатился по земле, а едва он начал подниматься на ноги, ухватился за гриву и легким прыжком вновь взлетел ему на спину. Даже угрюмый ключарь присоединился к одобрительным возгласам, когда Бурелет, ошеломленный тем, что всадник по-прежнему сидит на нем, понесся по лугу, выделявая курбеты и вскидывая задом.

Впрочем, дикий конь только еще больше разъярился. Злоба, переполнившая непокорное сердце, вылилась в свирепое решение уничтожить этого вцепившегося в него человека, пусть даже ценой собственной гибели. Он повел вокруг налитыми кровью сверкающими глазами, ища средства, чтобы осуществить свой отчаянный замысел. С трех сторон луг опоясывала каменная ограда с единственными тяжелыми деревянными воротами, но четвертая сторона примыкала к глухой серой стене длинного амбара. Конь стремительным галопом понесся к ней, чтобы выполнить свое намерение и рухнуть бездыханным рядом с ней, раздавив в кровавую лепешку человека, вознамерившегося стать господином того, кто не признавал над собой ничьей власти.

Мощные ноги подбирались и выпрямлялись в прыжке, торопливые копыта гремели по дерну, и конь все быстрее приближался к роковой стене. Спрыгнет ли Найджел? Это значило бы уступить воле коня. Но у него оставался еще один выход. Быстро, хладнокровно, уверенно юноша переложил уздечку и хлыст в левую руку, все еще вцепляющуюся в гриву. Затем правой рукой он сдернул с плеч короткий плащ и, вытянувшись вдоль спины, на которой волнами вздувались и опадали сильные мышцы, набросил его на морду коня.

Маневр этот оказался настолько успешным, что всадник чуть было не слетел на землю. Когда красные, жаждущие смерти глаза вдруг погрузились во мрак, конь в растерянности оста-

новился так резко, что Найджел съехал ему на шею и еле удержался, главным образом благодаря тому, что его пальцы совсем запутались в гриве. Но опасность миновала еще до того, как он принял прежнюю позу. Конь, ошеломленный непонятностью случившегося, забыл о своем намерении, вновь круто повернул, дрожа всем телом и обиженно вскидывая голову, пока наконец плащ не соскользнул с его морды и пугающая тьма не сменилась привычным солнечным светом, озаряющим траву.

Но какому еще позору его тем временем подвергли? Что это за мерзкая железка распирает ему рот? Что за ремни трутся по изгибающейся шее? Что за кожаная полоса легла на лоб? За те секунды, пока конь стоял, стараясь избавиться от плаща, Найджел наклонился вперед, вставил мундштук между клацающими зубами и накиннул на голову уздечку.

Слепая безграничная ярость вновь переполнила сердце золотистого коня при этом новом унижении, несущем с собой рабство и бесславие. Вновь взыграл в нем грозный дух непокорности и вольнолюбия. Как он ненавидел и это место, и этих людей – все и вся, что покушалось на его свободу! Он покончит с ними раз и навсегда! Больше они его не увидят! Он умчится на край земли, на великие просторы, где его ждет свобода! Куда угодно за далекий горизонт, лишь бы избавиться от омерзительного мундштука и нестерпимой власти человека!

Он молниеносно повернулся и великолепным прыжком с легкостью оленя перелетел через деревянные ворота высотой в человеческий рост. Найджел приподнялся, следуя движению взвившегося в воздух коня, шапочка сорвалась с его головы, и золотые кудри разметались. Впереди на пойменном лугу заблестел ручей, впадавший неподалеку в реку Уэй. Ширина его была тут не менее десяти шагов. Золотистый конь подобрал задние ноги и пронесся над потоком, как стрела. Он оттолкнулся от земли перед валуном, а на том берегу коснулся земли за кустом дрока. Два камня все еще отмечают длину этого прыжка от отпечатка копыт до отпечатка копыт, и расстояние между ними равно добрым двенадцати шагам. Могучий конь промчался под низким суком большого дуба на том берегу (этот *Quercus Tilfordiensis*⁵ все еще называют любопытствующим путешественникам как межевой знак ближних угодий аббатства). Он надеялся сбить всадника со своей спины, но Найджел распластался на ней, уткнувшись лицом в развевающуюся гриву. Грубая кора больно его царапнула, но он даже не вздрогнул и не ослабил хватки. Вскидывая то передние, то задние ноги, выделявая курбеты, Бурелет промчался по молоденькой роще и вырвался на простор длинного склона Хэнкли.

И началась скачка, память о которой еще живет в местных легендах и в припеве старинной непритязательной суррейской баллады, который только от нее и сохранился:

Скажи скорей, кто всех быстрее?
Сапсан в небесной вышине,
Олень, бегущий по холмам,
Иль Найджел на златом коне.

Перед ними простирался океан темного вереска, катящий волны к четко вырисовывавшейся вершине холма. Над ними изгибался чистый небосвод, а солнце уже склонялось к Гемпширской гряде. По вереску, щекотавшему ему брюхо, по овражкам, через ручьи, вверх по крутым откосам несли Бурелет, и сердце у него грозило вот-вот разорваться от бешенства, а все фибры тела трепетали от невыносимого унижения.

Но что бы он ни делал, человек продолжал крепко сжимать коленями его вздымающиеся бока, а пальцами – гриву, безмолвный, застывший, неумолимый, ни в чем ему не препятствующий, но непоколебимый, как судьба. Все вперед и вперед мчался могучий золотистый конь – через холм Хэнкли, по Терслейскому болоту, где камыш хлестал его по забрызганной грязию

⁵ Тилфордский дуб (лат.).

холке, вверх по длинному склону Хедленд-Хиндса, вниз по Наткомбскому оврагу, скользя, спотыкаясь, но не замедляя безумного галопа.

Обитатели деревушки Шоттермилл слышали громовой топот копыт, но не успели откинуть бычьи шкуры, закрывавшие вход в их лачуги, как конь и всадник уже скрылись среди высокого папоротника Холсмирской долины. А конь все мчался и мчался, оставляя позади милю за милей. Никакая трясина не могла его остановить, никакой холм не мог заставить его свернуть в сторону. Вверх по крутизне Линчмира и вниз по длинному спуску Фернхерста стучали его летящие копыта, словно по плоской равнине, и только когда он оставил позади склон Хенли и впереди над рощей поднялись серые башни замка Мидхерст, гордо вытянутая шея чуть поникла, а дыхание участилось. И куда бы он ни обращал взгляд – на леса и на холмы, – нигде его усталые глаза не видели заветного царства свободных степей, к которым он стремился.

И вдруг еще одно унижение! Как будто этому человеку мало прилипнуть к его спине, он теперь позволил себе совсем уж немыслимое: принудил его – его! – замедлить бег и направить туда, куда вздумалось ему. Что-то врезалось в уголки его рта, что-то повернуло его голову вновь на север. А впрочем, на север так на север, только человек, видно, совсем лишился рассудка, если думает, что такой конь, как он, Бурелет, сломлен духом или телом! Нет, он скоро покажет ему, что остался непобежденным, пусть порвутся у него сухожилия или разорвется сердце. И он помчался назад вверх по длинному, длинному склону. Да будет ли конец этой крутизне? Но благородный скакун не хотел признать, что у него уже не остается сил бежать дальше, – ведь человек по-прежнему цеплялся за его спину. Крутые бока были все в хлопьях пены, к ним прилипли комья глины. Глаза еще больше налились кровью, из открытого рта с хрипом вырывалось дыхание, ноздри раздулись, от шерсти шел пар, пропитанный запахом пота. Он промчался вниз по длинному склону холма Санди, но болото Кингли у подножия показалось ему непреодолимым. Нет, это уже слишком! Тяжело вытаскивая из вязкой трясины облепленные черной грязью копыта, он среди камышей с судорожным вздохом сменил бешеный карьер на рысь.

О, верх позора! Неужели нет предела этим унижениям? Ему даже не позволяют самому избрать аллюр! Он столько времени несся галопом по собственной воле, но теперь должен был опять перейти на галоп, подчинившись чужой. В его бока впились шпоры. Жалящий хлыст опустился на его плечи. От боли и стыда он подпрыгнул на высоту собственного роста. Затем, забыв про усталость, забыв, как тяжело вздымаются его потемневшие от пота бока, забыв все, кроме невыносимого оскорбления и жгучего гнева, он вновь помчался бешеным карьером. Теперь перед ним опять были вересковые склоны, и несся он к Уэйдаун-Коммон. Он летел вперед и вперед, и вновь у него потемнело в глазах, вновь его ноги начали подгибаться, вновь он попробовал сменить аллюр, но жестокие шпоры и жалящий хлыст гнали его дальше. Он ослеп от усталости и готов был вот-вот упасть.

Он уже не видел, куда ступают его копыта, ему было все равно, в какую сторону бежать. Им владело только одно всепоглощающее желание – ускользнуть от этого ужаса, этой пытки, от того, кто завладел им и не отпускал. Он миновал деревню Терсли, сердце в груди у него разрывалось, глаза остекленели от муки, однако, все так же уступая шпорам и хлысту, он поднялся на гребень Терсли, но тут дух его угас, могучие силы истощились, и со страдальческим стоном золотистый конь рухнул среди вереска. Столь внезапно он упал, что Найджел перелетел через его плечо, и, пока красный солнечный диск закатывался за вершину Бустера, человек и лошадь лежали бок о бок, лоя ртом воздух, а в лиловом небе уже заблестели первые звезды.

Первым пришел в себя молодой сквайр. Встав на колени рядом с тяжело дышащим, измученным скакуном, он ласково провел ладонью по спутанной гриве и взмыленной морде. Налитый кровью глаз скопился на него, но с удивлением, а не с ненавистью, с мольбой, а не с угрозой. Он продолжал поглаживать мокрую шерсть, и конь с негромким ржанием ткнулся носом

ему в ладонь. Этого было достаточно. Поединок кончился, и благородный противник принял условия благородного победителя.

– Ты мой конь, Бурелет, – прошептал Найджел, прижимаясь щекой к изогнутой шее. – Я узнал тебя, Бурелет, ты узнал меня, и с помощью святого Павла мы заставим многих других узнать нас. А теперь пойдём-ка вон к тому озерку. Ведь трудно сказать, кому сейчас вода нужнее, тебе или мне.

Вот так-то припоздавшие монахи Уэверли, возвращаясь в монастырь с дальнего поля, и узрели странное зрелище, столь их поразившее, что рассказ о нем в тот же вечер достиг ушей и аббата и ключаря. Проходя через деревню Тилфорд, они увидели, что по дороге к господскому дому идут бок о бок, голова к голове человек и лошадь. А когда они подняли фонари и посветили на них, то узнали молодого сквайра, который вел, как пастух ведет ягненка, страшного золотого коня из Круксбери.

Глава IV

Как в Тилфордский господский дом явился стряпчий

Ко времени этой хроники суровая простота старых нормандских замков отошла в прошлое, и новые обиталища знати, хотя и не выглядели столь внушительно, были куда более удобными и комфортабельными. Строили их теперь для мирной жизни, а не для войны. Сравнение варварской угрюмости Певенси или Гилфорда с величественной изысканностью Бодмина или Виндзора дает наглядное представление о перемене нравов, воплощенной в них.

У первых замков было строгое назначение – они помогали завоевателям держать в повиновении завоеванную страну. Но когда нормандская знать утвердилась прочно, нужда в замках-крепостях отпала, за исключением тех случаев, когда владелец укрывался там от правосудия или в дни смут. У пределов Уэльса, или Шотландии, замок оставался стражем границ королевства, там они строились и укреплялись. Но во всех других местах замки таили угрозу для королевского могущества, а потому сравнивались с землей, новые же не возводились. И к тому времени, когда на престол взошел Эдуард III, большую часть старинных замков-крепостей перестроили так, чтобы в них было удобно жить, или же они были разрушены в годы междоусобиц, и серые их остовы все еще можно видеть на вершинах многих наших холмов. На смену им пришли либо дворцы вельмож, приспособленные к обороне, но рассчитанные главным образом на спокойную жизнь в роскоши, либо помещичьи дома, не обладавшие никаким военным значением.

Таким был и тилфордский господский дом, где леди Эрминтруда и Найджел, последние в древнем и славном роду Лорингов, отдавали все свои силы на то, чтобы поддерживать родовое достоинство и оберегать остатки своего надела от покушений монахов и законников. Дом был двухэтажный, с каркасом из толстых бревен и стенами из нетесаных камней. К опочивальням на втором этаже вела наружная лестница. Первый состоял всего из двух помещений – светлицы дряхлой леди Эрминтруды и обширной залы, служившей и гостиной и столовой, где трапезу разделяли с господами их слуги и челядь. Жилища этих последних, кухни, конюшни и другие службы располагались в постройках позади дома. Там обитали паж Чарлз, старый сокольник Питер, Рыжий Свайр, который сопровождал деда Найджела в войнах с шотландцами, Уэтеркот, состарившийся менестрель, повар Джон и другие слуги, оставшиеся со времен преуспевания и льнувшие к старому дому, точно ракушки к днищу разбитого и выброшенного на риф судна.

Как-то вечером, через неделю после скачки Найджела на золотистом коне, он и его бабушка сидели в этой зале по сторонам большого пустого очага. Ужин кончился, столы на козлах, за которыми ели, были убраны, и зала выглядела голой и унылой. Каменный пол устилали стебли камыша, уложенные в несколько слоев, – их каждую неделю выметали вместе со всем недельным мусором и заменяли свежими. Несколько собак, разлегшись на камыше, обгладывали и разгрызали кости, сброшенные со столов. У одной из стен стоял длинный деревянный буфет с оловянной и глиняной посудой, остальная обстановка залы исчерпывалась скамьями у стен, двумя плетеными стульями, столиком, уставленным шахматными фигурами, и железным сундуком. В одном углу на высокой плетеной подставке величаво восседали два сокола, застыв без движения, – только их желтые гордые глаза иногда поблескивали.

Но если обстановка залы показалась бы скудной тому, кто вдруг заглянул бы в нее из другого, не столь спартанского века, посмотрев вверх, он был бы поражен множеством предметов у себя над головой. Над очагом красовались гербы благородных домов, связанных с Лорингами кровным родством или через брак. Две плоские смольные плитки, пылавшие по их сторонам, отбрасывали блики на лазурного льва семейства Перси, на красных птиц де Валенса, на черный крест де Мохунов, на серебряную звезду де Виров и алые пояса Фиц-Аланов. Все эти гербы были сгруппированы вокруг знаменитых пяти красных роз на серебряном поле – гербе, который Лоринги покрыли славой во многих кровавых сечах. А с тяжелых дубовых балок, пересекавших потолок, свисало много всякой всячины: кольчатые доспехи старинного фасона, щиты, два-три заржавевших, сильно помятых шлема, луки без тетивы, копья, остроги для охоты на выдр, лошадиная сбруя, удочки и разные другие принадлежности для войны или охоты. А выше них в черных теньях под самым потолком можно было различить ряды окороков, куски грудинки, засоленных гусей и прочие мясные запасы, приготовление которых играло столь большую роль в средневековом домоводстве.

Благородная дама Эрминтруда Лоринг, дочь, жена и мать воинов, обладала достойной их внушительностью. Высокая, худая, с суровым, словно вырезанным из дерева, лицом и беспощадными черными глазами, она внушала почтительную боязнь всем, кто ее окружал, пусть голову ее и убелили седины, а спину согнула тяжесть прожитых лет. В мыслях и воспомина-

ниях она уносилась в более жестокие времена, и Англия, которую она видела теперь, казалась ей изнеженной, павшей страной, забывшей законы рыцарской учтивости и доблести.

Власть, которую начинал обретать народ, растущие богатства церкви, все большее вторжение роскоши в образ жизни благородных (и не только благородных) сословий и некоторое смягчение нравов равно возбуждали в ней глубочайшее отвращение, а потому ее суровое лицо, не говоря уж о тяжелой дубовой клюке, опираться на которую ее вынудила старость, навели страх на всю округу.

Однако ее не только боялись, но и уважали – ведь в дни, когда книг было мало, а умевших читать немногим больше, память, хранившая события долгих десятилетий, и умение поведать о них ценились очень высоко. От кого, как не от леди Эрминтруды, могли услышать юные неграмотные отпрыски благородных родов Суррея и Гемпшира о жизни и подвигах своих дедов, о битвах, в которых они сражались? Узнать законы геральдики и рыцарственности, изученные ею в более грубый, но и более воинственный век? Как ни была она бедна, к кому, как не к леди Эрминтуде Лоринг, охотнее всего обращались за советом в запутанных вопросах о праве старшинства или правилах поведения?

Теперь она, сгорбившись, сидела возле пустого очага, глядя через него на Найджела, и жесткие черты ее лица смягчались любовью и гордостью. Молодой сквайр, тихонько насвистывая, умело вырезал птичьи стрелы для своего арбалета. Но вот он оторвался от этого занятия и, встретив устремленный на него взгляд темных глаз, наклонился через очаг, чтобы ласково погладить костлявую руку.

– Что тебя радует, милая бабушка? Я по твоим глазам вижу, что ты довольна.

– Нынче, Найджел, я узнала, как ты приобрел боевого коня, который бьет копытами в нашей конюшне.

– Как так, бабушка? Я ведь говорил тебе, что его мне подарили монахи.

– Говорил, милый внук, и ни слова больше не прибавил. Но думается мне, конь, которого ты привел сюда, совсем не похож на того, которого они тебе подарили. Почему ты не рассказал, как все было?

– Говорить о таком, по-моему, стыдно.

– Так бы ответил и твой отец. И его отец. Они хранили молчание на пиру, когда чаши ходили вкруговую, и слушали, как другие рыцари рассказывали о своих подвигах. Но если кто-то говорил громче остальных и словно бы искал, чтобы ему воздали хвалу, твой отец, когда пирующие вставали из-за стола, тихо дергал его за рукав и осведомлялся шепотом, не может ли он помочь ему в выполнении какого-нибудь обета? Или же не снизойдет ли он помериться с ним силой в поединке? Если человек этот оказывался хвастуном и прикусывал язык, твой отец никому ни словом об этом не упоминал. Если же он вел себя достойно, твой отец всюду его восхвалял, но о себе не говорил ничего.

Найджел смотрел на старуху сияющими глазами.

– Я так люблю, когда ты говоришь о нем, – сказал он. – Прошу тебя, расскажи снова, как он погиб.

– Погиб он, как и жил, учтивейшим рыцарем. У побережья Нормандии разыгралось морское сражение, и твой отец командовал воинами на корме корабля самого короля. А за год до этого французы захватили большой английский корабль. Они тогда подошли к нашим берегам, заперли проливы и сожгли город Саутгемптон. Назывался тот корабль «Христофор», и они поставили его впереди своего флота. Да только англичане подошли вплотную к нему, перебрались на него и перебили там всех. А твой отец и мессир Лоредан из Генуи схватились на высокой корме, и все люди на соседних кораблях следили за их поединком. Сам король не удержался от громких восклицаний. Ведь мессир Лоредан был прославленный боец и в этот день сражался доблестно, и многие рыцари завидовали твоему отцу, встретившему столь именитого противника. Твой отец заставил его отступить и нанес ему такой удар булавой, что

шлем у него на голове повернулся прорезями на затылок. Ослепнув, мессир Лоредан бросил меч и сдался для выкупа. Но твой отец ухватил его шлем и повернул его прорезями вперед. Едва мессир Лоредан вновь начал видеть, твой отец поднял его меч, отдал ему и пригласил отдохнуть немного, а потом продолжить поединок, ибо и полезно и радостно смотреть, как благородный воин бьется столь умело и мужественно. И они сели рядом отдохнуть у борта. Но когда они вновь взялись за оружие, в твоего отца попал камень, пущенный из мангонеля. Вот так он погиб.

– А мессир Лоредан? – воскликнул Найджел. – Он ведь тоже погиб?

– Увы! Его сразили лучники. Они любили твоего отца, а на такие вещи простолюдины смотрят иными глазами, чем мы.

– Жаль! – сказал Найджел. – Он ведь был достойным рыцарем и бился храбро.

– В дни моей молодости ни один простолюдин не посмел бы прикоснуться грязными руками к такому человеку. Воины с благородной кровью в жилах, одетые в доспехи, сражались друг с другом, а простые – копейщики или лучники – могли драться между собой. Однако нынче все стало на один покрой и лишь изредка кто-то вроде тебя, милый внук, приводит мне на память былых мужчин.

Найджел наклонился и взял ее руки в свои.

– Я такой, каким сделала меня ты, – сказал он.

– Это правда, Найджел. Да, я растила тебя, как садовник растит самый драгоценный свой цветок, ибо ты единственная надежда нашего древнего рода, а скоро, очень скоро ты останешься совсем один.

– Нет, милая бабушка, не говори так.

– Я стара, Найджел, и чувствую, как тьма сгущается вокруг меня. Сердце мое стремится покинуть нашу юдоль, как ее уже покинули все, кого я знала и любила. А ты... для тебя этот день будет светлым, ведь я не отпускала тебя в широкий мир, куда стремится твой доблестный дух.

– Нет, нет! Я счастлив с тобой тут, в Тилфорде.

– Мы очень бедны, Найджел. Не знаю, где мы найдем денег снарядить тебя на войну. Правда, у нас есть добрые друзья. Вот сэр Джон Чандос, покрывший себя славой во французских войнах, заслуживший честь ездить по правую руку короля. Он был другом твоего отца, когда оба они еще не были посвящены в рыцари. Если я отправлю тебя ко двору с письмом к нему, он поможет тебе.

Красивое лицо Найджела вспыхнуло.

– Нет, благородная леди Эрминтруда! Снаряжение я должен добыть для себя сам, как уже добыл коня. Уж лучше я поскачу на битву в этой тунике, чем буду обязан доспехами кому-то другому.

– Я боялась, что твой ответ будет таким, Найджел. Однако я, право, не знаю, как еще нам найти деньги, – печально сказала старуха. – В дни моего отца все было иным. Помню, доспехи тогда никого не заботили, их ведь делали во всех английских городах. Но год за годом люди все больше и больше пеклись о благополучии своего тела, и появлялись то какие-нибудь хитрые сочленения, то особый нагрудник, да чтобы изготовлены они были непременно в Милане или в Толедо, и теперь рыцарю, чтобы облечься в металл, надобно прежде иметь его побольше в кошеле.

Найджел жаждающе взглянул на старинные доспехи и оружие, развешанные на балках у него над головой.

– Ясеновое копьё еще крепко, – заметил он. – Как и дубовый щит, окованный железом. Сэр Роджер Фиц-Алан осмотрел их и сказал, что лучших ему видеть не доводилось. Но вот латы...

Леди Эрминтруда покачала седой головой и засмеялась.

– Ты унаследовал великую душу своего отца, Найджел, но не его рост и могучие плечи. Во всем королевском войске не было рыцаря выше и сильнее его. Его доспехи тебе не пригодятся. Нет, милый внук, мой тебе совет: продай этот обветшалый дом, когда приспест время, а с ним и жалкие остатки нашей земли, и снаряди себя на войну в надежде, что твоя правая рука добудет для Лорингов новый родовой дом.

Свежее юношеское лицо Найджела омрачила тень гнева.

– Не знаю, долго ли мы еще сумеем противостоять монахам и их крючкотворам. Не далее как нынче утром сюда явился человек из Гилфорда с записями, – дескать, все тут принадлежало аббатству еще до смерти моего отца.

– Где эти записи, милый внук?

– Зацепились за кусты дрока где-нибудь на Хэнкли. Я ведь расшвырял все его пергаменты и грамоты, а ветер умчал их быстрее сокола.

– Нет-нет, Найджел, или ты помрачился в уме? А этот человек где?

– Рыжий Свайр и старый Джордж Лучник бросили его в Терслейскую трясины.

– Увы, боюсь, что нынче так поступать нельзя, хотя мой отец и мой муж отослали бы мужлана назад в Гилфорд без ушей. Церковь и закон теперь сильнее нас, людей благородной крови. Бедой это кончится, Найджел. Ведь аббат Уэверли не из тех, кто отвращает щит церкви от ее слуг.

– Аббат нам зла не причинит. На нашу землю щерит зубы серый волк ключарь. Пусть делает, что может. Я его не испугаюсь.

– Но у него за спиной такая сила, Найджел, что и храбрейшим приходится ее опасаться. Отлучение, губящее душу человека, во власти церкви, а чем можем ответить мы? Прошу тебя, Найджел, говори с ним без зла.

– Нет, милая бабушка, хотя повиноваться тебе и мой долг, и моя радость, но я лучше умру, чем буду просить как милости то, что принадлежит нам по праву. Стоит мне взглянуть вон в то окно, и я вижу пологие холмы и заливные луга, поля и долины, рощи и леса, которые принадлежали нам с той поры, когда нормандец Вильгельм даровал их тому Лорингу, что нес его щит при Сенлаке. Теперь хитростями и обманом они отняты у нас, и среди вольных хлебопашцев немало таких, кто богаче меня. Но никому не будет дано сказать, что я сохранил остатки, склонив шею под монашеское ярмо. Пусть сделают худшее, что в их власти, а я либо стерплю, либо буду отстаивать свои права, как смогу.

Старуха вздохнула, покачав головой:

– Ты говоришь, как подобает Лорингу, и все же я страшусь, что нас постигнет тяжкая беда. Но не будем больше говорить об этом, раз ничего изменить мы не в силах. Где твоя лютня, Найджел? Может быть, ты мне сыграешь и споешь?

В ту эпоху мужчина, принадлежавший к благородному сословию, нередко читал и писал с большим трудом или же вовсе не был обучен грамоте, но он говорил на двух языках, непременно умел играть по крайней мере на одном музыкальном инструменте, не говоря уж о многом другом – начиная с вживления перьев соколу и кончая искусством охоты, а оно требовало знать повадки всех зверей и птиц, знать, когда их следует оставлять в покое, а когда, наоборот, приходит пора отправиться в лес со сворой и копьем либо с луком и стрелами. И наш молодой сквайр умел как никто вскочить на неоседланного коня, поразить зайца на бегу стрелой из арбалета или взобраться на стену замка по выступам. Однако музыка ему не давалась и требовала многих часов унылых усилий. Теперь, правда, струны ему подчинялись, но и голос его, и слух оставляли желать много лучшего. Пожалуй, лишь одна эта любящая слушательница могла получать удовольствие от нормандско-французской песни, которую он выводил высоким жиденьким тенором с большим чувством, но часто сбиваясь и фальшивя, хотя и встряхивал светлыми кудрями в такт мелодии.

О меч! О меч! О, дай мне меч!
Свет деяний великих ждет.
Пусть дорога крута и дверь заперта,
Храбрец в нее войдет.
Пусть Случай и Рок сохраняют порог,
Я ключ железный найду.
Стяг звовется мой над зубчатой стеной,
Иль доблестно я паду.

О конь! О конь! О, дай мне коня!
Пусть туда он меня умчит,
Где искус трудней, где бой тяжелей,
Где Смерть беспощадней разит.
Охрани мои дни, да не полнят они
Ядом неги и лени мне грудь.
И на подвиг открой, я молю, предо мной
Слез и гнева тернистый путь.

О сердце! О сердце! О, сердце мне дай!
Пусть твердым пребудет оно.

Готовым на бой выйти с Судьбой,
Отваги и чести полно.
Все сумеет свершить, хоть не будет спешить,
Назначив себе свою часть.
Не зная цепей, только дамы своей
Над собой признавая власть.

Может быть, прочувствованность искупала фальшивые ноты, а может быть, возраст приглушил тонкость слуха леди Эрминтруды, но она захлопала худыми морщинистыми руками и не поскупилась на громогласные похвалы.

– Да, Уэтеркот может гордиться таким учеником! – сказала она. – Прошу тебя, спой что-нибудь еще.

– Нет, милая бабушка, теперь твой черед. У нас с тобой ведь такой порядок. Мне хочется послушать рыцарскую повесть, а ты знаешь их все. Сколько уж лет ты мне их рассказываешь, и все новые и новые. Готов поклясться, в твоей памяти их хранится больше, чем во всех толстых книгах, которые мне показывали в Тилфордском замке. Так не откажи мне. «Доон де Майанс», «Песнь о Роланде» или «Сэр Изумбрас».

Старуха, не заставя себя долго просить, начала длинную поэму, декламируя медленно и монотонно, но, по мере того как интерес нарастал, она все больше воодушевлялась, ее лицо покрыла краска оживления, с выразительными жестами она прочувствованно произносила строфы, говорившие о пустоте будничной жизни, о красоте героической смерти, о высокой святости любви и неумолимом долге чести. Лицо Найджела застыло, глаза исполнились задумчивости, он впивал завораживающие слова, пока наконец они не замерли на губах старой дамы и она не откинулась утомленно на спинку кресла. Найджел нагнулся к ней и поцеловал ее руку.

– Твои наставления всегда будут служить мне путеводной звездой, – сказал он.

А потом поставил между ними столик с шахматами и предложил, чтобы они, по своему обычаю, сыграли партию на сон грядущий.

Но их дружеское состязание было внезапно прервано самым бесцеремонным образом. Один из псов насторожил уши и залаял. Остальные с рычанием кинулись к двери. А из-за нее донесся лязг железа, за которым последовал глухой стук, словно стучали палицей или рукояткой меча. И басистый голос именем короля потребовал открыть дверь. Леди Эрминтруда и Найджел вскочили на ноги, столик опрокинулся, шахматные фигуры рассыпались по полу среди камыша. Найджел потянулся за арбалетом, но леди Эрминтруда перехватила его руку.

– Нет, милый внук! Разве ты не слышал, что они требуют открыть им именем короля? – сказала она. – Лежать, Толбот! Лежать, Баярд! Открой дверь ипусти королевского вестника.

Найджел отодвинул засов, и тяжелая дубовая дверь распахнулась наружу. Свет пылающей смолы лег на железные каски, на свирепые бородатые лица, обнаженные мечи и золотистые луки. В залу ввалился десяток вооруженных до зубов лучников, которых вели тощий уэверлийский ключарь и пожилой толстяк, облаченный в дублет и штаны из красного бархата, перепачканные болотным илом и глиной. В руке он держал внушительных размеров пергамент, обвешанный печатями, высоко поднимая его над головой.

– Пусть выйдет Найджел Лоринг! – выкрикнул он. – Я, блюститель королевских законов и стряпчий аббатства Уэверли, требую человека по имени Найджел Лоринг!

– Это я.

– Да, это он, – буркнул ключарь. – Лучники, исполняйте приказ!

И в тот же миг дюжие лучники набросились на Найджела, как гончие псы на оленя. Найджел рванулся к своему мечу, который лежал на железном сундуке. С силой, рожденной не столько крепостью тела, сколько крепостью духа, он потащил их всех туда, но ключарь схватил меч, а лучники повалили отбивающегося сквайра на пол и опутали веревкой по рукам и по ногам.

– Держите его крепче, добрые лучники! Не отпустите ненароком! – вопил стряпчий. – Только прошу вас, пусть кто-нибудь один оттащит от меня этих злобных псов. Именем короля, прочь! Уоткин, да загороди же меня от этих адских тварей! Они столько же мало уважают закон, как и их хозяин!

Лучник пинками отогнал верных собак. Но не только они готовы были встать на защиту старинного дома Лорингов. Из двери, ведущей во двор, появилась кучка домочадцев Найджела. Было время, когда десять рыцарей, сорок жандармов и двести лучников следовали за пятью розами. А теперь на последний бой, когда юный глава рода лежал связанный в собственной зале, на его зов явились паж Чарлз с дубинкой, повар Джон с самым длинным своим вертелом, Рыжий Свайр, старый, белый как лунь дружинник, высоко вскинувший тяжелый топор, и Уэтеркот с охотничьим копьем. Однако дух дома воспламенял отвагу этого пестрого отряда, и во главе с закаленным старым воином они бросились бы на обнаженные мечи лучников, если бы леди Эрминтруда не встала перед ними.

– Остановись, Свайр! – крикнула она. – Остановись, Уэтеркот! Чарлз, привяжи Толбота и оттащи Баярда! – Ее черные глаза обратились на непрошенных гостей, и они попятились, не выдержав гневного взгляда. – Кто вы такие, подлые разбойники, что смеее, прикрываясь высоким именем короля, накладывать руки на того, чья единая капля крови стоит дороже, чем все ваши грязные мужицкие туши?

– Поосторожнее, благородная дама, поосторожнее! – огрызнулся толстый стряпчий, чья физиономия обрела нормальный цвет, поскольку говорил он теперь с беспомощной старой женщиной. – В Англии есть закон, не забывай! Следят же за его исполнением и оберегают

самые верные подданные и слуги короля. Таков я. А находятся и такие, которые хватают подобных мне и волокут, сиречь доставляют нас в болото, сиречь трясину. Такие, как этот нераскаженный старик с топором, которого я уже видел нынче. А еще есть такие, которые рвут, топчут и разбрасывают письменные повеления закона, и оный молодой человек их предводитель. А посему советую тебе, благородная дама, не поносить нас, а понять, что мы – служители короля и исполняем его волю.

– Так для чего же вы явились в этот дом в такой час?

Стряпчий внушительно откашлялся и, повернув свой пергамент к светильникам, принялся читать длиннейший документ, составленный на нормандско-французском языке в столь сложных выражениях, что наиболее запутанные и нелепые выверты бюрократического стиля нашего времени покажутся самой простотой в сравнении с тем языком, при помощи которого люди в судейских мантиях превратили в темную загадку то, чему следовало бы быть самым четким, самым ясным из всего написанного человеческим пером. Отчаяние ледяной рукой сжало сердце Найджела и заставило побелеть щеки леди Эрминтруды, пока они слушали устрашающее перечисление тяжб, исков, притязаний, а также просрочек прекария и турбария, выплат за лес для починок, за дрова, и прочее, и прочее. Завершался же список требованием во измещение вышеперечисленных просрочек и неуплат передачи аббатству Уэверли всех земель, усадеб и дворов, составляющих их земное достояние, вместе с правами на любые наследства.

Связанного Найджела усадили спиной к железному сундуку, и с пересохшим ртом он слушал слова, обрекавшие его род на гибель, пока его лоб покрывался испариной. Но тут он перебил стряпчего с такой яростью, что тот подпрыгнул.

– Ты пожалеешь о содеянном нынче! Как мы ни бедны, у нас есть друзья, которые не потерпят, чтобы нас бесстыдно ограбили. Я отправлюсь в Виндзор искать правосудия у короля, и его величество, видевший смерть моего отца, узнает, как его именем прикрываются, чтобы обездолить сына! Впрочем, такие дела решаются по закону в королевском суде, так чем же ты оправдаешь такое нападение на мой дом и на меня?

– Тут дело иное, – сказал ключарь. – Тяжбами о долгах ведает королевский суд, тут спора нет. Но поднять руку на стряпчего и его бумаги – значит совершить преступление противу закона и не иначе, как по наущению дьявола, а оно подлежит суду аббатства.

– Воистину! Воистину! – вскричал стряпчий. – Я не знаю греха чернее.

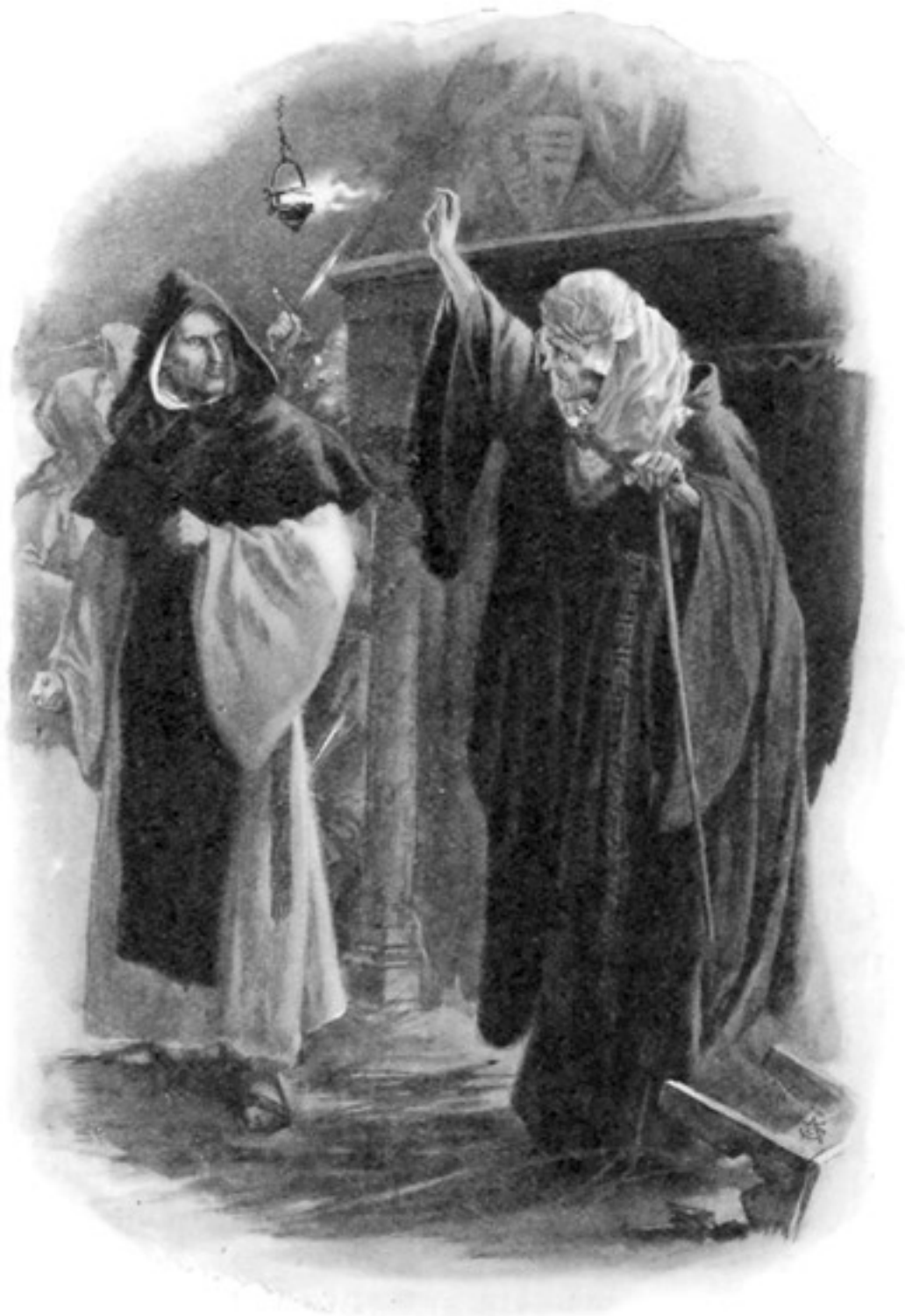
– Посему, – продолжал безжалостный монах, – святой отец аббат повелел, чтобы ты провел ночь в келье аббатства, а утром предстал перед судом в доме капитула, дабы понести достойную кару и за это, и за многие другие бесчинства, кои учинял противу служителей Святой Церкви. Но довольно слов, почтенный стряпчий. Лучники, уведите арестанта.

Четверо дюжих лучников подхватили Найджела на руки. Леди Эрминтруда бросилась было ему на помощь, но ключарь грубо оттолкнул ее:

– Смири гордыню, женщина! Не препятствуя исполнению закона, научи надменное сердце смиряться перед властью Святой Церкви. Или мало урока, преподанного тебе жизнью? Тебе, которая была вознесена высоко, а скоро лишишься крова над головой. Отступи, не то я прокляну тебя!

Старуха внезапно дала волю жгучему гневу.

– Слушай, как прокляну тебя я! – вскричала она, встав перед злобным монахом. Глаза ее метали молнии, костлявая рука грозно поднялась. – Как ты поступил с домом Лорингов, да воздаст тебе тем же Господь! И лишитесь вы власти над английской землей, и останется от вашего могущественного аббатства Уэверли только груда серых камней на зеленом лугу! Вижу это! Вижу! Старые мои глаза видят это! От последнего служки до аббата, от подвалов до башен да сгинет Уэверли и все, что есть в его стенах!

Как ни бесчувствен был монах, он сник перед этим исступлением, не выдержав жгучих, язвящих слов. Стряпчий и лучники уже покинули дом вместе с пленником. Ключарь торопливо повернулся и поспешил захлопнуть за собой тяжелую дверь.

Глава V

Как аббат Уэверли судил Найджела

Средневековые законы, написанные на старинном нормандско-французском диалекте, изобилующие неуклюжестями и всякими неудобопонятными обозначениями, были страшнейшим оружием в руках тех, кто умел ими пользоваться. Не зря же восставший народ поспешил обезглавить лорд-канцлера. Во времена, когда мало кто умел читать и писать, эти головоломные речения и запутаннейшее изложение сути даже простого дела, запечатленные на пергаменте и скрепленные печатями, наполняли ледяным ужасом сердца, не страшившиеся никаких опасностей на поле брани.

Даже бодрый и веселый дух Найджела Лоринга поугаснул за ночь, которую молодой сквайр провел в монастырской темнице, размышляя о том, что никакая доблесть не поможет ему против силы, угрожающей его дому полной гибелью. Меч и щит столь же мало могли оборонить его от Святой Церкви, как и от Черной Смерти. Против аббатства он беспомощен. Монахи давно уже урывали то луг здесь, то рошу там, а теперь они разом заберут остальное вместе с родовым домом Лорингов, и где приклонит седую голову леди Эрминтруда, как прокормят себя старые, никому не нужные их служители? От этих мыслей его пробирала холодная дрожь.

Пусть он пригрозил, что обратится с жалобой к самому королю, но могущественный Эдуард уже много лет не слышал имени Лорингов, а Найджел знал, что память сильных мира сего коротка. К тому же власть церкви во дворце лишь немногим уступала ее власти в лачуге бедняка, и потребуются очень веские доводы, чтобы король помешал замыслам столь влиятельного прелата, как аббат Уэверли, если закон на его стороне. Так где же искать ему помощи? С простодушной и практичной верой своей эпохи юноша начал молиться святым, которых избрал своими покровителями: святому Павлу, чьи приключения на суше и на море восхищали его; святому Георгию, который обрел великую честь, повергнув дракона; и святому Томасу Кентерберийскому – тот ведь и сам нашивал доспехи, а потому поймет человека благородной крови и поможет ему. Наивные мольбы облегчили душевные терзания, и он уснул здоровым сном молодости, от которого его пробудил служка с завтраком, состоявшим из ломтя хлеба и кружки жидкого пива.

Суд аббата открылся в доме капитула после третьей молитвы по каноническому времени, или в девять утра по времени мирскому. Ритуал этот всегда внушал почтительный страх, даже когда виновником был какой-нибудь виллан, поставивший силки в лесу аббатства, или торговец, чьи гири оказались фальшивыми. Но теперь предстояло судить человека благородного рождения, а потому церемония была проведена с соблюдением всех юридических и церковных процедур, как внушительных, так и нелепых. Под дальние отголоски духовной музыки и размеренные удары большого колокола облаченные в белое монахи попарно обошли залу, распевая «Благослови» и «Гряди, Дух Творящий!», и лишь затем уселись справа и слева от судейского стола. Затем по очереди, соблюдая старшинство, к своим местам прошествовали податель милостыни, чтец, капеллан, помощник коадьютора и сам коадьютор.

Потом в залу вступил угрюмый ключарь, смиренно опустив голову, но с выражением тихого торжества в глазах, а следом за ним и аббат Джон, ступавший медленно и величаво, с лицом, исполненным важного спокойствия. На поясе у него висели железные четки, рука сжимала молитвенник, а губы уже произносили слова положенной молитвы. Он преклонил колени на высокую подушку, а братия по знаку коадьютора распростерлась ниц на полу. Негромкие голоса сливались в единый гул, он раскатывался под сводами и отдавался эхом, точно волны, выкатывающиеся из подводной пещеры. Но вот монахи вновь расселись, в залу вошли с пергаментами и перьями одетые в черное писцы, а за ними в красном бархате стряпчий, гото-

вый принести свою жалобу, и наконец Найджел под охраной лучников, тесно его окруживших. Произнесены были на старофранцузском положенные юридические формулы – таинственные в своей недоступности умам простых смертных, и суд аббатства приступил к разбирательству.

Первым к дубовому столу свидетелей приблизился ключарь и сухим голосом монотонно изложил все притязания, какие имелись у Уэверлийского аббатства к семейству Лорингов. Сто с лишним лет тому назад тогдашний глава дома то ли за полученные в долг деньги, то ли в благодарственный знак благодарности за духовную помощь признал за своим поместьем некоторые вассальные повинности по отношению к аббатству. (Тут ключарь высоко поднял пожелтевший, потрескавшийся пергамент с болтающимися свинцовыми печатями.) В их числе были шитовые деньги – ежегодный взнос, равный жалованью одного рыцаря. Так вот, деньги эти ни разу уплачены не были, и служба тоже никакая не неслась, и за прошедшие годы накопилась сумма, превышавшая весь доход с поместья. Имелись и другие задолженности. Ключарь потребовал свои книги и костлявым пальцем алчно указывал на одну запись за другой: уплата за это, оброк за то – столько-то шиллингов в этом году и столько-то ноблей в том. И когда Найджел еще не родился, и когда он был младенцем. Все записи проверил и удостоверил стряпчий.

Найджел слушал это сокрушающее перечисление и чувствовал себя загнанным оленем – неукротимым, храбрым, но понимающим, что он окружен и спасения нет. Его смелое юное лицо, твердый взгляд голубых глаз, гордая посадка головы – все свидетельствовало, что он достойный потомок благородных предков, и солнечные лучи, лившиеся сквозь круглое окно высоко в стене на его некогда богатый, а теперь истертый и выцветший дублет, словно хотели показать, насколько жестоко обошлась судьба с его семьей.

Ключарь кончил изложение иска, и стряпчий уже собрался его поддержать, раз Найджелу нечем было опровергнуть эти записи, как вдруг у него нашелся совершенно неожиданный защитник. То ли некоторое злорадство в голосе ключаря, то ли нелюбовь дипломата к крайностям, то ли искренне доброе побуждение (аббат Джон легко вскипал, но легко и отходил) сыграли тут роль, но пухлая белая рука властно поднялась в воздух, показывая, что разбирательство окончено.

– Брат ключарь исполнил свой долг, предъявив этот иск, – сказал аббат, – ибо земное достояние нашего аббатства отдано под его благочестивую опеку и ему надлежит оберегать нас от всякого ущерба, понеже сами мы лишь блюстители достояния тех, кто придет после нас. Однако под мою опеку отдано нечто куда более драгоценное – дух и добрая слава тех, кто следует заветам святого Бернарда. А с той самой поры, как святой основатель нашего ордена удалился в долину Клерво и построил себе там келью, мы тщимся подавать пример кротости и смирения всем людям. Вот почему строим мы наши обители в низинах и не воздвигаем высоких колоколен в храмах при них, а в стены наши не допускаем ни роскоши, ни иных металлов, кроме олова и железа. Братия наша ест с деревянных блюд, пьет из железных чаш, а свечи ставит в оловянные подсвечники. Посему не подобает суду ордена, уповающего на то, что обещано кротким сердцем, выносить решение по собственному иску и так приобрести земли своих соседей. Коль иск наш справедлив, в чем у меня сомнений нет, рассмотреть его пристойней будет королевским ассизам в Гилфорде, а посему я постановляю не рассматривать его в суде сего аббатства, но передать другому суду.

Найджел беззвучно возблагодарил трех доблестных святых, взявших его под свой покров в час нужды.

– Аббат Джон! – воскликнул он. – Не думал я, что человек, носящий мое имя, будет когда-нибудь благодарить уэверлийского цистерцианца, но, клянусь святым Павлом, нынче ты говорил как благородный муж. Ведь суду аббатства выносить решение по иску аббатства – это же как играть фальшивыми костями!

Восемьдесят облаченных в белое монахов выслушали эту безыскусную речь, обращенную к тому, кто в скудной их жизни представлялся им почти наместником Бога на земле, с

насмешливой досадой. Лучники отступили от Найджела, словно он был волен уйти, но тут тишину нарушил зычный голос стряпчего:

– Отче аббат! Да позволено мне будет сказать, что твое решение касательно иска вашего аббатства к этому человеку поистине *secundum legem* и *intra vires*⁶. Тут твоя воля. Но я, Джозеф, стряпчий, подвергся жестокому и преступному обращению, мои грамоты, крепости, реестры разорваны, власть, коей я облечен, поругана, а мою особу проволокли по болоту, сиречь по трясине, по каковой причине я лишился бархатного плаща и серебряного знака моей должности, и таковые, без сомнения, находятся в вышеуказанном болоте, сиречь трясине, той же самой, что...

– Довольно! – сурово перебил аббат. – Прекрати эти бессмысленные речи и прямо скажи, чего ты требуешь.

– Святой отец, я служу Святой Церкви и королю, а мне чинились помехи, и я подвергался членовредительству при исполнении возложенных на меня обязанностей, бумаги же мои, составленные именем короля, разорваны, разодраны и развеяны по ветру. Посему я требую от суда аббатства правосудной кары сему человеку, понеже вышеуказанное нападение было совершено в пределах, подсудных аббатству!

– Что скажешь ты, брат ключарь? – спросил аббат в некоторой растерянности.

– Скажу, отче, что в нашей власти быть снисходительными и милосердными, пока дело касается нас самих, но коль оно касается служителя короля, мы не исполним своего долга, если не окажем ему защиты, которой он требует. И напомню тебе, что не впервые сей человек дает волю своей необузданности, но и прежде избивал наших слуг, не подчинялся нашей власти и пустил щук в собственный садок аббата.

⁶ Согласно с законом... между мужами (*лат.*).

Толстые щеки прелата побагровели от гнева – воспоминание об этом преступлении было еще слишком свежо в его памяти, и он сурово посмотрел на юношу.

– Ответь мне, сквайр Найджел, ты поистине пустил щук в мой садок?

Найджел гордо выпрямился:

– Прежде чем я отвечу на твой вопрос, отче аббат, не ответишь ли ты на мой, не скажешь ли мне, что хорошего сделали для меня хоть раз монахи Уэверли и почему должен я был бы удержать свою руку, когда представился случай причинить им вред?

По зале прокатился ропот удивления перед такой откровенностью и негодования от такой дерзости.

Аббат опустил в кресло с видом человека, принявшего решение.

– Пусть стряпчий изложит свою жалобу, – произнес он. – Правосудие свершится, и виновный понесет кару, будь он благородного сословия или простолюдин. Пусть жалобщик объяснит, как было дело.

Хотя стряпчий постоянно пускался в лишние подробности и уснащал свою речь всякими юридическими премудростями, повторяя их снова и снова, суть того, что произошло, сомнений не вызвала. В залу ввели Рыжего Свайра, чье заросшее белой щетиной лицо сердито хмурилось, и он сознался в том, как обошелся с законником. Второй виновник, маленький

жилистый лучник из Чурта, с лицом коричневым, как каштан, не отрицал, что он помогал и содействовал старому дружиннику. Но оба они поспешили сказать, что молодой сквайр Найджел Лоринг ничего про их затею не знал. Однако оставался скользкий вопрос о разорванных документах. Найджел, не способный лгать, вынужден был подтвердить, что собственными руками порвал в клочья эти священные бумаги. Гордость не позволила ему снизойти до извинений или оправданий. Чело аббата омрачилось, ключарь поглядывал на подсудимого с усмешкой, а залу окутала мертвая тишина: разбирательство закончилось, и вот-вот должны были прозвучать слова приговора.

– Сквайр Найджел, – начал аббат, – тебе, отпрыску древнего и славного рода, как известно всем в здешних местах, подобает подавать благой пример своим поведением и поступками. Однако твой дом давно уже стал очагом раздора и злокозненности. И теперь, не довольствуясь враждой к нам, цистерианским монахам Уэверли, ты позволил себе выказать неуважение к королевскому закону и руками своих слуг нанес бесчестье особе его вестника. За какие бесчинства в моей власти призвать на твою голову грозный гнев церкви, но я буду мягок с тобой, памятуя о твоей молодости и о том, что на той неделе ты спас от гибели слугу аббатства. Посему я ограничусь лишь телесным обузданием твоего излишне дерзкого духа и усмирением упрямого безрассудства, кои подвигают тебя на всякие бесчинства против нашего аббатства. Шесть недель на хлебе и воде с этого часа и до дня святого Бенедикта и ежедневные увещевания нашего капеллана благочестивого отца Амброза, быть может, еще понудят согнуться твою дерзкую выю и умягчат ожесточенное сердце.

Этот позорный приговор, уравнивавший гордого наследника дома Лорингов с последним деревенским браконьером, привел Найджела в бешенство – кровь бросилась ему в голову, и он обвел залу горящим взглядом, который яснее всяких слов говорил, что покорности от него ожидать не следует. Дважды он попытался заговорить, и дважды гнев и стыд не дали ему сказать ни слова.

– Я не твой вассал, надменный аббат! – наконец крикнул он. – Лоринги всегда были королевскими вассалами. Я не признаю за тобой и твоим судом права выносить мне приговор. Карай своих монахов, которые хнычут, едва ты сдвинешь брови, но не дерзай накладывать руки на того, кто не страшится тебя, ибо он свободный человек и равен знатнейшим в стране, исключая лишь самого короля!

Аббата эти смелые слова и звонкий голос, каким были они произнесены, на миг ошеломили. Но неуязвимый ключарь, как всегда, поспешил укрепить его слабую волю. Он вновь взмахнул старым пергаментом.

– Прежде Лоринги и правда были королевскими вассалами, но вот печать Юстеса Лоринга, которая свидетельствует, что он признал себя вассалом аббатства и держал свои земли уже от аббатства.

– Потому что он был добр и благороден! – вскричал Найджел. – Потому что не ждал от других хитрости и обмана!

– Ну нет! – вмешался стряпчий. – Если, отче аббат, мне будет дозволено поднять свой голос для разъяснения закона, то он гласит следующее: причины, побудившие подписать, засвидетельствовать или подтвердить дарственную, купчую крепость или иной такой же документ, веса никакого не имеют, суд же рассматривает лишь условия, статьи, обязательства и оговорки, в одном документе содержащиеся.

– К тому же, – подхватил ключарь, – суд аббатства вынес приговор и покроет себя позором и бесчестьем, коль позволит пренебречь им.

– Брат ключарь, – сердито сказал аббат, – думается мне, такая твоя ревность в сем деле излишня, и мы способны поддержать честь и достоинство суда аббатства без твоих советов! Что до тебя, почтенный стряпчий, побереги свои мнения до той минуты, когда они нам пона-

добятся, а не то тебе придется изведать власть нашего суда. Однако, сквайр Лоринг, твое дело рассмотрено, и приговор вынесен. Мне больше нечего сказать.

Он подал знак, и на плечо молодого человека опустилась ладонь лучника. Но подобная вольность простолюдина возмутила Найджела до самой глубины его мятежной души. Был ли среди его высокородных предков хоть один, кого подвергли бы такому унижению? И не предпочли бы все они смерть? Неужто он станет первым, кто отступит от их высоких заветов, пренебрежет фамильной гордостью? Быстрым гибким движением он вывернулся из-под руки лучника и выхватил короткий меч из ножен у него на боку. Миг спустя он уже стоял в узкой оконной нише, обратив к зале бледное, решительное лицо, пылающие глаза и лезвие меча.

– Клянусь святым Павлом! – сказал он. – Не думал я снискать славу в честном бою под кровлей аббатства, но, быть может, мне представится такой случай, прежде чем вы унесете меня в свою темницу!

В зале капитула поднялся невероятный шум. Никогда еще за всю долгую, благопристойную историю аббатства в его стенах не разыгрывалось подобной сцены. Этот мятежный дух, казалось, на секунду заразил даже монахов. Возложенные ими на себя вериги пожизненного смирения вдруг словно ослабели от столь неслыханного вызова мирской и духовной власти аббата. Они повскакали с мест и сгрудились полукругом перед юношей, бросившим такой вызов, и, глядя на него с испугом, к которому примешивалось почти восхищение, переговаривались, жестикулировали, гримасничали... словом, покрывали себя стыдом на все времена. Сколько недель покаяния, самобичеваний и всяческих эпитимий должно было пройти, прежде чем тень этого дня перестала омрачать аббатство! Пока же восстановить благочиние никак не удавалось. Всюду царили беспорядок и хаос. Аббат встал с судейского кресла и сердито поспешил к своим пасомым, но затерялся в их толпе, точно овчарка, вокруг которой сомкнулось оберегаемое ею стадо.

Лишь ключарь стоял в стороне. Он укрылся за полдюжиной лучников, которые смотрели на дерзкого, посмевшего бросить вызов правосудию, с немалым одобрением и большой нерешительностью.

– Хватайте его! – крикнул ключарь. – Позволено ли ему будет надругаться над властью суда, или вы вшестером не справитесь с одним? Идите, схватите его! Эй, Бэдлсмир, чего ты ждешь?

Высокий лучник с густой бородой, одетый в зеленую куртку, такие же штаны и коричневые сапоги, медленно направился к Найджелу, обнажив меч. Ему совершенно не хотелось выполнять приказ – церковные суды особой любовью не пользовались, а злополучная судьба дома Лорингов вызывала общее сочувствие, и все желали удачи молодому его наследнику.

– Ну будет, благородный сэр, – сказал он. – Ты и так уже наделал шума. Положи меч и выходи оттуда.

– А ты заведи меня отсюда, любезный, – ответил Найджел с опасной улыбкой.

Лучник кинулся к нему, железо лязгнуло о железо, лезвие блеснуло, как язык пламени, и лучник попятился. По его запястью заструилась кровь, каплями падая с пальцев. Он вытер их и буркнул:

– Клянусь черным крестом Бромхольма! – (Так клялись его предки – саксы.) – Уж лучше сунуть руку в нору с лисятами, когда там лисица!

– Отойди! – приказал Найджел. – Я не хотел тебя ранить, но, клянусь святым Павлом, я не позволю, чтобы на меня налагали руки. Кто попробует, тому это дорого обойдется!

Его глаза пылали такой яростью, а меч был занесен так грозно, что лучники, сомкнувшиеся перед узкой оконной нишей, совсем растерялись.

Аббат наконец протолкался через толпу монахов и, весь багровый от возмущения, остановился рядом с ними.

– Он вне закона! – прогремел голос аббата. – Он пролил кровь в суде, а этому греху прощения нет! Я не потерплю такого надругательства над моим судом, такого попирания моего приговора. Всякий, взявший меч, да погибнет от меча! Лесник Хью, возьми свой лук и стрелу!

Лесник, один из светских слуг аббатства, сильно нажал на свой лук, уперев его одним концом в пол, и набросил свободный конец тетивы на зарубку в верхнем, затем вытащил из-за пояса страшную стрелу длиной в три фута, с железным наконечником, с ярко раскрашенными перьями, и положил ее на тетиву.

– А теперь натяни тетиву и прицелься! – крикнул разъяренный аббат. – Сквайр Найджел! Святая Церковь избегает проливать кровь, однако насилие побеждается только насилием, и грех да падет на твою голову. Брось меч, который ты сжимаешь в руке!

– Ты обещаешь, что я свободно выйду из твоего аббатства?

– Когда примешь кару и искупишь свой грех.

– Ну так я лучше умру вот тут, где стою, чем отдам меч.

В глазах аббата вспыхнул опасный огонь. Он принадлежал к воинственному нормандскому роду, как и многие из тех неукротимых прелатов, которые, сжимая в деснице булаву, дабы избежать пролития крови, устремлялись во главе своих воинов в битву, памятуя о том, как их собрат, носивший столь же высокий духовный сан, подъял свой пастырский посох и решил исход кровавого Гастингского сражения, длившегося от зари и до зари. Мягкость слугителя церкви исчезла из его голоса, и с жесткостью солдата он сказал:

– Даю тебе минуту, и не более. Когда я прикажу: «Стреляй!», пронзи стрелой его тело!

Стрела оттянула тетиву, и суровые глаза лесника уставились на указанную ему цель. Минута тянулась медленно-медленно. Найджел вознес молитву трем своим воинственным святым, прося их не о спасении его тела в этом мире, но о спасении его души в том. У него мелькнула была мысль стремительно прыгнуть на врагов, точно рассвирепевшая рысь, но, покинув нишу, он обрек бы себя на неминуемую гибель. Тем не менее в последний миг он решился бы на этот отчаянный прыжок и уже весь подобрался, как вдруг раздался протяжный звон, точно лопнула струна арфы, тетива раскочилась, и стрела звякнула о каменную плиту пола. В то же мгновение молодой кудрявый лучник, чьи широкие плечи и могучая грудь свидетельствовали о незаурядной силе столь же ясно, как бесхитростное веселое лицо и честные карие глаза – о добродушии и мужестве, прыгнул вперед и встал рядом с Найджелом, держа в руке меч.

– Нет, ребята! – воскликнул он. – Сэмкин Эйлвард не станет смотреть, как храбреца пристрелят, точно быка после травли. Пять против одного – это много, но двое против четверых – уже поменьше, и мы со сквайром Найджелом, клянусь всеми десятью моими пальцами, покинем это место вместе, а уж на своих ногах или нет, там видно будет.

Внушительная внешность новоявленного союзника сквайра, а также высокое мнение о нем его недавних товарищей еще больше охладили их и без того не слишком горячий пыл. Левая рука Эйлварда сжимала натянутый лук, а в здешнем краю от Вулмерского леса до Уилда он славился как самый быстрый и меткий стрелок из лука, когда-либо поражавший бегущего оленя с расстояния в двести шагов.

– Э, нет, Бэдлсмир, убери-ка пальцы с тетивы, не то придется этой твоей руке отдохнуть от лука месяца эдак два, – сказал Эйлвард. – Мечи, коли вам так хочется, ребята, но стрелу первым пушу я!

Эта неожиданная новая помеха еще пуще разожгла гнев в сердце аббата и ключаря.

– Горьким будет этот день, Эйлвард, для твоего отца, держателя Круксбери, – сказал ключарь. – Вот лишится он земли с усадьбой и пожалеет, что зачал такого сына.

– Мой отец смелый йомен и еще больше пожалел бы, коли бы его сын стоял сложа руки и смотрел, как творится черное дело! – твердо ответил Эйлвард. – Давайте, ребята, подходите! Мы ждем.

Подбодряемые обещанием награды, если они падут, служа аббатству, и всяческих кар, если они будут и дальше топтаться на месте, четверо лучников уже приготовились броситься к оконной нише, как вдруг внимание всех присутствующих было вновь отвлечено, и события получили совсем уже неожиданный оборот.

У дверей дома капитула собралась порядочная толпа братьев трудников, монастырских слуг и работников, которые следили за разворачивающейся внутри захватывающей драмой с интересом и упоением, понятными, если вспомнить, какой тяжелой и однообразной была их жизнь. Внезапно в задних их рядах началось движение, затем в середине словно закрутился водоворот, и наконец стоявшие впереди были отброшены в стороны, и из образовавшегося просвета появился некто необычного и удивительного вида и сразу же подчинил себе аббатство, дом капитула, монахов, прелата с ключарем и лучников, словно был их господином и властителем.

Был он уже в годах, с жидкими, лимонного цвета волосами, вьющимися усами, бородкой кисточкой лимонного же цвета и рубленным лицом с высокими скулами и носом, подобным изогнутому орлиному клюву. Постоянно подставляемую ветру и солнцу кожу покрывал густой красновато-коричневый загар. Роста он был высокого, худощавая фигура, словно бы небрежно свинченнная, выглядела тем не менее жилистой и крепкой. Один глаз был закрыт – плоское веко прятало пустую глазницу, зато в другом плясали лукавые искры: умный, насмешливый и проницательный взгляд словно давал единственный выход всему пламени его души.

Одежда незнакомца была столь же примечательной, как и его облик: пышный лиловый дублет и плащ с гербом, напоминавшим клин, воротник из дорогого кружева на плечах, в мягких складках которого переливалось червонное золото тяжелой цепи. Рыцарский пояс и позвякивавшие на мягких сапогах из оленьей кожи золотые рыцарские шпоры указывали на его ранг, а на запястье левой руки в кожаной перчатке чинно сидел в клубочке маленький сокол – сам по себе уже свидетельство высокого положения его хозяина. Оружия при нем не было никакого, но за спиной на черной шелковой ленте висела лютня, и ее коричневый гриф торчал над его плечом. Вот какой человек, незаурядный, насмешливый, властный, обладавший какой-то особой внушительностью, смерил взглядом противостоящие группы людей с мечами и разъяренных монахов, заставив все головы повернуться к себе.

– Excusez! – сказал он, прищепывая, по-французски. – Excusez, mes amies!⁷ Я думал, что отвлеку вас от молитв или праведных размышлений, но никогда еще мне не приходилось видеть под монастырской крышей благочестивых занятий подобного рода, с мечами взамен молитвенников и лучниками взамен послушников. Боюсь, мое появление не ко времени, но я приехал с поручением от того, кто не терпит промедлений.

Аббат да и ключарь тоже успели несколько опомниться и сообразить, что зашли куда дальше, чем намеревались, и что избежать невероятного скандала, сохранив достоинство и доброе имя Уэверли, им будет не так-то просто. А потому, вопреки снисходительной, если не сказать дерзкой, манере держаться, они обрадовались появлению незнакомца и его вмешательству.

– Я аббат Уэверли, сын мой, – сказал прелат. – Если данное тебе поручение касается дел общих, так зала капитула самое подходящее место, дабы сообщить о нем. Если же нет, я приму тебя в своей келье, ибо вижу, что ты высокородный рыцарь и не стал бы без достойного повода нарушать отправление нашего правосудия, тем более в деле, которое, как ты изволил верно заметить, тяжело для мирных служителей Божьих вроде нас, смиренно следующих заветам святого Бернарда.

⁷ Извините! Извините, друзья мои! (фр.)

– *Pardieu*⁸, отче аббат! – сказал незнакомец. – Достаточно взглянуть на тебя и твою братию, чтобы увидеть, как мало вам по вкусу это дело. И быть может, оно станет еще меньше вам по вкусу, когда я скажу, что посмею предложить этому, видимо благородному, юноше в окне мою помощь, если эти лучники будут и дальше ему докучать.

От такого прямолинейного предупреждения улыбка аббата исчезла, и брови его насупились.

– Благородный сэр, если ты и вправду явился сюда с поручением, тебе больше подбало бы изложить его, нежели подстрекать виновного восстать против справедливого приговора суда.

Незнакомец обвел залу насмешливо-вопросительным взглядом:

– Поручение мое не к тебе, отче аббат. А к тому, кто мне неизвестен. Я побывал у него в доме, и меня послали сюда. Зовут его Найджел Лоринг.

– Значит, оно ко мне, благородный сэр.

⁸ Еще бы (*фр.*).

– Я так и подумал. Я знавал твоего отца, Юстеса Лоринга, и, хотя из него можно было бы выкроить двоих таких, как ты, все же печать его ясно видна на твоём лице.

– Тебе неизвестна суть дела, – вмешался аббат. – Если ты законопослушный человек, то не станешь вмешиваться, ибо сей молодой человек тяжко оскорбил закон, и все верные подданные короля обязаны оказать нам поддержку.

– И вы притащили его сюда, чтобы учинить над ним суд! – воскликнул незнакомец с веселым смешком. – Грачи задумали судить сокола! Видно, судить оказалось легче, чем карать. Позволь сказать тебе, отче аббат, что ты рубишь дерево не по себе. Когда тебе и подобным тебе дали власть судить, то для того лишь, чтобы ты мог унять драчливого слугу или наказать пьяного дровосека, а совсем не затем, чтобы ты хватал того, в чьих жилах течет лучшая кровь Англии, и натравливал на него своих лучников, если он не согласился с твоим приговором.

Аббат не привык выслушивать под крышей своего аббатства столь суровые упреки, произнесенные столь надменно, да еще в присутствии настороживших уши монахов.

– Быть может, тебе придется узнать, что суд аббатства обладает неведомой тебе властью, сэр рыцарь, – сказал он. – Да и рыцарь ли ты? Слишком уж неучтивы твои речи. Прежде чем мы продолжим разговор, могу ли я узнать твое имя и звание?

Незнакомец рассмеялся.

– Да вы и вправду мирные служители Божьи! – произнес он высокомерно. – Во Франции или в Шотландии не нашлось бы воина, который, увидев этот знак на моем щите или знамени, – тут он прикоснулся к эмблеме на своем плаще, – не узнал бы червленую башню Чандоса.

Чандос! Джон Чандос! Украшение английского воинства, зеркало странствующих рыцарей, герой полсотни сражений и стычек, муж, известный и почитаемый повсюду в Европе! Найджел уставился на него, словно ему явилось небесное видение. Лучники в смущении попятнулись, а монахи, наоборот, придвинулись поближе, пожирая глазами героя французских кампаний. Аббат сменил тон, а его сердитое лицо расплылось в улыбке.

– Да, сэр Джон, в нашей мирной обители мы не искушены в рыцарских гербах, – сказал он. – Но как ни толсты наши стены, слава о твоих подвигах проникла и к нам сюда. Коль тебе угодно принять участие в сем юном и сбившемся с пути сквайре, то не нам мешать твоему желанию сотворить добро или отказать в милости, о которой ты ходатайствуешь. И я воистину рад, что он обрел покровителя, в коем найдет для себя во всем благой пример.

– Благодарю тебя за твою любезность, отче аббат, – небрежно ответил Чандос. – Но у сего юного сквайра есть друг получше меня, более милостивый к тем, кого он любит, и более грозный для тех, кто вызвал его гнев. От него-то я и приехал.

– Прошу тебя, благородный, всеми почитаемый сэр, – сказал Найджел, – сообщить мне, что тебе поручено.

– Поручено мне, *mon ami*⁹, передать, что твой друг скоро прибудет в ваши края и хочет переночевать в тилфордском поместье в знак его любви и уважения к вашему роду.

– Наш дом к его услугам, – ответил Найджел, – но от души надеюсь, что солдатская пища и бедный кров придутся ему по вкусу. Мы встретим его всем лучшим, что только у нас есть, но лучшее это очень скромно.

⁹ Друг мой (*фр.*).

– Он и вправду солдат, причем из лучших, – сказал Чандос со смехом. – И ему доводилось спать на постелях пожестче, чем та, что он найдет у тебя в доме.

– У меня мало друзей, благородный сэр, – произнес Найджел с недоумением. – Прошу, назови мне его имя.

– Эдуард.

– Сэр Эдуард Мортимер, быть может? Из Кента? Или сэр Эдуард Брокас, о котором столько рассказывает леди Эрминтруда?

– Нет. Известен он просто как Эдуард. Ну а если тебе так уж хочется знать, то его родовое имя – Плантагенет. Ибо гостеприимства под твоим кровом ищет твой и мой государь, его величество король Англии Эдуард.

Глава VI

В которой леди Эрминтруда отпирает железный сундук

Эти невероятные, оглушающие слова Найджел выслушал словно во сне. И как во сне он смотрел на улыбающегося, ласкового аббата, на искательно изогнувшегося ключаря и на лучников, которые раздвигали перед ним и королевским посланцем толпу, сгрудившуюся перед дверью капитула. Минуту спустя он уже шагнул рядом с Чандосом по тихой галерее, а впереди за распахнутыми воротами вилась по лугам широкая рыжая дорога. После безумного отчаяния при мысли о бесчестье и темнице, еще недавно леденившей его пылкое сердце, весенний воздух казался еще теплее и душистее. Он уже прошел портал, но тут почувствовал, что его дергают за рукав, и, оглянувшись, увидел открытое загорелое лицо и карие глаза лучника, вступившего за него.

– Ну а мне что ты скажешь, сэр сквайр?

– Что я могу сказать, любезный? Только одно: что благодарю тебя от всего сердца. Клянусь святым Павлом! Ты бросился мне на выручку, когда и кровный брат не мог бы сделать для меня больше.

– Э, нет! Этого мало.

Найджел покраснел от досады тем сильнее, что Чандос слушал их разговор с обычной своей насмешливой улыбкой.

– Если ты слышал, что говорилось в суде, – сказал юноша, – то знаешь, как скудно мое имущество. Черная Смерть и монахи совсем разорили наше поместье. Я охотно наградил бы тебя за помощь горстью золотых, ты ведь их просишь? Но золота у меня нет, и потому придется тебе удовольствоваться моей благодарностью.

– На что мне твое золото! – резко сказал Эйлвард. – Да набей ты мой кисет золотыми монетами, мою верность тебе не купить, будь ты мне не по сердцу. Но я видел, как ты сладил с золотистым конем, и я видел, как ты не покорился аббату, и вот такому господину буду рад служить, коли у тебя найдется мне место. Я видел твоих челядинцев и не спорю, в дни твоего деда они, наверное, все были молодцы как на подбор, но кто из них теперь сумеет натянуть тетиву длинного лука? Из-за тебя я бросил службу в аббатстве, так где же мне искать другую? Если я останусь здесь, то мне конец, как истершейся тетиве.

– Ну, пусть это тебя не заботит, – вмешался Чандос. – *Pardieu!* На французской границе всегда есть нужда в крепких, метких лучниках, которые не боятся и самого черта. У меня под знаменем двести таких молодцов, и буду рад увидеть тебя между ними.

– Благодарю тебя, благородный сэр, – сказал Эйлвард. – И я встал бы под твоё знамя без размышлений, потому как слышал, что в битвах оно всегда впереди, а на войне, это и я знаю, тому, кто держится сзади, добычи не видать никакой. А все же если сквайр возьмет меня, то я пойду за пятью розами Лорингов: хоть родился я под Чичестером, но вырос в здешнем краю и здесь научился держать в руках длинный лук. И как свободному сыну свободного держателя, мне сподручней пойти на службу к соседу, чем к чужому.

– Я же объяснил тебе, любезный, – сказал Найджел, – что мне нечем платить тебе за службу.

– Только возьми меня на войну, уж плату я сам раздобуду, – ответил Эйлвард. – А до той поры я у тебя ничего не прошу, кроме местечка за твоим столом да шести футов твоего пола – не то мне в аббатстве заплатят за нынешний день колодками на ноги, чтобы бичу было способней погулять по моей спине. С этого часа Сэмкин Эйлвард твой лучник, сквайр Найджел, и вот этими десятью пальцами клянется, что ты об этом никогда не пожалеешь, а не то пусть его тут же дьявол унесет! – С этими словами он поднес руку к каске, закинул длинный

лук за спину и, почтительно пропустив своего нового господина перед собой, последовал в нескольких шагах позади.

– *Pardieu!* Я приехал *à la bonne heure*¹⁰, – сказал Чандос. – Я прискакал из Виндзора, но нашел твой дом пустым, если не считать благородной и очень величественной старой дамы. Она поведала мне о твоих невзгодах, я прогулялся до аббатства и успел как нельзя более кстати: длинные стрелы для твоей плоти, колокольный звон, молитвенник и свечи для твоей души сулили мало хорошего... Но если зрение меня не обманывает, это сама благородная дама.

И правда, из двери господского дома им навстречу вышла леди Эрминтруда, согбенная, исхудалая, опирающаяся на клюку, и все-таки внушающая почтение. Узнав о конфузе, каким завершился суд, она разразилась кудахтающим смехом, погрозила клюкой высоким стенам аббатства за рекой и проводила именитого гостя в залу, где его уже ждало лучшее угощение, какое она только могла собрать. В ее собственных жилах текла кровь Чандосов, прослеживаемая через де Греев, де Мултонов, де Валенсов, де Монтегю и прочее ее высокое и благородное родство; во всяком случае, обед был уже съеден и со стола убрано, когда она наконец завершила свои розыски, обозначила все степени родства и свойства и перечислила рассечения, столбы, косоугольники, фигуры обремененные и не обремененные, а также клейноды в родовых гербах, указывающие на общих предков. Ведь леди Эрминтруда знала каждую веточку, каждый бутон любого фамильного древа, восходящего ко времени Нормандского завоевания да и к более ранним временам.

Однако всему наступает конец, и когда они остались в зале втроем, Чандос сообщил ей причину своего приезда.

¹⁰ Вовремя (*фр.*).

– Король Эдуард никогда не забывал благородного рыцаря сэра Юстеса, твоего сына, – сказал он. – На той неделе он отправляется в Саутгемптон, и я его гонец. Он повелел известить тебя, высокородная досточтимая дама, что будет ехать не спеша и, побывав в Гилфорде, переночует в твоём доме.

Слушая его, леди Эрминтруда гордо порозовела, но тут же ее лицо вновь стало бледным от горечи.

– Воистину это великая честь для дома Лорингов, – сказала она, – но ты сам видишь, каким убогим стал наш кров, как скудно наше угощение. Королю неизвестно, как мы обеднели, и я боюсь, не сочтет ли он нас скупыми невежами.

Чандос поспешил рассеять ее опасения. Королевская свита сразу же отправится дальше в замок Фарнем. Королева и ее дамы в этой поездке короля не сопровождают. А сам король – закаленный воин и умеет быть неприветливым. Да и как бы то ни было, раз он известил их о своем намерении, у них нет иного выхода, кроме как сделать все, что в их силах. В заключение Чандос со всевозможной деликатностью сказал, что его кошелек к их услугам. Но леди Эрминтруда уже обрела обычное спокойствие.

– Нет, любезный родич, сие не подобает, – сказала она. – Я приготовлю для короля все, что будет мне по силам. Он же вспомнит, что Лоринги, пусть у них больше ничего нет, всегда отдавали в его распоряжение свою жизнь и кровь.

Чандос намеревался в этот же день захватить в замок Фарнем, а оттуда отправиться дальше, однако изъявил желание принять в Тилфорде горячую ванну. Подобно большинству своих братьев-рыцарей, он обожал нежиться в воде, нагретой настолько, что непривычный человек не пролежал бы в ней и полминуты. Тотчас в покой для гостей принесли ванну – стянутую обручами широкую кадуюшку, и Чандос пригласил Найджела составить ему компанию, пока он будет отмывать и прогревать свои кости.

Найджел примостился на краю высокой постели и, болтая ногами, взирал с любопытством и изумлением на насмешливое лицо, всклокоченные лимонные волосы и жилистые плечи прославленного бойца за колышущейся завесой пара. Чандос был в разговорчивом настроении, и Найджел с жадностью засыпал его тысячами вопросов о войнах, впивая каждое слово, доносившееся до него из клубящихся облаков, точно вещания древних оракулов. Да и Чандос, ветеран, давно уже видевший в войне лишь привычное дело, словно вновь обрел пыл своей далекой юности, отвечая на торопливые вопросы Найджела и наблюдая, с каким восхищенным вниманием тот выслушивает ответы.

– Расскажи мне про жителей Уэльса, благородный сэр! – воскликнул сквайр. – Какие они воины?

– Весьма отважные, – ответил Чандос, плещась в кадуюшке. – Если поехать в их долины с небольшим отрядом, можно отвести душу в недурных стычках. Они вспыхивают, точно вереск, но если ты сумеешь устоять против жара этого пламени, глядишь, оно и поугаснет.

– Ну а шотландцы? – не отступал Найджел. – Ты ведь и с ними воевал, как рассказывали.

– Шотландским рыцарям равных в мире не сыскать, и тому, кто сумеет продержаться против лучших из них, будь то Дуглас, Мэррей или Ситон, больше уже учиться нечему. Какой бы ты ни был закаленный боец, а поедешь на север и непременно повстречаешь бойца не хуже. Если уэльсцы подобны вересковому пожару, то – *pardieu!* – шотландцы – это торф, ибо они тлеют, и конца этому нет. Я провел много счастливых часов на шотландской границе: ведь даже в мирное время оливикские Перси или комендант Карлайла всегда найдут, из-за чего повздорить с пограничными кланами.

– Помнится, отец говаривал, что копейщики у них редкостные.

– Лучшие в мире. Копья длиной в двенадцать футов, и держат они их одно к одному. А вот лучники у них скверные, не считая уроженцев Этрика и Селкерка, которые растут в лесах. Прошу тебя, Найджел, открой ставень, а то пар стал уж слишком густым. А вот в Уэльсе слабы копейщики, зато на наших островах не отыщутся другие такие лучники, как уроженцы Гвента. Луки они делают из вяза и пускают стрелы с такой силой, что я сам видел, как под

одним рыцарем стрела убила лошадь, пробив прежде его кольчужный налядвенник, бедро и седло. Но чего стоит самая грозная стрела в сравнении с нынешней новинкой – железными шарами, которые вспыхнувший огненный порошок швыряет так, что они сокрушают грудь под панцирем, точно камень – куриное яйцо? Наши отцы про такое и не слышали.

– Тем лучше для нас! – вскричал Найджел. – Ибо нам дано свершать благородные подвиги, прежде неведомые!

Чандос расхохотался и посмотрел на раскрасневшегося юношу с чуть насмешливым сочувствием.

– Твоя манера выражаться, – заметил он, – напоминает мне стариков, которых я знал мальчиком. В те дни дух истинных странствующих рыцарей еще не совсем угас, и говорили они, как ты сейчас. Хоть ты и молод, но принадлежишь иному веку. Откуда у тебя такие мысли и слова?

– У меня была только одна наставница. Леди Эрминтруда.

– *Pardieu!* Она выпестовала прекрасного соколенка, готового бить королевскую добычу, – сказал Чандос. – Я рад буду снять с тебя клубочек на первой твоей охоте. Хочешь поехать со мной на войну?

На глаза Найджела навернулись слезы, и он горячо сжал протянутую ему сквозь пар худую руку.

– Клянусь святым Павлом! О каком счастье мог бы я еще просить? Но я страшусь покинуть бабушку, ведь о ней некому заботиться, кроме меня. Но если бы можно было...

– Власть короля велика. Довольно об этом, пока он не прибудет сюда. Но если ты хочешь поехать со мной...

– Кто этого не захотел бы? Найдется ли в Англии хоть один сквайр, кто не пожелал бы стать оруженосцем Чандоса и служить под его знаменем! А куда ты отправляешься, благородный сэр? И когда? В Шотландию? В Ирландию? Во Францию? Но, увы...

Радостное лицо омрачилось. На мгновение Найджел забыл, что необходимое снаряжение было ему по карману не больше, чем золотая посуда. И во мгновение ока все его радужные надежды разлетелись вдребезги. Ах уж эти материальные заботы, встающие между нашими мечтами и их осуществлением! Разумеется, оруженосец такого рыцаря должен быть одет и вооружен так, чтобы ни перед кем не ударить лицом в грязь. А даже всего дохода, приносимого Тилфордом, едва ли хватило на сносные доспехи.

Проницательный и многоопытный Чандос сразу догадался о причине такой перемены.

– Если ты будешь сражаться под моим знаменем, то вооружить тебя обязан я, – сказал он. – И слушать ничего не хочу!

Однако Найджел грустно покачал головой:

– Это невозможно. Леди Эрминтруда скорее продаст и наш дом, и всю землю, еще оставшуюся у нас, чем позволит мне принять твой щедрый и милостивый дар. Но я не отчаиваюсь. Лишь на прошлой неделе я обзавелся благородным боевым конем, который достался мне даром, так, может быть, и доспехи будут мне ниспосланы таким же образом.

– Откуда же у тебя конь?

– Его мне отдали уэверлийские монахи.

– Что за чудо! *Pardieu!* Судя по тому, что мне довелось увидеть, они для тебя расщедрились бы разве что на проклятия!

– Конь не был им нужен, вот они и отдали его мне.

– Следовательно, остается просто отыскать кого-то, кому не нужны доспехи, чтобы он отдал их тебе. Однако надеюсь, ты передумаешь и, раз уж твоя достойнейшая бабушка доказала, что мы в родстве, разрешишь мне снарядить тебя на войну.

– Благодарю тебя, милорд, и если уж я должен буду просить помощи, то, конечно, обращаюсь к тебе. Но только сначала испробую другие способы. А пока, добрый сэр Джон, молю,

расскажи мне что-нибудь о твоих славных поединках с французами. Ведь вся страна восхваляет твои подвиги, и я слышал, что твое копьё за одно утро выбило из седла трех могучих рыцарей. Так оно и было?

– Да. Что и доказывают вот эти шрамы на моем теле. Глупые безумства моей юности, и ничего более.

– Как можешь ты называть их глупыми безумствами? Разве не такими подвигами можно обрести заслуженную честь и прославить свою даму?

– Тебе и положено так думать, Найджел. В твоём возрасте подобает иметь горячую голову и неустрашимое сердце. Вот и я был таким – сражался за перчатку моей дамы или во исполнение обета, а то и просто из любви к поединкам. Но с возрастом, когда ты ведешь на битву других, начинаешь думать иначе – не столько о своей чести, сколько о безопасности всего войска. Не твое копьё, не твой меч, не твоя сильная рука решат ее исход, и победу в почти проигранном сражении всего чаще приносит холодный рассудок. Тот, кто знает, когда его конники должны атаковать и когда им следует сражаться спешившись, тот, кто умеет расположить своих лучников и своих жандармов так, чтобы они поддерживали друг друга, тот, кто способен хорошо укрыть засадные отряды и бросить их в бой в решающую минуту, тот, кто держит в уме все болота и овраги вокруг, – вот человек, который куда нужнее войску, чем Роланд, Оливер и все остальные паладины Карла Великого.

– Благородный сэр, если его рыцари не блеснут доблестью, из самых обдуманных его планов ничего не выйдет.

– И то верно, Найджел. А потому пусть каждый оруженосец отправляется на войну с душой такой же огненной, как твоя. Однако долгие медлить я не могу, поручения короля должно исполнять в срок. Одевшись, я прощусь с благородной леди Эрминтрудой и отправлюсь в Фарнем. Но ты снова увидишь меня здесь в тот день, когда сюда прибудет король.

К вечеру Чандос уже неторопливо ехал по мирным сельским дорогам и наигрывал на лютне, потому что любил музыку и славился умением петь веселые песни. Заслышав звучный голос, то повышавшийся, то понижавшийся в лад звенящим струнам, крестьяне выходили из своих хижин, смеялись и хлопали в ладоши. Мало кто из видевших его мог бы догадаться, что этот странный одноглазый всадник с лимонными волосами на самом деле – самый закаленный боец и самый хитрый военачальник во всей Европе. Только раз, когда он въехал в Фарнем, к нему подбежал одетый в лохмотья, весь израненный ветеран, радуясь, как верный пес, увидевший хозяина. Чандос бросил ему ласковое слово вместе с золотой монетой и направил коня к замку.

Тем временем Найджел и леди Эрминтруда, оставшись наедине, растерянно смотрели друг на друга.

– Погреб почти пуст, – сказал Найджел. – Бочка пива да бочонок канарского вина. Не королю же и его свите пить такое!

– Нам нужны вина из Бордо. А если он только переночует, то теленка пестрой коровы, кур и гусака достанет, чтобы приготовить пристойный ужин. Но сколько с ним будет людей?

– Десятеро, не меньше.

Старуха в отчаянии заломила руки.

– Милая бабушка, не терзайте так свое сердце! – сказал Найджел. – Нам стоит только слово молвить, и король остановится в аббатстве, где его и придворных попочтуют как надлежит.

– Ни за что! – вскричала леди Эрминтруда. – Мы навеки покроем себя стыдом и позором, если позволим королю проехать мимо нашего дома, после того как он милостиво пожелал войти в него. Нет, решено! Не думала я, что буду когда-нибудь вынуждена это сделать, но я знаю, таково было бы его желание, и я сделаю это!

Она подошла к железному сундуку, сняла с пояса связку ключей, выбрала самый маленький и отперла замок. Взвизгнули заржавевшие петли, свидетельствуя, как редко откидывала она крышку, чтобы заглянуть в неприкосновенные недра своей сокровищницы. Сверху лежали останки былых нарядов: шелковый плащ, расшитый золотыми звездами, серебряная сетка для волос, сверток венецианских кружев. Под ними покоились завернутые в шелковые лоскутки мужская охотничья перчатка, детский башмачок, выцветшая зеленая лента, завязанная «узлом любви», несколько писем, написанных большими корявыми буквами, и платок с ликом святого Томаса. Старуха с благоговейной нежностью отложила их в сторону и достала с самого дна три укутанных в шелк предмета, развернула их и положила на стол кованный золотой браслет, усаженный неограниченными рубинами, золотой поднос и высокий кубок, тоже из золота.

– Ты слышал о них от меня, Найджел, но видишь в первый раз, ибо я не открывала сундук из страха, что наша великая нужда соблазнит нас превратить их в звонкую монету. Я прятала их подальше от моих глаз и от моих мыслей. Но теперь во имя чести нашего дома мы должны расстаться с ними. Кубок этот мой муж, сэр Ниил Лоринг, получил после взятия Белграда, когда он и его товарищи от обедни до вечерни сражались на турнире с цветом французского рыцарства. Поднос подарил ему граф Пемброк на память о его доблести на Фолкерском поле.

– А браслет, милая бабушка?

– Ты не станешь смеяться, Найджел?

– Нет. И с какой стати?

– Браслет был наградой Царице Красоты, и его в присутствии всех высокородных английских дам преподнес мне сэр Ниил Лоринг за месяц до нашей свадьбы. Царица Красоты – я, Найджел, такая сгорбленная и морщинистая. Пятерых храбрых рыцарей выбило из седла его копьё – вот так он добыл для меня эту безделку. И теперь, на исходе моих земных дней...

– Нет, нет, милая бабушка! С ним мы не расстанемся!

– Так надо, Найджел. Он бы этого пожелал. Я словно слышу его голос. Честь была для него всем, а прочее он не ставил ни во что. Возьми браслет, Найджел, и поскорее, не то моя решимость ослабеет. Завтра ты поедешь в Гилфорд к золотых дел мастеру Торольду и выручишь за все это столько денег, сколько нам требуется, дабы оказать королю достойный прием.

Она отвернулась к сундуку, чтобы скрыть, как дрожат ее сморщенные губы, и лязг захлопнувшейся железной крышки заглушил вырвавшееся у нее горестное рыдание.

Глава VII

Как Найджел поехал торговаться в Гилфорд

Когда рано поутру Найджел выехал из Тилфорда, яркое июньское солнце уже озаряло дорогу в Гилфорд. Сердце его наполнилось беспричинной радостью, рожденной юностью и чудесным временем года. Могучий золотистый конь весело гарцевал под ним, разделяя беззаботное настроение своего господина. Во всей Англии вряд ли нашлась бы другая такая бодрая и счастливая пара. Песчаная дорога вилась то по ельникам, где веяло сладким смолистым духом, то среди вересковых холмов, уходивших к небу на север и на юг, – крутых и безлюдных, ибо на бесплодной почве верхних склонов мало что росло, да и воды там почти не было. Найджел проехал круксберийский выгон, а затем обширные путтенемские вереска, где свернул на полускрытую папоротником и дроком песчаную тропу, выведившую к Пути Паломников там, где эта древняя дорога поворачивала на восток от Фарнема и Сила. То и дело рука его нащупывала седельную сумку, потому что в нее, проверив, насколько надежно она приторочена, он бережно уложил бесценные сокровища леди Эрминтруды. Глядя на могучую светло-рыжую шею перед собой, ощущая свободные движения могучего коня, слушая приглушенный песком перестук его копыт, юноша готов был петь и кричать от радости бытия.

Позади него на бурой лошаденке, которая прежде носила на себе Найджела, ехал Сэмкин Эйлвард, лучник, взявший на себя обязанности слуги и телохранителя молодого сквайра. Его широкоплечая крепкая фигура, казалось, вот-вот совсем придавит к земле низкорослую клячу, но он беззаботно трусил на ней, насвистывая задорную песенку, с таким же легким сердцем, как и Найджел. Все крестьяне кивали веселому лучнику, а крестьянки улыбались ему, и он не столько смотрел вперед, сколько оглядывался назад на каждое смазливое личико. Только один раз встречный обошелся с ним не столь приветливо. Это был высокий, седой, краснолицый мужчина, с которым они поравнялись на вересковой пустоши.

– День добрый, батюшка! – воскликнул Эйлвард. – Ну, как там в Круксбери? И черная новая коровушка, и ярочки из Элтона? И Мэри, молочница, и вся твоя снасть?

– Не тебе бы спрашивать, бездельник! – ответил тот. – Ты прогневил уэверлийских монахов, а я усадьбу держу от них, и они меня сгонят с моей земли. Ну да срок выйдет через три года, и уж я останусь до его конца, как бы они меня ни выживали. Только кто бы мне раньше сказал, что из-за тебя, Сэмкин, я свою усадьбу потеряю! Хоть ты и такой верзила вымахал, я бы повыбил пыль добрым ореховым прутом из этой вот зеленой куртки, попадись ты мне в Круксбери!

– Завтра, батюшка, и повыбьешь. Я утром загляну тебя проведать. А в Уэверли ты бы на моем месте то же самое сделал или что-нибудь почище. Ну-ка ответь мне, старый ты сорвиголова, и ответь по-честному, стоял бы ты сложа руки и смотрел бы, как последнего Лоринга – вон он едет, веселый и радостный, – так смог бы ты смотреть сложа руки, как по приказу жирного монаха в него пускают стрелу прямо у тебя на глазах? Скажешь, смог бы? Тогда я от тебя отрекаюсь, и ты мне больше не отец!

– Погоди, Сэмкин! Коли дело так было, ты, выходит, не очень уж и виноват. Только горько терять старую нашу усадьбу. Я же сердцем прикипел к доброй этой земле.

– Да о чем ты? Еще три года впереди, а за такое время чего не случится! Я вот на войну отправлюсь, взломаю один-два французских сундука, ты выкупишь усадьбу вместе с землицей, и будет аббат Джон со своими управителями тебе не указ. Чем я хуже Тома Уитсеффа из Чурта? А он через полгода вернулся с кисетом, битком набитым французским золотом, и под ручку с двумя французскими девицами!

– Господи, избави нас от девиц, Сэмкин! А вот денег ты можешь нагрести не меньше всякого, кто побывал на войне. Только поторопись, мальй, поторопись! Вон твой господин уже за гребень спустился.

Лучник помахал отцу рукой в перчатке, ударил каблуками лошадку и вскоре поравнялся со сквайром, который, оглянувшись, придержал коня.

– Верно ли я слышал, лучник, – спросил Найджел, – будто в здешних местах появился разбойник?

– Это так, благородный сэр. Был он вилланом сэра Питера Мандевилла, но сбежал от него в леса. Его прозвали Путтенемским Лесовиком.

– А почему его до сих пор не изловили? Если он разбойник и грабитель, избавиться здешний край от такого злодея дело благое.

– Из Гилфорда дважды посылали стражников ловить его, но у лиса много нор, и выкурить его из них очень нелегко.

– Клянусь святым Павлом! Если бы мне не нужно было торопиться, я бы попробовал его отыскать. А где он прячется?

– За Путтенемом тянется большое болото, а по ту его сторону есть пещеры. В них он и укрывается со своими людьми.

– Значит, у него есть шайка?

– Да, он там не один.

– Это был бы славный подвиг! – промолвил Найджел. – Когда король уедет от нас, мы потратим денек на путтенемских разбойников. А нынче, боюсь, нам с ними не переведаться.

– Они подстерегают паломников на Винчестерской дороге, а люди в здешних краях их любят, потому что тут они никого не трогают и за помощь платят щедро.

– Легко быть щедрым, когда деньги у тебя краденые, – заметил Найджел. – Но, думается мне, вряд ли они посмеют напасть на двух воинов с мечами у пояса вроде нас с тобой, и, значит, нам они навстречу не попадутся.

Тем временем они миновали безлюдные вересковые пустоши и ехали теперь по большой дороге, по которой паломники с запада Англии добирались до национального святилища в Кентербери. Дорога эта от Винчестера вела по красивой долине Итчен до Фарнема, где разветвлялась на две: первая тянулась по гряде, носившей название Кабаньей Спины, а вторая уходила на юг к холму Святой Екатерины, где и посейчас видны серые развалины, которые в давние времена были величественным и богатым святилищем, куда отовсюду стекались паломники. На эту вторую дорогу и свернули Найджел с Эйлвардом, торопясь в Гилфорд.

Попутчиков у них не оказалось, зато они встретили большую толпу паломников, возвращавшихся домой, – к их шапкам были прикреплены изображения святого Томаса, раковины улиток и маленькие оловянные фляжки, а на спине они несли узелки с покупками. Чумазые, обносившиеся в дороге, вид они имели довольно плачевный. Мужчины шли пешком, женщины ехали на ослах. И люди, и ослы уныло брели вперед, словно больше всего им хотелось поскорее добраться домой. Потом до деревни Путтенем они больше никого не видели, если не считать двух-трех бродячих менестрелей да нищих, сидевших у дороги в надежде выклянчить медную монетку у сострадательного прохожего.

Солнце припекало уже очень сильно, ветер гнал клубы пыли, и сквайр и лучник с удовольствием промочили глотку кружкой эля в придорожной харчевне, где смазливая хозяйка простилась с Найджелом очень холодно, потому что он остался равнодушным к ее чарам, чего никак нельзя было сказать об Эйлварде, которого она наградила полновесной пощечиной.

По ту сторону Путтенема дорога вела через густой лес, где под могучими дубами и буками густо разрослись папоротник и ежевика. Там им встретился дозор – крепкие молодцы, одетые в кожаные шапки и панцири, усаженные металлическими бляхами. Вооружены они были мечами и копьями и вели на поводу отличных коней, держась тенистой стороны дороги. При виде двух всадников они остановились и спросили, не напал ли на них кто-нибудь.

– Поберегитесь, – добавил один. – Путтенемский Лесовик и его жена вышли на промысел. Вчера они убили купца, ехавшего с запада, и забрали сто золотых монет.

– Его жена?

– Да. Она с ним не расстается и много раз выручала его, когда ему грозила беда. Если он берет силой, так она – хитростью. Рад буду, когда увижу поутру, как их головы скатятся на зеленую траву.

Дозор направился к Фарнему – как оказалось, в противоположную сторону от разбойников, которые, без сомнения, следили за ними из кустов, окаймлявших дорогу. За ее поворотом Найджел и Эйлвард увидели высокую грациозную женщину: сидя на пригорке над дорогой, она горько плакала и ломала руки. При виде несчастной красавицы Найджел пришпорил Бурелета и подскакал к ней.

– Что тебя удручает, прекрасная дама? – спросил он. – Не могу ли я оказать тебе хотя бы малую услугу? Или паче чаяния нашелся столь жестокосердный негодяй, что причинил тебе зло?

Красавица встала и обратила на него взор, полный мольбы и надежды.

– О, спасите моего злополучного отца! – вскричала она. – Быть может, вам повстречались стражники? Они обогнали нас и, боюсь, ускакали уже далеко!

– Да, они отправились дальше, но мы их можем заменить.

– Так поспешите же, поспешите, молю вас! Быть может, в эту минуту они его убивают! Они утащили его вон в ту чащу. Я слышала его голос, но он умолк в отдалении. Поторопитесь, молю!

Найджел спрыгнул на землю и бросил поводья Эйлварду.

– И я с тобой! Сколько было грабителей, госпожа?

– Двое силачей.

– Значит, нам нельзя разделяться, сквайр.

– Иного выхода нет, – возразил Найджел. – Через такую чащу лошадям не пробраться, а оставить их у дороги одних мы не можем.

– Я их постерегу, – предложила красавица.

– Бурелета удержать не просто. Оставайся здесь, Эйлвард, пока я тебя не позову. Ни шагу за мной, я тебе приказываю!

С этими словами Найджел, радостно предвкушая редкое приключение, выхватил меч и быстро скрылся в чаще.

Он бежал долго и быстро от поляны к поляне, продираясь сквозь кусты, перепрыгивал через колючие плети ежевики, легкий на ногу, как молодой олень, оглядываясь по сторонам, напрягал слух, но различал только воркование горлиц. Но не останавливался, подгоняемый мыслью о плачущей красавице у него за спиной и о плененном старце впереди. Только совсем запыхавшись и сбив ноги, он наконец остановился, прижал руку к боку и вспомнил, что у него есть свое дело и нужно ехать дальше в Гилфорд.

Тем временем Эйлвард нашел свой грубоватый способ утешить красавицу, которая продолжала рыдать, прижавшись щекой к седлу Бурелета.

– Да утри глазки, лапушка, – сказал он. – Гляжу я на тебя, и вот-вот у самого слезы потекут ручьем.

– Увы, добрый лучник, он был лучшим из отцов! Такой добрый, такой заботливый! Будь ты с ним знаком, ты не мог бы не полюбить его.

– Ну-ну, ничего плохого с ним не случится. Сквайр Найджел вернет его тебе целым и невредимым.

– Нет, нет! Больше я его уже не увижу! Поддержи меня, лучник, или я упаду.

Эйлвард охотно обвил рукой гибкий стан. Бедняжка положила руку ему на плечо и прильнула к нему, но глаза на бледном лице смотрели куда-то мимо, и вспыхнувший в них жадный огонек, злорадное торжество и жестокая радость внезапно предупредили лучника о грозной опасности. Он оттолкнул ее и отскочил в сторону, только-только избежав сокрушительного удара дубиной, которую сжимал в обеих руках верзила, еще более высокий и широкий в пле-

чах, чем он сам. Перед ним мелькнули свирепо стиснутые крупные белые зубы, растрепанная борода, сверкающие, как у дикого зверя, глаза, и в следующий миг он бросился на врага, поднырнув под снова занесенную страшную дубину.

Обхватив плотное туловище разбойника, уткнувшись головой в его косматую бороду, Эйлвард давил, пытался, нажимал. Сплетенные в тесном объятии, они боролись на пыльной дороге, и призом победителю была жизнь. Дважды могучий разбойник чуть было не опрокинул Эйлварда, и дважды более молодой и ловкий лучник сумел удержаться на ногах и не ослабил хватки. А затем наступил его черед. Заведя ногу под колено противника, он мощным рывком опрокинул его. С хриплым криком разбойник упал на спину и не успел еще коснуться земли, как Эйлвард уперся коленом ему в грудь, а свой короткий меч погрузил ему в бороду, приставив острое к горлу.

– Клянусь десятью моими пальцами! – пропыхтел он. – Только шевельнись, тут тебе и конец!

Впрочем, тот лежал неподвижно, потому что падение его оглушило. Эйлвард посмотрел по сторонам, но женщины нигде не было видно. Дубина только опускалась в первый раз, когда она уже скрывалась за деревьями. Лучника одолел внезапный страх: а что, если его юного господина заманили в гибельную ловушку? Но его дурные предчувствия тут же и рассеялись: по дороге к нему бежал Найджел, вышедший на нее много дальше.

– Клянусь святым Павлом! – крикнул он. – Кого это ты придавил к земле? И где дама, оказавшая нам честь, попросив у нас помощи? Увы, мне не удалось найти ее отца!

– Тем лучше для тебя, благородный сэр, – сказал Эйлвард, – ибо сдается мне, что батюшка ее сам дьявол. По-моему, она жена Путтенемского Лесовика, а это сам Лесовик, который подобрался ко мне, чтобы раскроить мою голову дубиной.

Разбойник уже открыл глаза и угрюмо переводил взгляд со своего победителя на ново-пришедшего.

– Везучий ты человек, стрелок, – сказал он. – Со многими мне доводилось бороться, но никому еще не удавалось меня повалить.

– Да уж, хватка у тебя медвежья, – согласился Эйлвард. – Однако трусливая это штука подослать жену, чтобы она меня держала, пока ты размозжишь мне голову! И уж вовсе злодейство заманивать путников в ловушку, умоляя их о жалости и помощи, так что мы чуть было не погибли из-за собственного мягкосердечия. И тот, кто вправду будет нуждаться в нашей помощи, теперь ее не получит из-за твоих грехов.

– Когда против тебя весь свет, – пробурчал разбойник, – то воюешь с кем и как можешь.

– Ты заслуживаешь петли хотя бы за то, что обрек на такую жизнь эту женщину, прекрасную и красноречивую, – сказал Найджел. – Давай-ка привяжем его за руку к моему стремени, Эйлвард, и отведем в Гилфорд.

Лучник вытащил из колчана запасную тетиву и связал разбойника, как ему было сказано, но тут Найджел внезапно испустил испуганный крик:

– Пресвятая Дева Мария! Где седельная сумка?

Сумка была срезана острым ножом. С седла свисали только остатки ремня. Эйлвард и Найджел в отчаянии уставились друг на друга. Молодой сквайр сжал кулаки, а потом начал горестно дергать себя за золотые кудри.

– Браслет леди Эрминтруды! Кубок моего деда! – восклицал он. – Что я ей скажу? Я не могу вернуться домой, пока не отыщу их. Ах, Эйлвард, Эйлвард! Как ты допустил, чтобы их похитили?

Простодушный лучник сдвинул каску на затылок и запустил пятерню в спутанные волосы.

– Откуда же мне было знать? Ты ведь не сказал, что везешь в сумке дорогие вещи, не то я бы глаз с нее не спускал. Вот что! Срезал ее не этот душегуб: как мы с ним схватились, я его из рук не выпускал. Значит, его женщина сбежала с сумкой, пока мы боролись.

Найджел растерянно расхаживал взад и вперед.

– Я бы за ней на край света отправился, знать бы только куда! Но в лесу этом ее отыскать не легче, чем мышь в пшеничном поле. Святой Георгий, победитель дракона, заклинаю тебя этим славным рыцарским подвигом, помоги мне! И ты, святой Юлиан, добрый покровитель всех путников, укрывающий их от бед. Две свечи будут гореть в твоей готландской часовне, если ты вернешь мне мою седельную сумку. Я все отдам, лишь бы она снова была у меня.

– А мою жизнь ты мне отдашь? – спросил разбойник. – Обещай отпустить меня, и она снова будет у тебя, если ее и взаправду унесла моя жена.

– Нет, этого я не могу, – ответил Найджел. – Тут дело пойдет о моей чести. Ведь сумка только мне принадлежит, а тебя отпустить – значит причинить вред многим людям. Клянусь

святым Павлом! Недостойно я поступлю, если свое добро себе верну, а тебя отпущу грабить других.

– Хорошо, не отпускай, – сказал Лесовик. – Только обещай, что мне сохранят жизнь, и получишь свою сумку целой и невредимой.

– Как же я обещаю, раз решать будут гилфордский шериф и судьи?

– Но ты замолвишь за меня слово?

– Это я обещать могу, если получу свою сумку. Только не знаю, много ли толку будет от моего заступничества. Но все это пустые разговоры. Ты же не думаешь, будто мы настолько глупы, что отпустим тебя принести сумку назад?

– Я и не прошу, – ответил Лесовик. – Вернуть ее тебе я могу и не сходя с места. Клянешься ли ты своей честью и всем, чем дорожишь, что попросишь меня пощадить?

– Клянусь!

– И обещаешь, что мою жену отпустишь сразу?

– Да.

Разбойник откинул голову и испустил протяжный волчий вой. На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем в лесу совсем близко раздался такой же вой. Вновь Лесовик испустил свой призыв, и вновь донесся тот же ответ. На третий раз из его уст вырвался трубный звук, словно в зеленом лесу звал свою подругу олень. Зашуршали кусты, захрустел валежник, и перед ними появилась та же высокая грациозная красавица. Не глядя ни на Эйлварда, ни на Найджела, она кинулась к мужу.

– Возлюбленный господин моего сердца! – вскричала она. – Они тебя не ранили? Я ждала у старого ясеня, и душа у меня изболелась, потому что ты все не шел.

– Меня наконец схватили, жена.

– Пусть будет проклят этот день! Добрые, милостивые господа, не отнимайте его у меня!

– Они заступятся за меня в Гилфорде, – сказал Лесовик. – Так они поклялись. Но сначала отдай сумку, которую унесла.

Красавица тотчас извлекла ее из складок широкого плаща.

– Вот она, благородный господин! Правду сказать, не по душе мне было брать ее: ты ведь сжалился надо мной в моей беде. Но теперь ты видишь, что меня на самом деле постигла горчайшая беда. Так неужели ты не сжалишься? Смилуйся над нами, благородный сэр! На коленях молю тебя, добрый сквайр.

Найджел крепко сжал сумку и, к великой своей радости, убедился, что его сокровища целы.

– Я дал обещание, – сказал он. – И буду ходатайствовать за него, но решать другим. Прошу тебя, встань, ведь ничего больше я обещать не могу.

– Значит, мне придется довольствоваться этим, – сказала она, поднимаясь с колен, и лицо ее обрело спокойствие. – Я молила тебя о милосердии, и ничего более сделать я не в силах. Но прежде чем я вернусь в лес, позволь дать тебе совет, чтобы ты опять не лишился этой сумки. Знаешь ли, добрый лучник, как я ее срезала? Это ведь очень просто и может снова случиться, а потому я покажу тебе свой способ. У меня в рукаве был вот этот ножик: он маленький, но очень острый. Я сбросила его в руку – вот так. Потом я притворилась, будто плачу, прижалась щекой к седлу и разрешила ремень вот так...

Во мгновение ока она рассекла ремень стремени, к которому был привязан ее муж, он нырнул между ногами коня и ужом проскользнул в кусты. Бурелет, которого он успел ударить кулаком в брюхо, оскорбленно вздыбился, Найджел и Эйлвард повисли на поводьях, стараясь его удержать. Когда он успокоился, Лесовика и его жены давно уже след простыл. Тщетно Эйлвард, наложив стрелу на тетиву, рыскал среди толстых стволов и оглядывал тенистые поляны. В конце концов он вернулся к своему господину ни с чем, и они обменялись пристыженными взглядами.

– Авось воины из нас получатся лучше, чем тюремщики, – буркнул лучник, садясь на свою лошадку.

Но хмурое лицо Найджела уже осветила улыбка.

– Во всяком случае, мы вернули себе то, что потеряли, – сказал он. – Я привяжу ее к седлу перед собой и глаз с нее не спущу, пока мы благополучно не доберемся до Гилфорда.

И они затрусили вперед, миновали часовню Святой Екатерины, вновь перебрались вброд через петляющий Уэй и въехали на крутую улицу, над которой почти смыкались выступающие верхние этажи домов. Слева они увидели монашеский странноприимный дом, где и теперь еще можно выпить кружку доброго эля, а справа встал замок с квадратным донжоном – не серые угрюмые развалины, как нынче, но грозный и бдительный. По ветру реяло расшитое полотнище знамени, а между зубцами парапета поблескивали железные каски часовых. От ворот замка до главной улицы тянулись ряды лавок, и третья от церкви Святой Троицы принадлежала Торольду, золотых дел мастеру, богатому купцу и мэру города.

Он долго с вожделием разглядывал густо-красные рубины на браслете и изящный кубок. Потом погладил пышную бороду, раздумывая, предложить пятьдесят ноблей или шестьдесят: выручить за них можно было все двести. Предложить больше – значит себя же обокрасть. Назначить мало, так юнец возьмет да и поедет в Лондон. Вещи-то редкостные. Правда, одет он бедно, а взгляд тревожный. Наверное, у него спешная нужда в деньгах и, глядишь, цены своим вещам он толком не знает. Надо его прощупать.

– Вещи старые, и найти на них покупателя будет непросто, благородный сэр, – сказал он вслух. – Решить, хороши ли камни, не так-то легко: ведь они тусклые, не ограненные. Однако, если ты за них лишнего не запросишь, я, пожалуй, возьму их, хоть в этой лавке больше продаю, чем покупаю.

Найджел недоуменно нахмурился. В подобной игре ни его смелое сердце, ни крепкие мышцы помочь ему не могли. Тут новая сила брала верх над старой: купец побеждал воина – из века в век выматывая его и ослабляя, пока совсем не подчинил себе, не обратил в рабство.

– Я не знаю, какую назначить цену, почтеннейший, – ответил Найджел. – Торговаться и выгадывать мне и тем, кто носит мое имя, не подобает. Тебе их цена известна, ведь таково твое занятие. У леди Эрминтруды денег нет, а к нам должен пожаловать король, посему дай мне столько, сколько будет честно и справедливо, и на этом покончим.

Золотых дел мастер улыбнулся. Сделка оказалась легкой и очень выгодной. Он думал предложить пятьдесят ноблей, но, право же, грешно дать больше двадцати пяти.

– Ну, возьму я их, а что потом мне с ними делать? – посетовал он. – Но коли тут речь идет о короле, двадцати ноблей я не пожалею.

Сердце Найджела налилось свинцом. На эти деньги не купишь и половины самого необходимого. Видно, леди Эрминтруда переоценила свои заветные сокровища. Но вернуться с пустыми руками нельзя, и раз красная цена им двадцать ноблей, как заверил его почтенный купец, ему остается лишь с благодарностью взять и такие деньги.

– Ну что же, мне печально это слышать, – сказал он. – Но в подобных вещах ты разбираешься лучше меня, а потому я возьму...

– Сто пятьдесят, – прошептал ему на ухо Эйлвард.

– Сто пятьдесят, – повторил Найджел, обрадовавшись, что обрел на этих неведомых путях хотя бы и столь смиренного проводника.

Золотых дел мастер даже вздрогнул. Юнец оказался совсем не таким простодушным воякой, каким выглядел. Открытое лицо и ясные голубые глаза всего лишь ловушка для неосторожных. Никогда еще он так не попадался!

– Пустые слова, благородный сэр, – сказал он, отворачиваясь и побрякивая ключами от своих сундуков. – Однако так уж и быть, себе в убыток дам пятьдесят.

– И сто, – шепнул Эйлвард.

– И сто, – повторил Найджел, краснея при мысли о своей алчности.

– Ну хорошо, бери сто! – вскричал купец. – Обдери меня, как липку, разори и забирай за свои вещи полную сотню!

– Я бы навеки покрыл себя стыдом, если бы обошелся с тобой так скверно, – возразил Найджел. – Ты говорил со мной по-честному, и я никак не хочу чинить тебе убытки. А потому с радостью возьму сто...

– И пятьдесят, – шепнул Эйлвард.

– И пятьдесят, – повторил Найджел.

– Клянусь святым Иоанном Беверлийским! – возопил купец. – Я переехал сюда с севера, где люди слывут прижимистыми, но уж лучше бы мне торговаться с целой синагогой евреев, чем с тобой, хоть ты и благородного рода. Неужто ты и правда меньше ста пятидесяти ноблей не возьмешь? Увы, ты забираешь весь мой месячный доход. Черное для меня выдалось утро! И зачем только ты зашел в мою лавку? – Со вздохами и причитаниями он отсчитал сто пятьдесят золотых монет, и Найджел, не веря своему счастью, спрятал их в кожаную седельную сумку.

Минуту спустя он, весь красный, осыпал Эйлварда благодарностями за дверь лавки.

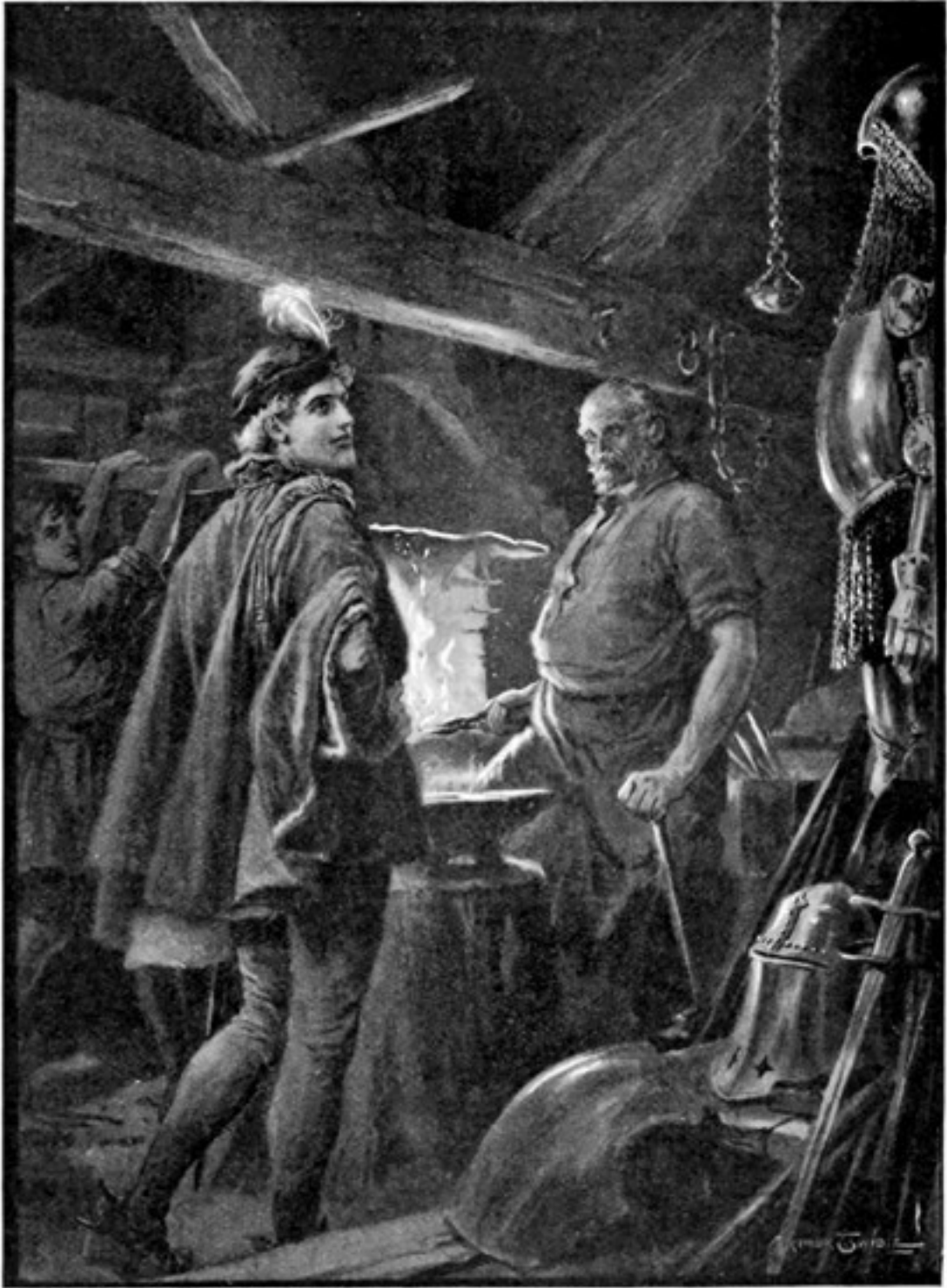
– Увы, мой благородный господин! Торгаш нас все-таки ограбил, – сказал лучник со вздохом. – Мы получили бы еще двадцать, если бы не уступили так легко!

– Откуда ты знаешь, мой добрый Эйлвард?

– Да по глазам его видно было, сквайр Лоринг. Не спору, в книгах там или в гербах я мало что угляжу, а вот в глазах у людей читать умею и с самого начала знал, что он даст, сколько дал.

Они пообедали в странноприимном доме – Найджел за столом на возвышении, а Эйлвард с простолюдинами. Потом вернулись на главную улицу и зашли в несколько лавок. Найджел купил тафту на занавесы, вино, маринады, фрукты, скатерть из Дамаска и много еще всякой всячины. Под конец он остановился перед лавкой оружейника во дворе замка и, точно ребенок сласти, начал разглядывать чудесные доспехи, нагрудники с красивой насечкой, бармицы с хитрыми застежками для лат, оплечий и шлема.

– Так что же, сквайр Лоринг, ты у меня нынче купишь? – спросил оружейник Уот, поворачиваясь боком к горну, в котором закалял лезвие для меча. – Клянусь Тувалкаином, ковачем всех орудий, что пройди ты хоть весь лондонский Чипсайд, а лучше доспехов, что висят на этом крюке, ты там не сыщешь.

- А их цена, оружейник?
- Для всякого другого двести пятьдесят ноблей, а для тебя двести.
- Почему же мне ты их уступил бы дешевле?
- Потому что снаряжал на войну твоего батюшку, а такого доспеха мне больше изготовить не удавалось. Тогда мы их делали кольчатые, и по мне, надежный доспех из мелких колец никаким кованым латам не уступит. Но молодые рыцари что твои придворные дамы! Им подавай самое модное, вот и требуют латы, пусть они втрое дороже стоят.
- А по-твоему, кольчатые не хуже?

– Тут и спорить нечего.

– Ну так слушай, оружейник! Латы я пока купить не могу, да только доспехи мне очень нужны для одной славной забавы, которую я задумал. Дома у меня в Тилфорде хранится тот самый кольчатый доспех, про который ты говорил, – первый доспех моего отца. Не мог бы ты так его переделать, чтобы он послужил и мне?

Оружейник смерил взглядом стройную, но невысокую фигуру юноши и расхохотался.

– Ты шутишь, сквайр Лоринг! Тот-то доспех на очень высокого человека сделан.

– Нет, я не шучу. Мне бы только один раз обменяться с кем-нибудь ударом копья, а большего я и не чаю.

Оружейник прислонился к наковальне и задумался, Найджел с тревогой вглядывался в его покрытое копотью лицо.

– На один-то раз я бы с радостью одолжил тебе вот те доспехи, сквайр Найджел, да только вдруг из седла вылетишь ты? А тогда они достанутся твоему победителю. Я же человек бедный, и дети у меня мал мала меньше, ну и задаром их лишиться никак не могу. Но тот-то кольчатый доспех и вправду совсем цел?

– Он почти как новый. Только у ворота порван.

– Ну, укоротить его по ногам дело нехитрое – лишнее срезать да закрепить колечки снизу. А вот по туловищу подогнать – нет уж. Никакому оружейнику такое не по зубам.

– А я только на это и надеялся. Добрый оружейник, если ты правда снаряжал моего доблестного отца и любил его, то в память его помоги мне теперь.

Оружейник со стуком швырнул на пол свой молот.

– Память памятью, сквайр Лоринг, да я же видел, как ты на ристалище в замке чуть не с одним щитом выезжал против лучших бойцов. В прошлый Мартынов день у меня просто сердце кровью обливалось, когда я увидел, какое у тебя убогое снаряжение, и все-таки ты одолел сэра Оливера, хоть толстяк и напялил на себя миланскую броню. А когда ты едешь в Тилфорд?

– Прямо сейчас.

– Эй, Дженкин, оседлай-ка жеребчика! – крикнул добросердечный Уот. – Пусть у меня правая рука отсохнет, коли я не отправлю тебя на бой в отцовском доспехе. Завтра мне надо быть тут, но уж нынче потружусь на тебя без всякой платы, а из почтения к твоему роду. Поеду с тобой в Тилфорд, и ты увидишь, как Уот знает свое ремесло.

Хлопотливым же был этот вечер в старом господском доме! Леди Эрминтруда оставила полки в кладовой лакомой провизией, которую накупил Найджел в Гилфорде, раскрыла тафту и украсила залу новыми занавесами.

Сам же сквайр сидел с оружейником, склонясь над старым кольчатым доспехом – пластинчатый панцирь покоился у них на коленях. Вновь и вновь старый Уот пожимал плечами, словно человек, от которого требуют сделать больше, чем по силам простому смертному. Вдруг в ответ на какой-то вопрос сквайра он откинулся на спинку скамьи и принялся хохотать в пушистую бороду, не обращая внимания на свирепые взгляды леди Эрминтруды, возмущенной таким мужицким весельем. Затем извлек из мешка с инструментами заточенное долото с молотком и, все еще посмеиваясь, принялся пробивать дырку в центре железной туники.

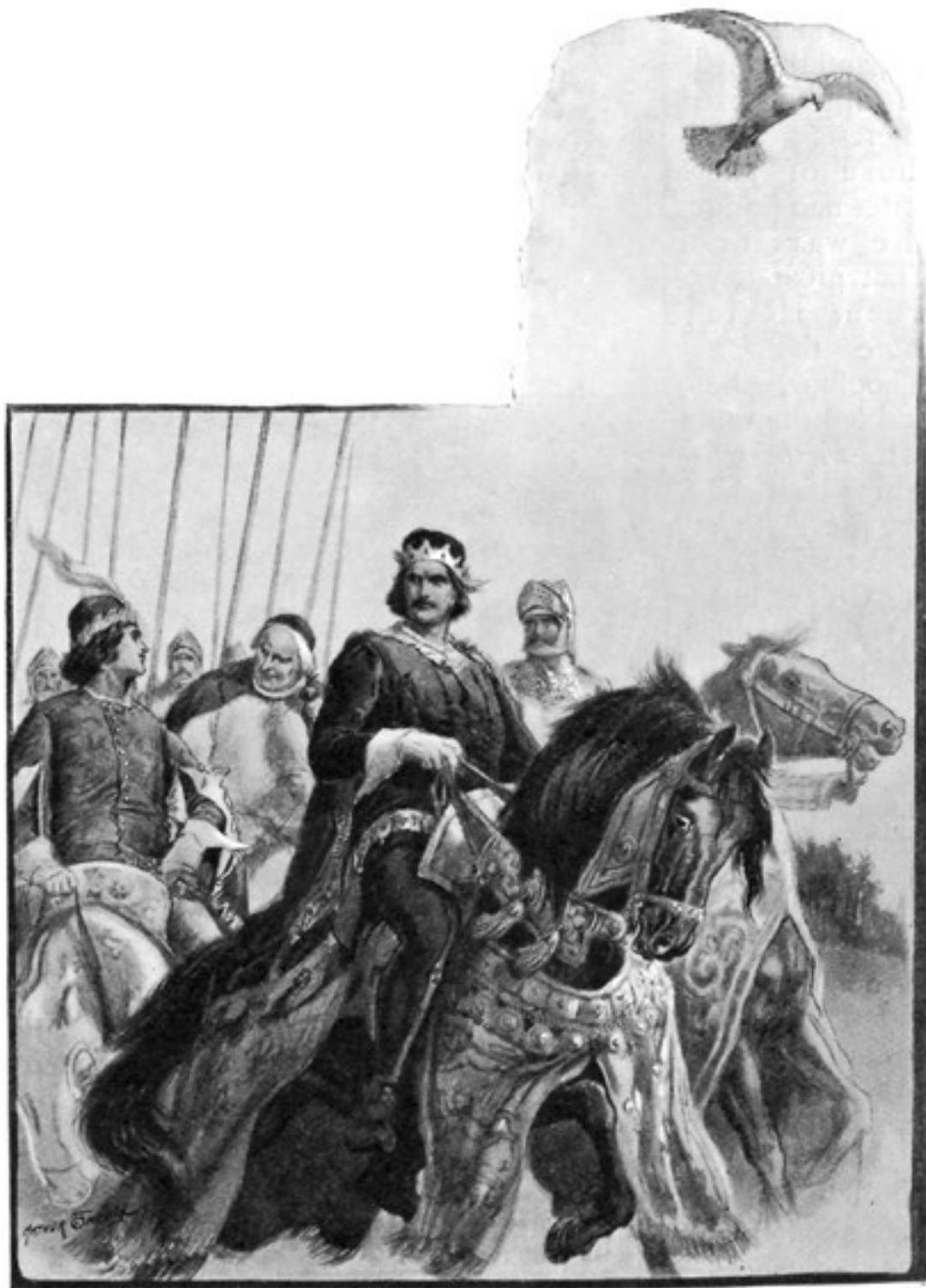
Глава VIII

Как король тешился соколиной охотой на круксберийских вересках

Король и его свита наконец-то избавились от толпы зевак, упрямо провожавших их из Гилфорда по Пути Паломников. Конные лучники отогнали самых упорных, и теперь пышная кавалькада, растянувшись на дороге, неторопливо двигалась по холмистой равнине среди темного вереска.

В переднем ряду ехал сам король – он взял с собой соколов и надеялся, что для них встретится достойная полевая дичь. Эдуард в те дни был представительным энергичным мужчиной в расцвете лет – заядлым охотником, пылким любезником, храбрым воином. Он мог похвастать и образованностью: говорил по-латыни, по-французски, по-немецки, по-испански и даже немного по-английски.

Эти его превосходные качества были известны давно, но в последние годы в его характере открылись и иные стороны: жгучее честолюбие, побудившее его возжелать трон соседнего монарха, а также мудрая предусмотрительность в делах коммерческих – он всячески приглашал в Англию фламандских ткачей, закладывая основу торговли, ставшей на несколько веков источником больших богатств для страны. Все эти душевные свойства нашли отражение в его облике. Лоб под шапкой алого бархата, служившей знаком его сана, был широким и благородным. Большие карие глаза говорили о пылкости и отваге. Бороды он не носил вовсе, а коротко подстриженные темные усы не прятали волевого рта, гордого и великодушного, хотя эти губы умели и сжиматься с беспощадной жестокостью. Лицо его покрывал почти медный загар, приобретенный за долгие годы охоты и походной жизни. На великолепном вороном коне он сидел с беззаботной небрежностью человека, выросшего в седле. Бархатный костюм, плотно облежавший его ловкую мускулистую фигуру, был черным, под масть коня, и черноту эту смягчали только золотой пояс и кайма из вышитых золотом раскрытых коробочек дрока.

Гордая и благородная осанка, простой, хотя и драгоценный наряд, красавец-конь – Эдуард III поистине был в каждом дюйме король. Картину эту дополнял гордый кречет, круживший невысоко над его головой, «в ожидании», как это называлось, любой вспугнутой птицы. Вторая птица сидела на запястье затянутой в перчатку руки сокольничего Рауля, который держался в задних рядах свиты. По правую руку монарха ехал юноша лет двадцати, высокий, худощавый, темноволосый, с благородным орлиным лицом и пронзительными глазами, которые вспыхивали живостью и неподдельной любовью, когда он отвечал на обращенные к нему

слова короля. Богато расшитая золотом темно-малиновая одежда, великолепии седла, чепрака и сбруи его белого коня указывали на высокий сан. Лицо его, еще безбородое и безусое, часто принимало выражение величавой серьезности, которая показывала, что, вопреки своей молодости, он вершит важными делами и мысли и чаяния его достойны государственного мужа и полководца. Тот великий день, когда он, еще почти мальчик, командовал авангардом победоносной армии, сокрушившей мощь Франции в битве при Креси, наложил свою печать на его черты, при всей их суровости еще не приобретшие оттенка свирепости, которая годы спустя наводила ужас на равнины Франции и превратила там имя Черного принца в присловие. И страшная болезнь, отравившая его характер, прежде чем отнять у него жизнь, еще не коснулась его в этот весенний день, когда он весело и беззаботно ехал через верески Круксбери.

По левую руку короля и почти рядом с ним, что указывало на особую милость монарха, ехал мужчина одних с ним лет, с широким лицом, тяжелым подбородком и приплюснутым носом – черты, которые, по мнению многих, свидетельствуют о задиристом характере. Щеки, нос и лоб были у него багровыми, большие голубые глаза отличались выпуклостью, и весь его облик говорил о полнокровии и холеричности. Роста он был невысокого, но широкоплеч, коренаст и, видимо, наделен огромной силой. Однако голос у него звучал мягко, он слегка пришептывал, а держался спокойно и обходительно. В отличие от короля и принца он надел легкие доспехи, с пояса у него свисал меч, а с луки седла – булава, ибо он командовал королевскими телохранителями, а также десятком закованных в броню рыцарей, сопровождавших монарха. Если бы Эдуард вдруг оказался в опасности – что в те незаконные времена случалось не так уж редко, защитника лучше ему не потребовалось бы, ибо это был знаменитый рыцарь из Эно, принявший английское подданство, сэр Уолтер Мэнни, который рыцарской доблестью и дерзкой отвагой мог потягаться с самим Чандосом.

Позади рыцарей свиты, которые обязаны были следовать за особой короля, всегда держась вместе, ехали конные лучники, числом под тридцать, а также несколько оруженосцев, которые вели на поводу запасных лошадей, нагруженных тяжелыми предметами снаряжения их рыцарей, сами же они вооружены не были. В хвосте этой многоцветной кавалькады, которая, колыхаясь, двигалась по пригоркам и ложбинам вересковой пустоши, поспешали сокольники, алебардчики, всевозможные челядинцы, доверенные слуги и ловчие с собаками на сворках.

Королю Эдуарду приходилось обдумывать много важнейших и совсем невеселых дел. С Францией, правда, было заключено перемирие, но оно с обеих сторон постоянно нарушалось вооруженными стычками, внезапными нападениями и засадами, и мало кто сомневался, что вот-вот снова вспыхнет настоящая война. Для этого требовались деньги, а раздобыть их, после того как парламент только что утвердил новую подать – каждого десятого ягненка и каждый

десятый сноп, – представлялось задачей не из легких. К тому же Черная Смерть привела хозяйство страны в полный упадок: пахотные земли все пошли под пастбища, работники, смеясь над всеми королевскими статутами и ордонансами, отказывались трудиться меньше чем за четыре пенса в день. В обществе царил полный хаос, к тому же на северной границе порывивали шотландцы, в полузавоеванной Ирландии продолжались нескончаемые смуты, а его союзники во Фландрии и Брабанте настойчиво требовали давно обещанных денег, выплата которых постоянно оттягивалась.

Все это могло внушить тревогу самому победоносному монарху, но Эдуард решительно сбросил с себя бремя забот и безмятежно радовался жизни, точно школьник на каникулах. Он забыл про банкиров-флорентийцев, настаивавших на уплате по векселям, и про докуки от назойливого парламента, которому всюду надо было совать свой нос. Нет, он выехал с соколами и будет думать и говорить только о тонкостях соколиной охоты. Челядинцы били бичами по вереску и кустам у дороги, оповещая о взлетевших птицах громкими воплями.

– Сорока! Сорока! – крикнул сокольник.

– Нет-нет, моя золотоглазая королева, она не достойна твоих когтей, – сказал король, взглянув вверх на благородную птицу, которая висела у него над головой в ожидании свиста, служившего сигналом к началу погони. – Пускай сапсанов, сокольник! Чего ты мешкаешь? Ха! Негодяйка думает улизнуть в лес! Молодец, сапсан! Успел догнать! Поверни ее к своему товарищу! Вы там вспугните ее! Бейте по кустам! Вон она! Вон она! А-а! Возвращайтесь по местам. Госпожи сороки вам больше не видать!

С хитростью, свойственной всему ее племени, сорока, кружа среди кустов и подлеска, добралась до густой чащи, куда ни снизившийся под деревья сапсан, ни его товарищ над ними, ни челядинцы с палками добраться за ней не могли. Король посмеялся этой неудаче и поехал дальше. Взлетали все новые птицы, и на каждую выпускали своего охотника – сапсана на бекаса, тетеревику на куропатку, и даже для жаворонка нашелся маленький дербник. Но королю вскоре надоела мелкая дичь, и он пустил коня шагом, а его безмолвная спутница все так же висела у него над головой.

– Любезный сын, трудно сыскать птицу благороднее, ты не находишь? – сказал Эдуард, поглядев вверх, когда на него вдруг упала крылатая тень.

– О да, государь! Подобной ей еще ни разу не привозили с северных островов.

– Пожалуй. Но мой берберийский сокол бил так же метко, а летал быстрее. С восточной птицей в расцвете сил ничто сравниться не может.

– Был у меня когда-то сокол из Святой земли, – сказал Мэнни. – Такой же яростный, неутомимый и быстрый, как сами сарадины. Про султана Саладина рассказывают, будто он вывел таких охотничьих птиц, собак и лошадей, что ничего подобного им мир не видел.

– Уповаю, любезный батюшка, что настанет день, когда все они станут нашими, – сказал принц, глядя на короля сияющими глазами. – Неужели же Святая земля так и останется в лапах неверных и они и дальше будут осквернять Храм Господень своим присутствием? Мой возлюбленный, мой милостивый государь, дай мне тысячу копий и десять тысяч лучников, таких, каких я вел при Креси, и клянусь тебе своей душой, что и года не пройдет, как я сделаю тебя сюзереном Иерусалимского королевства!

Король со смехом повернулся к Уолтеру Мэнни.

– Мальчишки остаются мальчишками! – сказал он.

– Французы меня мальчиком не считали! – вскричал юный принц, краснея от обиды.

– Нет, любезный сын, никто не ставит тебя выше, чем твой отец. Но твой ум и воображение еще не утратили пыл, который влечет к новым свершениям, когда прежние еще не доведены до конца. Что произойдет с нами в Бретани и Нормандии, пока мой юный паладин со своими рыцарями и лучниками будет осаждать Аскалон или биться под стенами Иерусалима?

– Трудам во имя Небес поможет Небо.

– Судя по тому, что мне известно о прошлом, – сухо заметил король, – в тех войнах на Востоке Небеса себя надежным союзником не показали. Я далек от кощунства, но сдается мне, самое малое княжество оказало бы Ричарду Львиное Сердце или Людовику Французскому куда больше помощи, чем все небесное воинство. А ты как полагаешь, милорд епископ?

Дородный прелат, трусивший за королем на сытом гнедом мерине, который легко выдерживал его вес, позволяя ему сохранять подобающую величавость, поспешил подъехать поближе к королю.

– Что ты изволил сказать, государь? Я засмотрелся на тетеревятника, взявшего куропатку прямым боем, и не расслышал.

– Скажи я, что дарую Чичестерской епархии две доходные усадьбы, ты бы, конечно, расслышал каждое мое слово, милорд епископ!

– Проверь же, государь, так ли это, и произнеси оные слова еще раз! – воскликнул весельчак-епископ.

Король расхохотался:

– Ответный удар неплох, преподобный отец! Клянусь святым крестом, твое копьё даже переломилось. Говорил же я вот о чем: Крестовые походы имели главной целью сокрушение

Божьих недругов, так почему же мы, христиане, получали так мало небесного утешения и поддержки, участвуя в них? После стольких усилий и неисчислимых потерь нас окончательно оттуда изгнали, и даже рыцарские ордена, только для того и созданные, с трудом удерживаются на горстке островов Греческого моря. В Палестине не осталось ни единой гавани, ни единой крепости, над которой еще реяло бы знамя креста. Так где же был наш союзник?

– Ах, государь, ты затронул великий вопрос, далеко не исчерпывающийся судьбой Святой земли, хотя она может послужить прекрасным примером. Вопрос этот касается всех грехов, всех страданий, всех несправедливостей. Почему в отмщение не падет огненный дождь, не блеснет молния с Синая? Мудрость Божья для нас непостижима.

Король пожал плечами:

– Слишком легкий ответ, милорд епископ. Ты князь церкви. Но плохо пришлось бы земному князю, коль он не сумел бы найти ответ получше на вопрос, от которого зависела бы судьба его владений.

– Всемиловитый государь, можно указать и на иные причины. Да, Крестовые походы были поистине святым делом и, казалось бы, заслуживают Божьего благословения. Но вот крестоносцы? Были ли они его достойны? Ведь мне доводилось слышать, что непотребнее их лагерей земля не видывала.

– Военный лагерь – это военный лагерь, в каком бы краю он ни находился, и в один миг переделать лучника в святого не может никто. Но уж святой-то Людовик был крестоносцем совсем по твоему вкусу. И все-таки он потерял свое войско под Мансурой, а сам потом умер от чумы в Тунисе.

– Вспомни также, что мир сей лишь преддверье мира иного, – возразил прелат. – Страдания и испытания очищают душу, а посему истинным победителем может стать тот, кто, терпеливо перенося бедствия земные, заслужит блаженство в грядущем.

– Если таков истинный смысл благословения, даруемого церковью, уповаю, оно еще не скоро почиет на наших знаменах во Франции, – ответил король. – Однако в поле, когда под тобой добрый конь, а соколам не терпится пасть на добычу, для беседы можно найти иную тему, кроме богословия. Займемся снова птицами, епископ, не то Рауль, наш сокольничий, явится в твой собор и прервет тебя во время проповеди.

Разумеется, разговор тотчас перешел на тайны лесов и на тайны рек, на темноглазых соколов и на золотоглавых, на благородных соколов и на простых. Епископ разбирался в соколиной потехе не хуже короля, и все вокруг заулыбались, слушая, как они с пеной у рта обсуждают чисто практические, но спорные вопросы, например: способен ли выпестованный в неволе молодой соколик состязаться с птицей, пойманной уже взрослой, или же какой срок следует держать молодика в клетке, а какой – под открытым небом, в путах, но без клубочка, прежде чем его можно будет напустить на добычу.

Король и епископ еще увлеченно вели свой ученый спор, причем епископ говорил с уверенностью и свободой, каких никогда бы не допустил, зайдя речь о государственных или церковных делах, но во все века любовь к охоте, а потом и к спорту была великой уравнилицей. Внезапно принц, чей зоркий взгляд время от времени шарил по голубому небосводу, испустил сигнальный крик и придержал коня, указывая вдаль.

– Цапля! – воскликнул он. – Цапля на крыле!

Наивысшее наслаждение соколиная охота доставляет не тогда, когда цаплю вспугивают с места кормежки и она, отяжелев от проглоченных рыбешек, не успевает даже взлететь толком, как уже становится добычей более быстрого сокола, но когда цапля летит куда-то в вышине, возможно возвращаясь на гнездовье с рыбного ручья. Иными словами, углядеть птицу на крыле значило положить начало самой увлекательной потехе. Принц указывал на черное пятнышко высоко на юге, но напряженные глаза его не обманули: и король, и епископ признали,

что это несомненно цапля и летит она прямо на них – с каждой секундой пятнышко увеличивалось.

– Свистните, государь! – вскричал епископ. – Свистните кречету!

– Нет, цапля еще далеко. Я пушу Марго наперехват.

– Пускайте, государь, пускайте! – вскричал принц, потому что крупная птица, подгоняемая попутным ветром, была уже почти над ними.

Король пронзительно свистнул, и великолепно обученный кречет сделал разведывательный круг, проверяя, где добыча. Затем, увидев цаплю, крылатая охотница взмыла ей навстречу по крутой дуге.

– Молодец, Марго! Умница! – кричал король и хлопал в ладоши, подбодряя кречета, а сокольники, как полагалось в подобные минуты, испускали своеобразные пронзительные вопли.

Кречет должен был вот-вот пересечь траекторию полета цапли, но та, заметив впереди опасность, положила на силу своих крыльев, на легкость своего тела и взмыла вверх по такой крутой спирали, что зрителям внизу почудилось, будто она летит в небо по прямой.

– Пробует остаться выше, – сказал король. – Но как она ни быстра, Марго быстрее. Епископ, ставлю десять золотых монет против одной, что цапля моя!

– Принимаю, государь! – ответил епископ. – Брать золото, выигранное в таком споре, мне не подобает, да только, уж конечно, какой-нибудь алтарный покров давно нуждается в обновлении.

– У тебя, отче епископ, алтарных покровов запас немалый, – заметил король, – если все золото, какое ты выигрывал на моих глазах, шло на их обновление... А! Клянусь святым крестом! Негодяйка польстилась на низкую дичь!

Зоркий епископ еще раньше успел заметить стаю грачей, которые возвращались к своим гнездам наперерез поднимающемуся кречету. А грач – великий соблазн для всего соколиного племени. Капризная охотница вмиг забыла о величавой цапле у себя над головой и закружила над грачами, удаляясь с ними на запад, пока выбирала самого жирного.

– Еще не поздно, государь! Пускать вторую? – крикнул сокольничий.

– Или, государь, мне будет дозволено показать, как сапсан бьет без промаха, где кречет терпит неудачу? Десять ноблей за один на мою птицу!

– Будь по-твоему, епископ! – ответил король, раздраженно хмурясь. – Клянусь святым крестом, понимай ты писания Отцов Церкви, как понимаешь соколов, быть бы тебе наместником святого Петра! Напускай своего сапсана, докажи, что ты не хвастаешь по-пустому.

Сапанка, хотя и уступала королевскому кречету в величине, была и быстрой, и очень красивой. Сидя у епископа на запястье, она зорким яростным взглядом следила за пролетающими в небе птицами и время от времени развевала крылья от нетерпения. Теперь, когда застежка была расстегнута и путы сняты, сапанка взвилась в воздух, со свистом рассекая его заостренными концами крыльев. По широкой спирали она быстро поднималась, становясь все меньше и меньше по мере приближения к той неизмеримой высоте, на которой цапля, вновь превратившаяся в темное пятнышко, искала спасения. Обе птицы взмывали все выше и выше, а всадники, запрокинув головы, напрягали зрение, чтобы не упустить их из вида.

– Она кружит! Кружит! – закричал епископ. – Она уже над цаплей и сейчас ударит!

– Нет, она много ниже, – возразил король.

– Клянусь душой, милорд епископ прав! – воскликнул принц. – Она выше, выше! Да глядите же, глядите! Она напала прямым боем!

– Ударила! – раздался хор возбужденных голосов, когда два пятнышка внезапно слились в одно.

В том, что птицы быстро падали, сомнения быть не могло: их уже можно было различить на фоне неба. Но тут цапля высвободилась и полетела дальше, хотя и тяжело взмахивала крыльями, – видимо, смертоносное объятие не прошло ей даром. Сапанка же, распушив перья, начала новую спираль, чтобы подняться над добычей повыше и ударить во второй раз более удачно. Епископ улыбнулся: казалось, ничто уже не могло лишить его победы.

– Твои золотые, государь, будут потрачены не напрасно, – сказал он. – Ведь все, что дается церкви, получает дающий.

Однако непредвиденное обстоятельство помешало дорогостоящему обновлению алтарного покрова. Королевский кречет ударил по грачу, нашел эту забаву довольно пресной, вспомнил про заманчивую цаплю и обнаружил, что та еще не скрылась из вида. Почему, ну почему она, Марго, позволила себе соблазниться глупыми галдящими грачами и упустила столь благородную дичь? Но еще не поздно исправить ошибку. По крутой спирали она взмыла вверх и оказалась над цаплей. Но что это? Все ее фибры от хохолка до хвостовых перьев содрогнулись от бешенства и ревности: какое-то ничтожество, какая-то сапанка смеет покушаться на добычу королевского кречета! Взмахнув могучими крыльями, она взлетела над соперницей и в следующее мгновение...

– Сцепились! Сцепились! – закричал король, с хохотом следя, как обе охотничьи птицы вместе стремительно падают вниз. – Сам обновляй свои алтарные покровы, отче епископ! От меня ты на этот раз и медяка не получишь. Сокольничий, растащи их, чтобы они друг друга не поранили. А теперь, благородные господа, поторопимся, ведь солнце уже склоняется к закату.

Кречета и сапанку, которые, сцепившись когтями, упали наземь клубком взъерошенных перьев, благополучно разъединили и водворили на жердочки. Обе были в крови и тяжело дышали, а цапля, которую их драка спасла, с трудом работая крыльями, добралась до своего гнезда в Уэверли. Кавалькада, в охотничьем азарте рассеявшаяся по равнине, вновь построилась прежним порядком и продолжила путь. Всадник, направлявшийся навстречу им через пустошь, теперь пришпорил коня, а король и принц с радостными восклицаниями приветственно замахали ему.

– Наш добрый Джон Чандос! – воскликнул король. – Клянусь святым крестом, Джон, вот уже неделю я скучаю без твоих песен и весьма доволен, что вижу у тебя за плечами твою лютню. Откуда ты?

– Из Тилфорда, государь, в надежде повстречать твое величество.

– Вот и хорошо. Ну-ка поезжай между мной и принцем, пусть нам покажется, что мы снова во Франции в полном боевом вооружении. Какие новости, добрый Джон?

Насмешливые губы Чандоса вздрогнули от сдерживаемого веселья, и его единственный глаз заблестел, как звезда.

– Потешились охотой, государь?

– Плохая вышла потеха, Джон. Мы пустили двух соколов на одну цаплю, они сцепились, и цапля улетела. Но почему ты улыбаешься?

– Потому что надеюсь, что в Тилфорде вас ждет потеха получше.

– С соколами или с гончими?

– Нет, куда более благородная.

– Что еще за загадки, Джон? Отвечай же!

– Нет, государь. Ответить – значит все испортить. Просто скажу еще раз, что перед Тилфордом вас ждет редкая потеха, а потому, государь, прошу тебя пришпорить коня, ведь скоро начнет смеркаться.

Король исполнил его просьбу, и кавалькада рысью направилась через вереск туда, куда указывал Чандос. Поднявшись на гребень пологого холма, они увидели перед собой извилистую реку и перекинутый через нее старый горбатый мост. За рекой тянулся выгон с хижинами по дальнему его краю и старинным господским домом на склоне холма над ним.

– Это Тилфорд, – объяснил Чандос, – а вон там – родовой дом Лорингов.

Любопытство короля было сильно возбуждено, и теперь его лицо выразило разочарование.

– Ну а потеха, что ты обещал нам, сэр Джон? Это были пустые слова?

– Нет, государь.

– Так где же она?

На крутой дуге моста на могучем золотом коне сидел всадник в боевых доспехах и с копьём в руке. Чандос тронул короля за плечо и указал на мост:

– Вот, государь.

Глава IX

Как найджел оборонял Тилфордский мост

Король посмотрел на застывшую фигуру всадника, на кучку деревенских зевак на том берегу, а потом перевел взгляд на смеющегося Чандоса:

– Что это, Джон?

– Ты помнишь сэра Юстеса Лоринга, государь?

– Как мог бы я забыть о нем или о постигшей его смерти?

– Он ведь был в свое время странствующим рыцарем?

– Да, и доблестней его мне знать не доводилось.

– Его сын Найджел весь в него – юный боевой сокол, которому не терпится испытать силу своих когтей и клюва, только до сих пор с него не снимали пут. Это его пробный полет. Он готов защищать мост от всех, кто примет его вызов, как водилось в дни наших отцов.

Король по праву считал себя первым рыцарем королевства и был большим знатоком правил и обычаев, которым полагалось следовать странствующим рыцарям, а потому такая встреча пришла ему очень по вкусу.

– Но он же еще не посвящен в рыцари?

– Нет, государь. Он только сквайр.

– Ну так он должен показать себя мужественным бойцом, если не хочет опозориться. Подобаает ли молодому неиспытанному сквайру дерзко обмениваться ударами копья с лучшими бойцами Англии?

– Он вручил мне свой вызов, – сказал Чандос, доставая из рукава свиток. – Дозволишь ли, государь, прочесть его?

– Кто лучше тебя, Джон, осведомлен в рыцарских законах? Ты знаешь этого юношу, и тебе решать, насколько он достоин высокой чести, которой просит. Ну, послушаем его вызов.

Рыцари и оруженосцы в свите короля, почти все ветераны войн во Франции, смотрели с интересом и некоторым недоумением на закованную в железо фигуру перед ними. Теперь по зову сэра Уолтера Мэнни они окружили короля и Чандоса. Последний откашлялся и развернул свиток.

– «À tous seigneurs, chevaliers et éscuyers!»¹¹ Так он начинается, благородные господа. Это вызов сквайра Лоринга, сына светлой памяти сэра Юстеса Лоринга. Сквайр Лоринг, благородные господа, ожидает вас на этом старом мосту. И вот что он говорит: «Я, смиреннейший и недостойнейший сквайр, из великого желания стать известным благородным рыцарем в свите его величества короля, моего господина, жду на мосту через Уэй в надежде, что тот или иной из них снизойдет скрестить со мной копье, или же что мне ниспослано будет освободить их от какого-либо обета, ими на себя принятого. Прошу я об этом не из похвальбы, но уповая, что дано мне будет лицезреть оных прославленных рыцарей с оружием в руках и восхититься искусством, с каким они им владеют. Посему с помощью святого Георгия я, пока не зайдет солнце, буду острым копьем защищать сей мост от всех, кто пожелает удостоить меня поединком».

¹¹ «Всем сеньорам, рыцарям и оруженосцам!» (фр.)

– Ну, что вы скажете на это, благородные господа? – промолвил король, глядя вокруг смеющимися глазами.

– Составлен вызов поистине безупречно, – сказал принц. – Ни Кларисье, ни Красный Дракон, ни любой другой герольд, когда-либо носивший табар, не мог бы сочинить его лучше. Картель написан его рукой?

– У него имеется суровая бабка, дама старинной закалки, – ответил Чандос. – Уж конечно, леди Эрминтруде и раньше доводилось составлять картели. Однако, государь, мне надо кое-что сообщить тебе и светлейшему принцу.

Чандос понизил голос, и мгновение спустя все трое разразились громким хохотом.

– Клянусь святым крестом! Только подумать, что человек благородной крови может оказаться в столь стесненных обстоятельствах, – сказал король. – Мне подобает поправить дело. Но что же вы, благородные господа? Этот достойный юноша все еще ждет ответа.

Рыцари его свиты тем временем оживленно обсуждали вызов, и теперь сэр Уолтер Мэнни сообщил королю их решение.

– С позволения твоего величества, – начал он, – мы полагаем, что этот сквайр недопустимо дерзок в своем желании скрестить копьё с рыцарем, ибо еще ничем не доказал своей доблести. Мы окажем ему достаточную честь, если выставим против него такого же сквайра, и, с твоего разрешения, я поручу моему собственному оруженосцу Джону Уиддикомбу открыть нам путь через мост.

– Ваше решение, Уолтер, и верно, и справедливо, – молвил король. – Добрый Чандос, сообщи воину на мосту, что постановили рыцари. А также передай нашу королевскую волю: встретятся они не на мосту, откуда один из них, а то и оба, несомненно, свалятся в воду, но на лугу перед мостом. Скажи ему, кроме того, что для такого поединка достаточно копьё с тупым наконечником, но если оба усидят в седле, то могут обменяться одним-двумя ударами меча или булавы. Сигнал начинать подаст Рауль, протрубив в свой рог.

В дни былого расцвета странствующего рыцарства очень часто желающий снискать славу день за днем поджидал на перекрестке, на мосту или у брода, пока судьба не приводила туда достойного противника. И память о таких поединках живо сохранялась в рыцарских повестях и песнях труверов, постоянно о них повествовавших. Однако в жизни они успели стать большой редкостью. А потому придворные следили за тем, как Чандос направил коня вниз по откосу к мосту, с веселым, если не сказать насмешливым, любопытством, и обменивались замечаниями по поводу необычной внешности его защитника. Сложен он и правда был весьма странно: фигура высокого человека, но руки и ноги непропорционально короткие. Голова его клонилась долу, точно он был погружен в глубокую задумчивость или столь же глубокое уныние.

– Видимо, это рыцарь Отягощенного Сердца, – заметил Мэнни. – Какие горести заставляют его столь печально повесить голову?

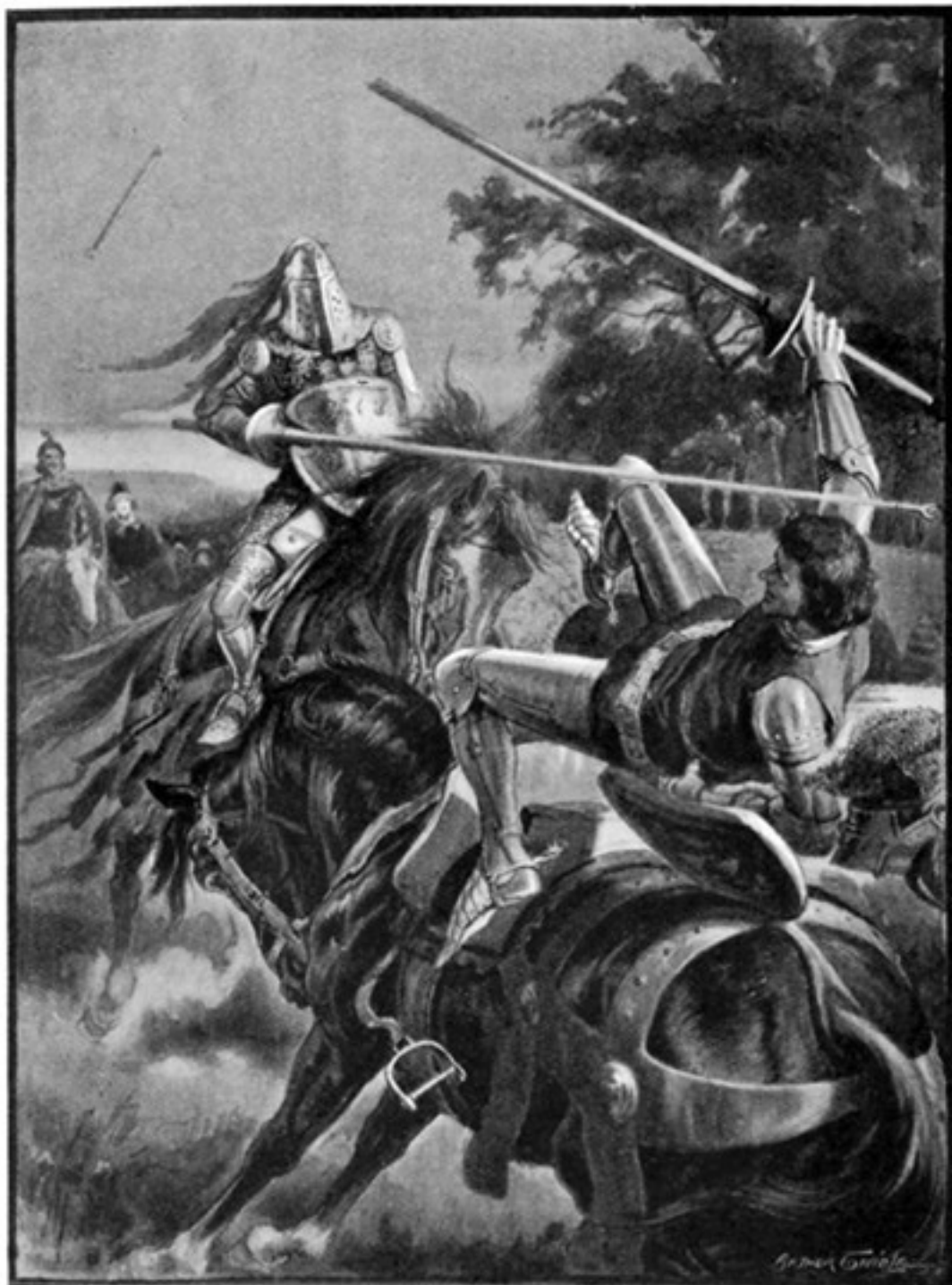
– Быть может, у него просто шея слаба, – предположил король.

– Но зато голос отнюдь не слаб, – возразил принц, когда до их ушей донесся ответ Найджела на слова Чандоса. – Клянусь Пречистой, он гремит, как болотная выпь!

Пока Чандос возвращался к королю, Найджел сменил старое ясеневое копьё, принадлежавшее его отцу, на турнирное с затупленным наконечником, которое ему подал дюжий лучник, исполнявший роль оруженосца. Затем он съехал с моста на луговину длиной шагов в сто. В ту же секунду оруженосец сэра Уолтера Мэнни, наспех снаряженный своими товарищами для поединка, пришпорил коня и занял позицию у дальнего ее конца.

Король поднял руку, пропел рог сокольничего, и два всадника, ударив коней каблуками и встряхнув поводьями, помчались навстречу друг другу. По одну сторону болотистой луговины, где вода брызгала из-под тяжелых копыт, а доспехи двух пригнувшихся к седлу противников вспыхивали в лучах вечернего солнца, неподвижным полукругом замерли всадники, кто в доспехах, кто в бархате, но все поглощенно и молча следящие за началом поединка. Даже собаки, соколы и лошади словно окаменели. По другую ее сторону – горбатый мост, голубоватые воды медлительной реки, толпа разинувших рты крестьян и старый темный господский дом, где в верхнем окне виднелось суровое лицо.

Хорошим бойцом был Джон Уиддикомб, но в этот день противник его оказался еще лучше. Не ему было удержаться в седле против золотого вихря и словно приросшего к нему наездника. Найджел и Бурелет были единым стремительным снарядом, весь их вес, сила и энергия сосредоточились в тупом конце неподвижно уравновешенного копьё. Порази Уиддикомба небесный гром, он не слетел бы на землю более стремительно и далеко. Оруженосец сэра Уолтера Мэнни перевернулся в воздухе, латы его загремели, как кимвалы, и он навзничь растянулся на траве.

Лицо короля было помрачнело, но когда Уиддикомб, пошатываясь, встал на ноги, он одобрительно захолопал.

– Отменный поединок, отменный удар! – воскликнул он. – Как вижу, пять алых роз и в дни мира таковы, какими я видел их в битвах. Что скажешь, мой добрый Уолтер? Пошлешь еще оруженосца или сам откроешь нам путь?

И без того красное лицо Мэнни стало багровым, едва выставленный им боец рухнул на землю. Теперь он знаком подозвал к себе высокого рыцаря, чье худое свирепое лицо выглядывало из-под поднятого забрала легкого шлема, точно орел из клетки.

– Сэр Хьюберт, – сказал Мэнни, – мне вспомнился день, когда под Каном ты сразил французского бойца. Так не согласишься ли ты быть нашим бойцом сегодня?

– Когда я вышел на поединок с французом, Уолтер, – сурово ответил сэр Хьюберт, – оружие наше было боевым. Я воин, и мое дело война, а не шутовские стычки на ристалищах, придуманные для забавы глупых женщин.

– Какая неучтивая речь! – воскликнул король. – Услышь тебя моя любезная супруга, был бы ты вызван на Суд Любви отвечать за свои грехи перед девицами-присяжными. Но прошу тебя, добрый сэр Хьюберт, возьми тупое копьё.

– Светлейший государь, уж лучше взять павлинье перо, но я повинуюсь. Эй, паж, подай мне эту жердину. Посмотрю, как я сумею с ней управиться.

Но сэру Хьюберту было не суждено испытать ни свою сноровку, ни свою удачу. Его могучий гнедой жеребец был столь же непривычен к турнирным поединкам, как и его господин, но уступал ему в спокойствии и мужестве. Когда он увидел нацеленное копьё, сверкающие доспехи и яростно ринувшегося на него золотого коня, то отпрянул в сторону, повернулся и помчался вдоль реки галопом. Крестьяне покатывались от хохота на своем берегу, королевская свита на своем, а сэр Хьюберт тщетно пытался осадить гнедого, который летел вперед, перемахивая через кусты дрока и заросли вереска, пока вместе со своим господином не превратился в неясное пятно на темном склоне холма. Найджел едва увидел, что его противник не готов его встретить, натянул поводья так, что Бурелет присел на задние ноги, затем отсалютовал копьём и вернулся к мосту.

– Прекрасные дамы сказали бы, что наш добрый сэр Хьюберт был наказан за свои нечестивые речи, – заметил король.

– Будем надеяться, что он вышколит своего жеребца до того, как ему придется вновь выехать на поединок между двумя армиями, – сказал принц. – Не то они примут каприз коня за трусость всадника. Смотрите, как он скачет, одним прыжком переносясь через все кусты на своем пути.

– Клянусь святым крестом! – произнес король. – Если отважный Хьюберт и не добавил себе славы турнирного бойца, зато показал, какой он искусный наездник. Однако мост все еще закрыт для нас, Уолтер. Что скажешь теперь? Так этот юный сквайр и останется в седле или же твой король сам должен будет взять копьё наперевес, чтобы открыть себе путь? Клянусь головой святого Томаса! Я не прочь помериться силами с этим молодцом.

– Нет-нет, государь! – воскликнул Мэнни, гневно взглянув на неподвижного защитника моста. – Ему уже оказано слишком много чести. Этот зеленый юнец и без того задерет свой глупый нос, раз теперь может похвастаться, что за один вечер вышиб из седла моего оруженосца и увидел спину одного из храбрейших рыцарей Англии. Подай мне копьё, Роберт! Посмотрим, как с ним справлюсь я!

Знаменитый рыцарь взял поданное ему копьё, как искусный ремесленник берет в руки инструмент: взвесил его на руке, раза два взмахнул им в воздухе, осмотрел, нет ли какой-нибудь изъяна в древке, и, наконец определив его вес и центр тяжести, аккуратно положил на опорный крюк, приделанный к латам сбоку под рукой. Затем, крепко взяв поводья, чтобы лошадь слушалась каждого их движения, закрылся щитом, висевшим у него на шее, и двинулся к мосту.

Найджел, молодой, неопытный Найджел, никакая милость природы не поможет тебе противостать искусству и силе такого воина! Настанет день, когда ни Мэнни, ни даже Чандос уже не смогут вышибить тебя из седла, но в этот вечер, будь даже на тебе более удобные доспехи, своей участи ты не избежал бы. Твое падение близко, но когда ты увидел три черные прославленные стропила на золотом поле, твое мужественное, не знавшее страха сердце преисполнилось только радости и изумления перед такой несказанной честью. Твое падение близко, но и в самых страшных твоих снах тебе не могло привидеться, каким оно окажется!

Вновь, глухо стуча копытами по мягкой земле, кони несутся галопом навстречу друг другу. Вновь всадники сталкиваются под лязг металла, но теперь через круп своего коня на траву, гремя доспехами, падает Найджел, пораженный тупым концом копья в самый центр забрала.

Боже великий, что это? Мэнни в ужасе вскидывает руки, копьё выпадает из его ослабевших пальцев. Со всех сторон с испуганными восклицаниями, воплями, проклятиями, призывами к святым туда скачут всадники. Когда еще дружеский поединок завершался столь страшно, столь внезапно, столь непоправимо? Нет, это обман зрения! Какие-то колдовские чары отвели им глаза. Но, увы, все они ясно видят распростертое на траве туловище злополучного защитника моста, а в добром десятке шагов в стороне покоится шлем с его головой!

– Клянусь Пречистой, – крикнул Мэнни, спрыгивая с седла. – Я бы отдал свой последний золотой, лишь бы этого не случилось! Но каким образом? Что это означает? Сюда, сюда, милорд епископ, тут ведь не обошлось без колдовства и дьявола.

Епископ, белый как мел, спешил к неподвижному туловищу и протолкался сквозь сгрудившуюся вокруг толпу пораженных ужасом рыцарей и оруженосцев.

– Боюсь, ни дать ему последнее причастие, ни исповедать его, увы, уже нельзя. Слишком поздно, – произнес он дрожащим голосом. – Злосчастный юноша! Сколь внезапная кончина! *In medio vitae*¹², как сказано в Писании: вот сейчас мы видим его в цвете юности, а в следующий миг голова его отделена от тела... Да помилует меня Бог и все Его святые, да оградят от гибели!

Молитва эта вырвалась из епископских уст с необычной истовостью и силой в ответ на вопль оруженосца, который было поднял шлем с земли и тотчас вновь уронил вне себя от страха.

– Он же пустой! Он же легче перышка! – кричал бедняга.

– Клянусь Богом, это верно! – воскликнул Мэнни, трогая шлем. – В нем ничего нет. Так с чем же я сразился, отче епископ? С существом этого мира или иного?

Для того чтобы вернее обдумать столь сложный вопрос, епископ взобрался в седло.

– Если тут бесчинствует непотребный бес, – сказал он, – мое место возле короля! Несомненно, эта лошадь цвета серы выглядела исчадием ада. Готов поклясться, я видел, как из ее ноздрей било пламя и валил дым. Только такому чудовищу и возить на себе доспехи, которые и скачут, и вступают в бой, а сами внутри пустые.

– Нет, отче епископ, не торопись, – перебил его кто-то из рыцарей. – Может быть, оно и так, как ты говоришь, но только это работа рук человеческих. Когда я был в походе на юге Германии, то видел в Нюрнберге хитрую механическую фигуру, которую изготовил один оружейник, – она и верхом ездила, и мечом махала. Ну и эта...

– Благодарю вас всех за вашу несравненную учтивость, – гулко произнесла распростертая на земле безголовая фигура.

Тут даже бесстрашный Мэнни вспрыгнул в седло. Многие поспешили отъехать от ужасного обрубка подальше, но самые храбрые замешкались.

– Больше же всех, – продолжал голос, – я благодарю благороднейшего рыцаря сэра Уолтера Мэнни за то, что он во всей своей славе снизошел скрестить копьё со смиренным сквайром.

– Клянусь Богом! – заметил Мэнни. – Если это дьявол, так изъясняется он весьма учтиво. Сейчас я его вытащу на свет, пусть он хоть молнией меня поразит!

С этими словами рыцарь снова спрыгнул с коня и, засунув руку в отверстие бармицы, крепко ухватил Найджела за кудри. Тот охнул, и Мэнни окончательно убедился, что имеет дело с человеком. В тот же миг его взгляд упал на прорезь в нагруднике, позволявшую юноше

¹² В расцвете жизни (*лат.*).

видеть все, что делалось снаружи, и он разразился басистым хохотом. Король, принц и Чандос, которые наблюдали эту сцену издали с таким удовольствием, что не пожелали ни вмешаться, ни объяснить, теперь, когда все вышло наружу, подъехали к поверженному бойцу, совсем ослабев от смеха.

– Высвободите его, – сказал король, прижимая ладонь к боку. – Расстегните латы и высвободите его! Я не раз скрещивал копья в поединках, но никогда еще не был так близок к тому, чтобы свалиться с седла, хотя только любовался со стороны. Но я опасался, что он лишился чувств, ведь он даже не пошевелился!

Падение действительно ошеломило Найджела, но так как он не знал, что остался без шлема, то и не мог понять, почему оно сначала вызвало такой ужас, а потом такой смех. Теперь, когда с него сняли непомерно большой панцирь, в котором он был замкнут, как горошина в стручке, молодой сквайр стоял, жмурясь от яркого света, весь красный от стыда, что хитрость, на которую его толкнула нищета, открылась всем этим хохочущим придворным. Но тут ему на помощь пришел король.

– Ты доказал, что умеешь пользоваться оружием своего отца, – сказал он, – и доказал, что достоин и его имени, и герба, ибо в тебе жив доблестный дух, прославивший его. Но думается мне, ты, как и он, не допустишь, чтобы голодные люди томились у твоих дверей, а потому

прошу: проводи нас в твой дом, и если трапеза будет не хуже этой благодарственной молитвы перед ней, значит нас ждет великолепный пир.

Глава X

Как король приветствовал сенешаля своего верного города Кале

Никакие хлопоты престарелой леди Эрминтруды не смогли бы поддержать честь тилфордского господского дома, если бы под его кровом расположилась вся королевская свита – и маршал двора, и старший конюший, и юстициарий, и спальник, и телохранители. Но предусмотрительность и тактичность Чандоса помогли предотвратить это бедствие: одни члены свиты разместились в аббатстве, другие отправились дальше в Фарнемский замок, чтобы воспользоваться гостеприимством сэра Фиц-Алана. Гости же Лорингов были только сам король, принц Мэнни, Чандос, сэр Хьюберт де Бург, епископ и еще двое-трое.

Но как ни мало было это общество, как ни скромн старь дом, король ни на йоту не пожертвовал обычной своей страстью к пышности, церемониалу и ярким краскам. С багажных мулов были сняты вьюки, всюду сновали слуги, в опочивальнях исходили паром лохани для мытья, развевались шелка и атлас, блестели и позвякивали золотые цепи, и когда под пение труб двух придворных трубачей общество разместилось за столом, можно было смело сказать, что никогда еще почернелые потолочные балки не видели столь яркого, поистине волшебного зрелища.

После того как за шесть лет до описываемых событий в Англию со всех концов христианского мира съехались, блистая роскошью, чужеземные рыцари, чтобы принять участие в празднествах, устроенных в честь постройки виндзорской Круглой башни, и испытать свое счастье и ловкость на турнире, английская манера одеваться претерпела решительную перемену. Привычные верхняя и нижняя туники показались слишком простыми и убогими в сравнении с новой модой, и теперь вокруг короля пламенели красками, сверкали драгоценностями котарди, пурпуаны, блио, сюрко, упелянды, табары и прочие великолепные одежды, двухцветные или затканые узорами, с вышитой каймой, меховой опушкой или разнообразными фестонами по краям. Сам он в черном бархате и золоте был темным, но блистающим центром всего этого великолепия. По правую его руку сидел принц, по левую епископ, леди же Эрминтруда командовала слугами за дверьми, бдительно следя, чтобы кушанья и напитки подавались на стол в нужную минуту, подбодряла уставших, придавала новые силы ослабевшим, поторапливала замешкавшихся, расчетливо пускала в ход свои резервы, и стук ее дубовой клюки тотчас раздавался там, где возникала какая-нибудь заминка.

Позади короля, одетый в свой лучший, но такой жалкий среди этого блеска костюм, стоял Найджел и, хотя все тело у него болело, и особенно растянутое колено, сам прислуживал своим

августейшим гостям, которые через плечо осыпали его веселыми шутками, все еще посмеиваясь над приключением на мосту.

– Клянусь святым крестом! – сказал король Эдуард, откидываясь с куриной косточкой, изящно зажатой в «учтивых» пальцах левой руки. – Спектакль был слишком хорош для деревенской сцены. Ты должен поехать со мной в Виндзор, Найджел, вместе с гигантскими доспехами, твоим тайником. Там ты выедешь на ристалище, оглядывая его из середины панциря, и непременно останешься цел и невредим, разве что кто-нибудь рассечет тебя одним ударом от шлема до седла! Никогда еще я не видел такого маленького ядрышка в такой большой скорлупе!

Принц обернулся со смехом в глазах, увидел по красному, пристыженному лицу Найджела, как ему тяжка его бедность, и вступился за него.

– Нет, – сказал он ласково, – такой мастер заслуживает инструментов получше.

– И его господин должен позаботиться, чтобы он их получил, – добавил король. – Придворный оружейник постарается, Найджел, чтобы в следующий раз, когда с тебя соьбют шлем, твоя голова осталась в нем.

Найджел, багровый до корней льняных волос, пробормотал слова благодарности.

Однако Джон Чандос придумал кое-что другое и, лукаво посмотрев на короля, сказал:

– Не думаю, государь, что твоя щедрость тут так уж необходима. По старинному рыцарскому закону, когда противники сходятся в поединке и один то ли по своей неуклюжести, то ли по воле случая не отвечает на удар, его доспехи становятся достоянием того, кто сохранил боевую позицию. А посему, сдается мне, сэр Хьюберт де Бург, что отменные миланские латы и шлем бордоской работы, в каких ты приехал в Тилфорд, должны остаться тут, на память нашему молодому хозяину о том, как ты побывал у него в гостях.

Слова эти вызвали всеобщий смех и одобрительные восклицания, к которым не присоединился только сам сэр Хьюберт. Вспыхнув от гнева, он свирепо уставился на злокозненно улыбающегося Чандоса.

– Я же сказал, что в эти глупые игры не играю и ничего об их законах не знаю! – крикнул он. – Но тебе, Джон, коли ты хочешь съехаться со мной в поединке на боевых копьях или мечях, из которого живым выйдет только один, хорошо известно, что искать этой встречи тебе придется недолго.

– Неужто ты желаешь съехаться в поединке, Хьюберт? Не лучше ли тебе прежде спешиться? – ответил Чандос. – Вот тогда, я знаю, мы не увидим твоей спины, как увидели ее нынче. Говори что хочешь, но твой конь тебя предал, и я требую твои доспехи для Найджела Лоринга.

– Язык у тебя слишком длинный, Джон, и мне надоела его глупая болтовня! – отрезал сэр Хьюберт, чьи пшеничные усы на малиновом лице ошетинились. – Раз ты требуешь мои доспехи, так сам пойд и возьми их. Если нынче светит луна, то хоть теперь же, когда уберут со стола.

– Нет, благородные господа! – воскликнул король, переводя улыбающиеся глаза с одного на другого. – Больше об этом ни слова! Наполни-ка свой кубок гасконским, Джон, и ты тоже, Хьюберт. А теперь, прошу вас, выпейте за здоровье друг друга, как добрые и верные товарищи, которые берутся за оружие только в ссорах их короля. Пока для доблестных сердец столько дела за морем, мы не можем поступиться ни тем и ни другим. А что до причины спора, то Джон Чандос был бы прав, если бы речь шла о поединке на турнире, но, по нашему суждению, этот закон неприменим в сем случае: ведь была лишь встреча у дороги без обмена ударами. Но вот доспехи твоего оруженосца, любезный Мэнни, ему, без всякого сомнения, больше не принадлежат.

– Печальное известие для него, государь, – ответил Уолтер Мэнни. – Он человек бедный, и снарядиться на войну ему было нелегко. Но твоя воля будет исполнена, государь. Сквайр Лоринг, зайди ко мне завтра утром, и доспехи Джона Уиддикомба будут тебе вручены.

– С позволения короля, я их ему возвращаю, – запинаясь, сказал Найджел, очень расстроенный. – Уж лучше мне навсегда остаться дома, чем отобрать у достойного человека его единственные доспехи.

– Узнаю дух твоего отца! – воскликнул король. – Клянусь святым крестом, ты мне нравишься, Найджел! Предоставь все мне. Но я дивлюсь, почему Ломбардец, сэр Эймери, все не едет к нам из Виндзора!

Уже не раз после своего прибытия в Тилфорд король Эдуард нетерпеливо осведомлялся, не приехал ли сэр Эймери и нет ли от него известий, а потому теперь сидевшие за столом обменялись недоуменными взглядами. Все они знали Эймери, знаменитого итальянского наемника, недавно назначенного сенешалем Кале, и такой неожиданный и спешный вызов его к королю вполне мог означать начало новой войны с Францией, о чем все воины только и мечтали. Дважды король отворачивался от стола с кубком в руке и прислушивался, не доносится ли снаружи конский топот. На третий раз слух его не обманул: стук копыт и позвякивание сбруи раздавались все ближе, а затем послышались хриплые оклики, на которые тотчас отозвались лучники, поставленные в карауле у дверей.

– Кто-то приехал, государь, – сказал Найджел. – Что ты повелишь?

– Это может быть только Эймери, – ответил король. – Только ему я оставил распоряжение последовать за мной. Пригласи его войти и прими как желанного гостя.

Найджел выдернул горящий факел из скобы и распахнул дверь. Снаружи он увидел полдесятка вооруженных всадников. Один из них уже спешил – невысокий плотный человек со смуглым крысиным лицом и беспокойными карими глазами, которые торопливо заглянули через плечо Найджела в залитую красноватым светом залу.

– Я сэр Эймери из Павии, – шепнул он. – Ответь, заклинаю Богом, король там?

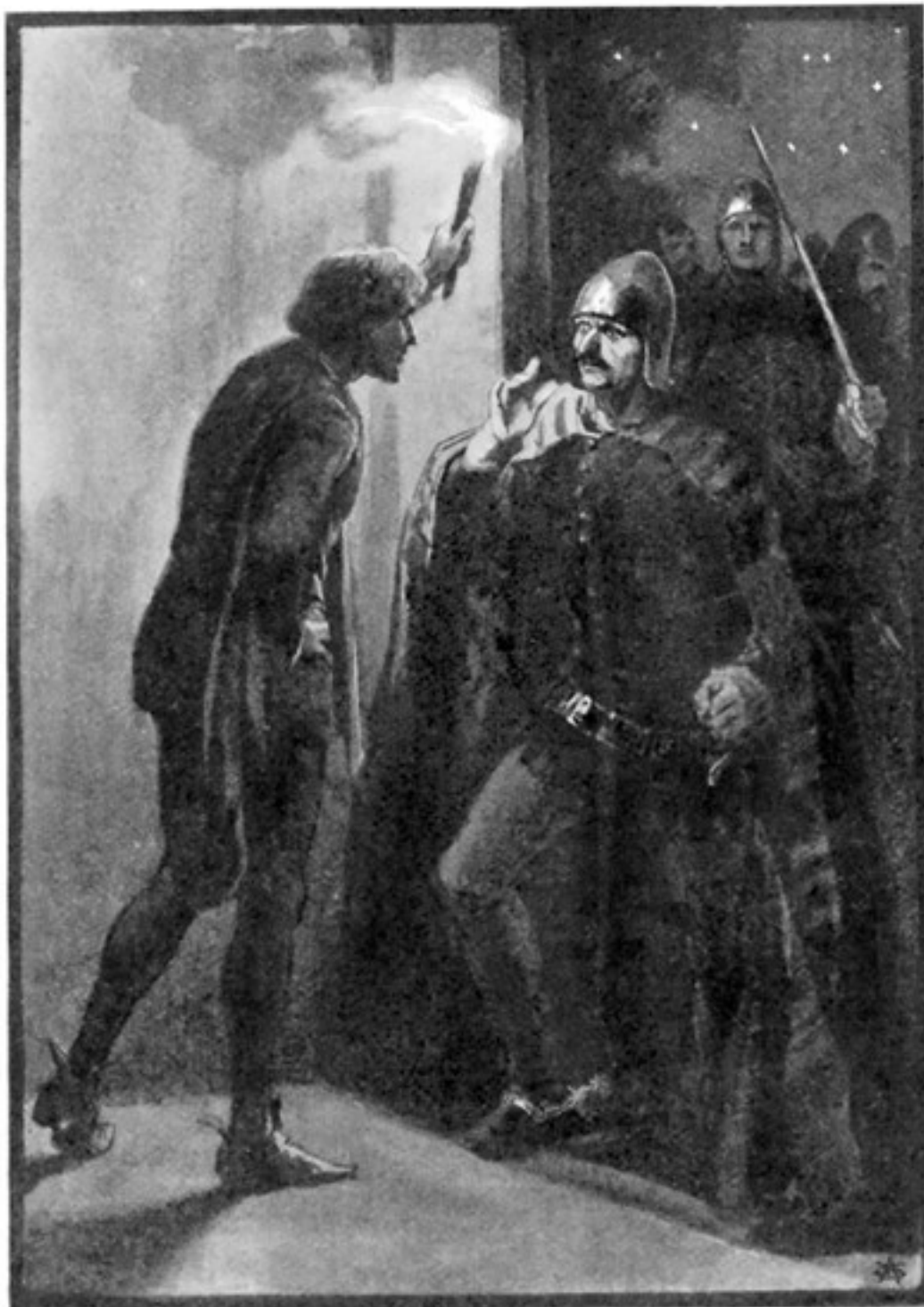
– Он ужинает, благородный сэр, и приглашает тебя войти.

– Чуть-чуть погоди, молодой человек. Секретное словечко тебе на ушко. Ты не знаешь, почему король послал за мной?

И Найджел заметил ужас в темных хитрых глазах, которые поглядывали на него искоса.

– Нет.

– Мне бы узнать... До того, как я явлюсь к нему...

– Тебе стоит лишь переступить порог, благородный сэр, и, без сомнения, ты все узнаешь из уст самого короля.

Сэр Эймери, казалось, собрался с духом, точно перед прыжком в ледяную воду. Потом быстрым шагом вышел из темноты на свет. Король поднялся ему навстречу и протянул руку с улыбкой на длинном красивом лице, но итальянцу почудилось, что улыбаются только губы, но не глаза.

– Добро пожаловать! – воскликнул Эдуард. – Добро пожаловать, наш благородный и верный сенешаль Кале! Входи же и садись за стол напротив меня, ибо я послал за тобой, чтобы

узнать от тебя, что нового за морем, и поблагодарить за то, как ты бережешь город, который дорог мне, словно жена или сын. Поставьте табурет для сэра Эймери вот тут, накормите и напоите его, ведь он нынче проделал тяжелый и долгий путь, исполняя мою волю.

И до конца долгого пира, который сумела приготовить леди Эрминтруда, Эдуард весело беседовал с итальянцем и придворными. Наконец последние блюда были убраны, пропитанные мясным соусом толстые ломти хлеба, служившие тарелками, брошены псам, кувшины с вином пошли вкруговую, и в залу робко вступил старый менестрель Уэтеркот в надежде, что ему будет дозволено развлечь монарха своим искусством, однако Эдуард замыслил другую забаву.

– Прошу тебя, Найджел, отошли слуг, и пусть у каждой двери поставят двух вооруженных стражей, дабы никто не помешал нашей беседе, ибо речь пойдет о тайном деле. Вот теперь, сэр Эймери, эти благородные лорды, как и я, твой господин, будут рады услышать от тебя самого, что деется во Франции.

Лицо итальянца было невозмутимо, но глаза беспокойно оглядывали сидящих за столом.

– Насколько мне ведомо, государь, на французской границе все тихо, – сказал он.

– Так, значит, ты не слышал, что там собираются отряды в намерении нарушить перемирие и посягнуть на наши владения?

– Нет, государь, ничего подобного я не слышал.

– Ты успокоил мою тревогу, Эймери, – сказал король. – Коль никакие дурные вести не достигли твоих ушей, надобно признать пустыми слухи, будто неистовый де Шарньи явился в Сент-Омер, зарясь на мой бесценный алмаз, и уже тянет к нему жадные руки в железных рукавицах.

– Что же, государь, пусть попробует. Он убедится, что алмаз надежно укрыт в своем крепком сундуке и его охраняет бдительный страж.

– Страж моего алмаза – это ты, Эймери.

– Да, государь, я.

– И ты верный страж, коему я могу доверять, не так ли? Ты же не продашь на сторону то, что столь мне дорого, когда из всего моего войска для его охраны я избрал тебя?

– Государь, в чем причина таких вопросов? Они задевают мою честь. Тебе ведомо, что с Кале я расстанусь, лишь расставшись со своей душой.

– Так ты ничего не знаешь о намерении де Шарньи?

– Ничего, государь.

– Лжец и злодей! – загремел король, вскакивая на ноги и ударяя тяжелым кулаком по столу так, что кубки зазвенели. – Взять его, лучники! Взять! Держите его за локти, чтобы он ничего над собой не сотворил. Ты смеешь говорить, глядя мне в лицо, бесчестный Ломбардец, что ничего не знаешь о де Шарньи и его планах?

– Бог мне свидетель, ничего!

Губы итальянца побелели, и говорил он тонким, дрожащим голосом, отводя глаза от грозного взгляда разгневанного короля.

Эдуард горько усмехнулся и достал спрятанную на груди бумагу.

– Вы будете судьями: ты, любезный сын, и ты, Чандос, и ты, Мэнни, и ты, сэр Хьюберт, и ты тоже, милорд епископ. Дарованной мне властью я назначаю вас судьями над этим человеком, ибо, клянусь Божьим Оком, я не выйду из этой залы, пока не разберусь с ним до конца. Сперва я прочту вам это письмо. На нем означено, что посылается оно сэру Эймери из Павии, прозванному Ломбардцем, в замок Кале. Это твое имя и твое прозвище, предатель?

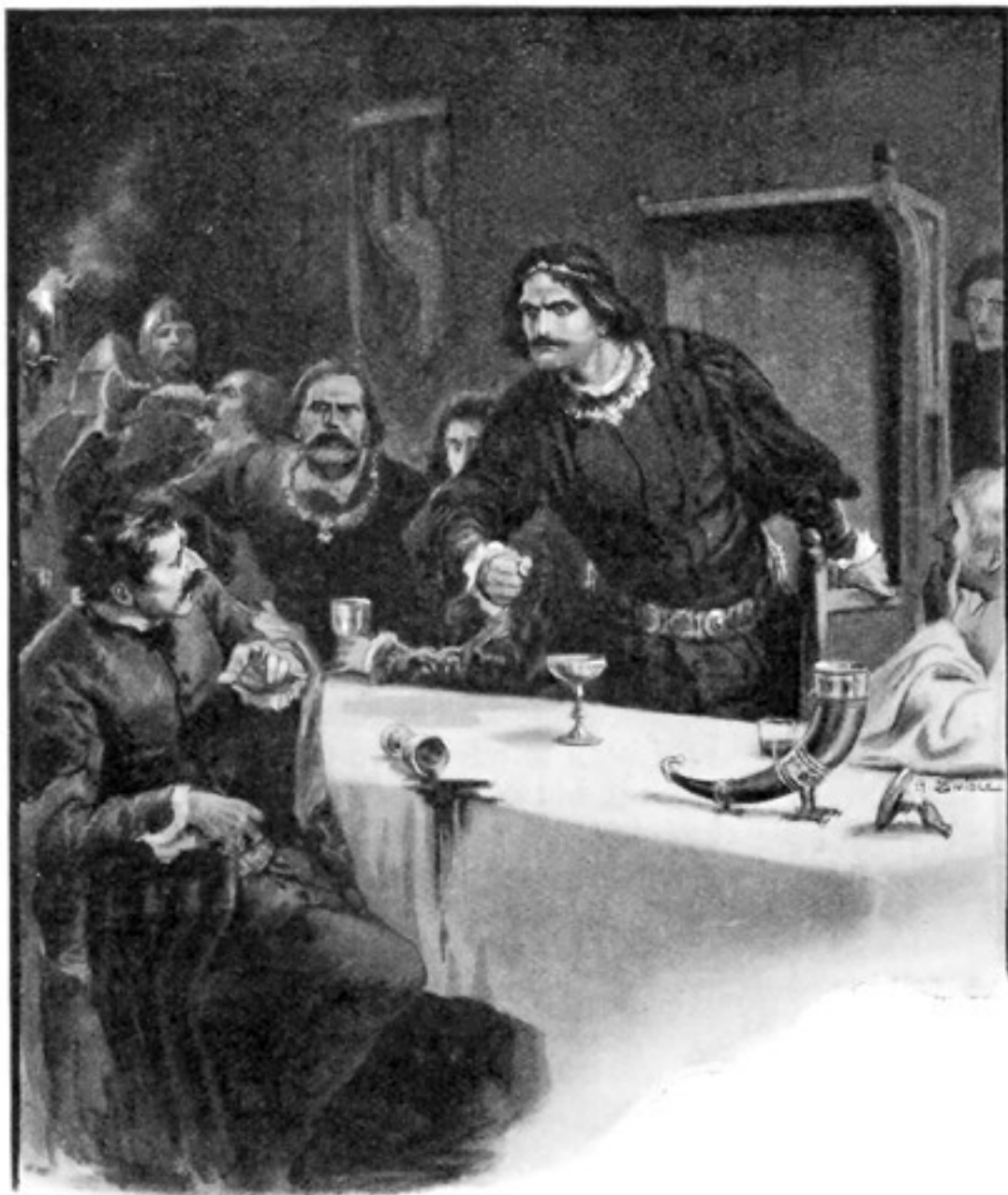
– Мои, государь, но никакого письма я не получал.

– Иначе твое злодейство осталось бы нераскрытым! Подписано оно «Изадор де Шарньи». Так о чем же пишет мой враг де Шарньи моему доверенному слуге? Слушайте! «В прошлое новолуние мы не могли прибыть, ибо не собрали достаточно войска, не успели мы достать и двадцать тысяч золотых монет, назначенную тобой цену. Но когда вновь настанет новолуние,

в самый темный час мы прибудем, и ты получишь свои деньги у потайной калитки, где растет рябина». Ну, предатель, что ты скажешь теперь?

– Письмо подделано! – прохрипел итальянец.

– Прошу, государь, дай его мне, – сказал Чандос. – Де Шарньи был моим пленником и, прежде чем был собран его выкуп, рассылал столько писем, что я хорошо знаю его руку. Да, да, готов поклясться, это писал он. Клянусь спасением моей души, это так.

– Если и правда его написал де Шарньи, то для того лишь, чтобы очернить меня! – крикнул сэр Эймери.

– О нет! – сказал принц. – Мы все знаем де Шарньи, все сражались с ним. Пороков у него предостаточно, он и хвастун, и дерзкий буян, но среди тех, кто следует за лилиями Франции, не найти человека отважнее, более великого сердцем и свято блюдущего рыцарские законы.

Такой человек не способен пасть столь низко и написать лживое письмо в желании очернить другого рыцаря. Я никогда этому не поверю.

Общий ропот остальных подтвердил, что они согласны с принцем. Свет факелов по стенам ложился на суровые лица сидящих за высоким столом. Они хранили каменную неподвижность, и итальянец съежился под взглядом беспощадных глаз. Он быстро обвел взглядом залу, но у всех дверей стояли вооруженные стражи, и тень смерти легла на его душу.

– Это письмо, – сказал король, – де Шарньи вручил некоему отцу Бове, священнику в Сент-Омере, с поручением доставить его в Кале. Но поп почуял награду и отнес его одному моему верному слуге. Вот так оно попало в мои руки. Я тотчас послал приказ этому негодяю явиться ко мне, а поп вернулся в Сент-Омер, чтобы де Шарньи полагал, будто письмо доставлено.

– Я ничего про это не знаю, – упрямо повторил итальянец, облизывая пересохшие губы. Лицо короля почернело от гнева, глаза метали молнии.

– Довольно, клянусь Богом! Будь мы в Тауэре, стоило бы два-три раза повернуть ворот дыбы, и признание было бы исторгнуто из его трусливой душонки. Но к чему нам оно? Вы видели, милорды, вы слышали. Что скажешь ты, любезный сын? Виновен ли сей человек?

– Виновен, государь.

– А ты, Джон? А ты, Уолтер? А ты, Хьюберт? А ты, милорд епископ? Итак, вы все согласны. Он изобличен в измене. Какова же кара?

– Только смерть, – ответил принц, и остальные кивнули.

– Эймери из Павии, ты слышал приговор, – сказал Эдуард, подперев подбородок ладонью и меряя дрожащего итальянца мрачным взглядом. – Сюда, лучник! Ты, чернобородый, у той двери! Обнажи меч! Нет, трусливый предатель, твоя кровь не осквернит этот честный дом. Нам нужны твои пятки, а не голова. Сруби его золотые шпоры, лучник! Их пожаловал ему я, и я беру их обратно. Ха! Они далеко отлетели, и с ними обрублена всякая связь между тобой и рыцарским сословием, знаком и символом которого они служат. А теперь уведите его подальше отсюда в вереска, где самое место такой падали, и отрубите его коварную голову в предупреждение всем, кто замышляет измену!

Итальянец, давно уже упавший на колени, почувствовав у себя на плечах тяжелые руки лучника, испустил вопль отчаяния. Он вырвался и распростерся на полу, цепляясь за сапог короля.

– Пощади меня, великий государь, пощади, молю тебя! Заклинаю тебя страстями Господа нашего Христа, даруй мне прощение! Вспомни, светлейший государь, сколько лет я верно служил под твоим знаменем и сколько услуг оказал! Или не я отыскал брод через Сену за два дня до великой битвы? И разве не я первым взошел на стену, когда мы взяли Кале? У меня в Италии жена и четверо детей, великий король, и только тоска по ним заставила меня нарушить долг. С такими деньгами я мог бы оставить военную службу и увидеться с ними. Помилуй меня, государь, я взываю к твоему милосердию!

Англичане суровый народ, но не жестокий. Лицо короля оставалось неумолимым, но прочие отводили глаза и ерзали на табуретах.

– Великий король, – сказал Чандос, – молю, умерь свой гнев.

Эдуард сердито качнул головой:

– Замолчи, Джон! Будет так, как я сказал.

– Прошу тебя, мой любимый и мудрый государь, не спеши, – сказал Мэнни. – Прикажи связать его и погоди до утра. Быть может, тогда ты взглянешь на дело по-иному.

– Нет. Приговор произнесен. Уведите его!

Но трепещущий итальянец обнял колени короля с такой силой, что лучники не сумели разомкнуть его сведенных судорогой рук.

– Молю, выслушай меня! Даруй мне только минуту! Выслушай, а потом делай со мной что хочешь.

Король откинулся на спинку кресла:

– Говори, и кончим на этом.

– Ты должен пощадить меня, преславный государь! Ради самого себя должен, ибо я могу предложить твоему величеству рыцарское деяние, которое обрадует твое сердце. Вспомни, де Шарньи и его товарищи не знают, что их планы открыты. Стоит мне послать им весть, они явятся к калитке. А тогда, если устроить искусную засаду, мы возьмем их в плен, и выкуп за них пополнит твою казну. Ведь он и его товарищи стоят добрых сто тысяч золотых.

Эдуард отшвырнул итальянца ногой с такой силой, что тот отлетел на несколько шагов и растянулся на камыше. Но, извиваясь точно раненая змея, он не спускал с короля темных глаз.

– Двойной предатель! Ты готов был продать Кале де Шарньи, а теперь готов продать де Шарньи мне? Как ты дерзнул подумать, что я, да и любой благородный рыцарь, наделен душонкой торгаша и помышляю о выкупах, когда можно заслужить славу? Неужто я способен пасть столь низко, что поступлю бесчестно и по-воровски? Ты подтвердил свой приговор. Уведите его!

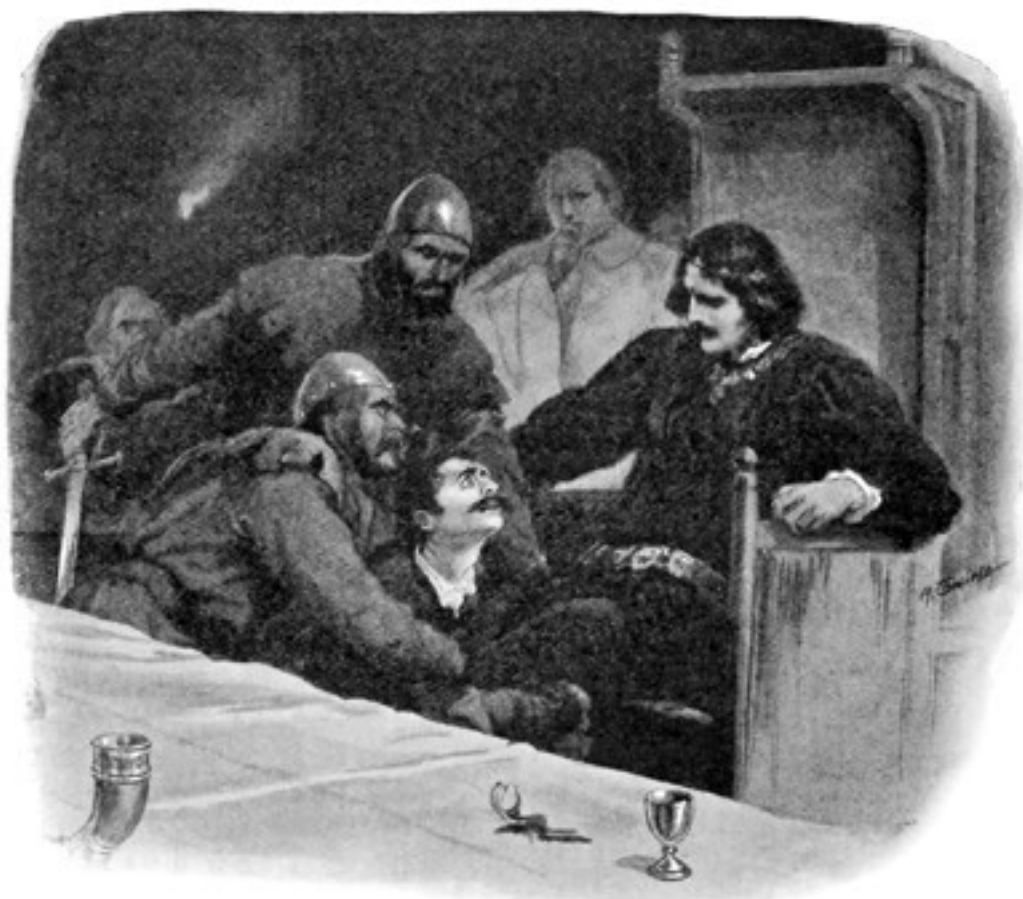
– Прошу тебя, мой высокочтимый и возлюбленный государь! – воскликнул принц. – Умерь на миг свой гнев. Его совет, пожалуй, заслуживает размышления. Он возмутил твою благородную душу болтовней о выкупах. Но, прошу, взгляни на это дело как на дело чести. Можно ли найти случай более славно обрести славу? Молю тебя поручить его мне, ибо, если верно за него взяться, оно сулит великую честь.

Эдуард обратил на юношу сияющие глаза.

– Ни одна гончая не ищет так усердно след раненого оленя, как ты, мой сын, ищешь подвигов, – сказал он. – И что же ты задумал?

– Де Шарньи и его отряд стоят того, чтобы искать с ними встречи. Уж конечно, он соберет под свое знамя весь цвет французского рыцарства. Если мы примем совет этого человека и будем ждать его с таким же числом копий, то во всем христианском мире не найдется места, на какое в ту ночь я согласился бы променять Кале!

– Клянусь святым крестом, любезный сын, ты прав! – воскликнул король, чье лицо просветлело при этой мысли. – Так кто же из вас, Джон Чандос и Мэнни, возьмет на себя это дело? – Он лукаво переводил взгляд с одного на другого, словно хозяин, покачивающий для забавы кость между двумя старыми свирепыми псами. Ответом ему были только их запыхавшие жадной надеждой взгляды. – Нет, Джон, не обессудь, но теперь черед Уолтера, и отказать ему я не могу.

– Но почему бы нам всем не отправиться под твоим знаменем, государь, или под знаменем принца?

– Не подобает поднимать королевские знамена Англии по такому малому поводу. Но если в твоём отряде отыщется место еще для двух рыцарей, мы с принцем будем в ту ночь с тобой.

Принц нагнулся и поцеловал отцовскую руку.

– Забери этого человека, Уолтер, и поступи с ним, как рассудишь. Но охраняй его хорошенько, чтобы ему не удалось предать нас еще раз. И убери его долой с моих глаз, чтобы он больше не отравлял тут воздуха своим дыханием. А теперь, Найджел, если твой седобородый менестрель хочет побряцать на своей арфе или спеть нам... Но, во имя Господа, чего хочешь ты?

Обернувшись, он увидел, что юный хозяин дома опустился на одно колено и умоляюще склонил льяную голову.

– Милости, государь!

– Так мне и не знать нынче покоя? Передо мной стоит на коленях изменник, за спиной – честный человек. Ну говори, Найджел. Чего ты хочешь?

– Отправиться с вами в Кале.

– Клянусь святым крестом! Просьба твоя справедлива, ведь замысел наш сложился под твоей крышей. Что скажешь, Уолтер? Берешь его вместе с доспехами? – спросил король Эдуард.

– Лучше скажи, возьмешь ли ты меня? – осведомился Чандос. – Мы соперники на поле брани, Уолтер, но, сдастся мне, отказа я от тебя не услышу.

– Нет, Джон. Я буду горд иметь под своим знаменем лучшее копьё христианского мира.

– Как и я буду горд следовать за таким славным знаменем. Но Найджел Лоринг мой оруженосец и потому отправится за море с нами.

– Итак, все решено, – сказал король, – спешить некуда. Ведь до следующего новолуния еще далеко. А потому прошу вас вновь пустить кувшин круговую и вместе со мной выпить за славных рыцарей Франции. Пусть будут они полны доблести и жажды славы, когда мы встретимся с ними под стенами замка Кале!

Глава XI

В доме рыцаря Дупплина

Король приехал и уехал. Вновь господский дом в Тилфорде стоял темный и безмолвный, но внутри царил радость. За одну ночь всем бедам пришел конец, точно отдернули черный занавес, закрывавший солнце. Казначей короля прислал весьма значительную сумму денег – подарок поистине княжеский и не допускавший отказа. Найджел вновь отправился в Гилфорд, приторочив к седлу сумку с золотыми монетами, и на дороге не нашлось бы ни единого нищего, который не осыпал бы его благословениями.

В городе он сразу навестил лавку золотых дел мастера, выкупил кубок, поднос и браслет и вместе с хозяином посетовал на коварную шутку, которую сыграла с ним судьба: за протекшую неделю золото и золотые изделия заметно подорожали по причинам, понятным лишь золотых дел мастерам, и ему придется уплатить на пятьдесят золотых монет больше, чем он выручил за них. Тщетно верный Эйлвард бесился, ворчал и даже вознес молитву о том, чтобы настал день, когда ему ниспослано будет пронзить стрелой жирное брюхо купца. Уплатить деньги все равно пришлось.

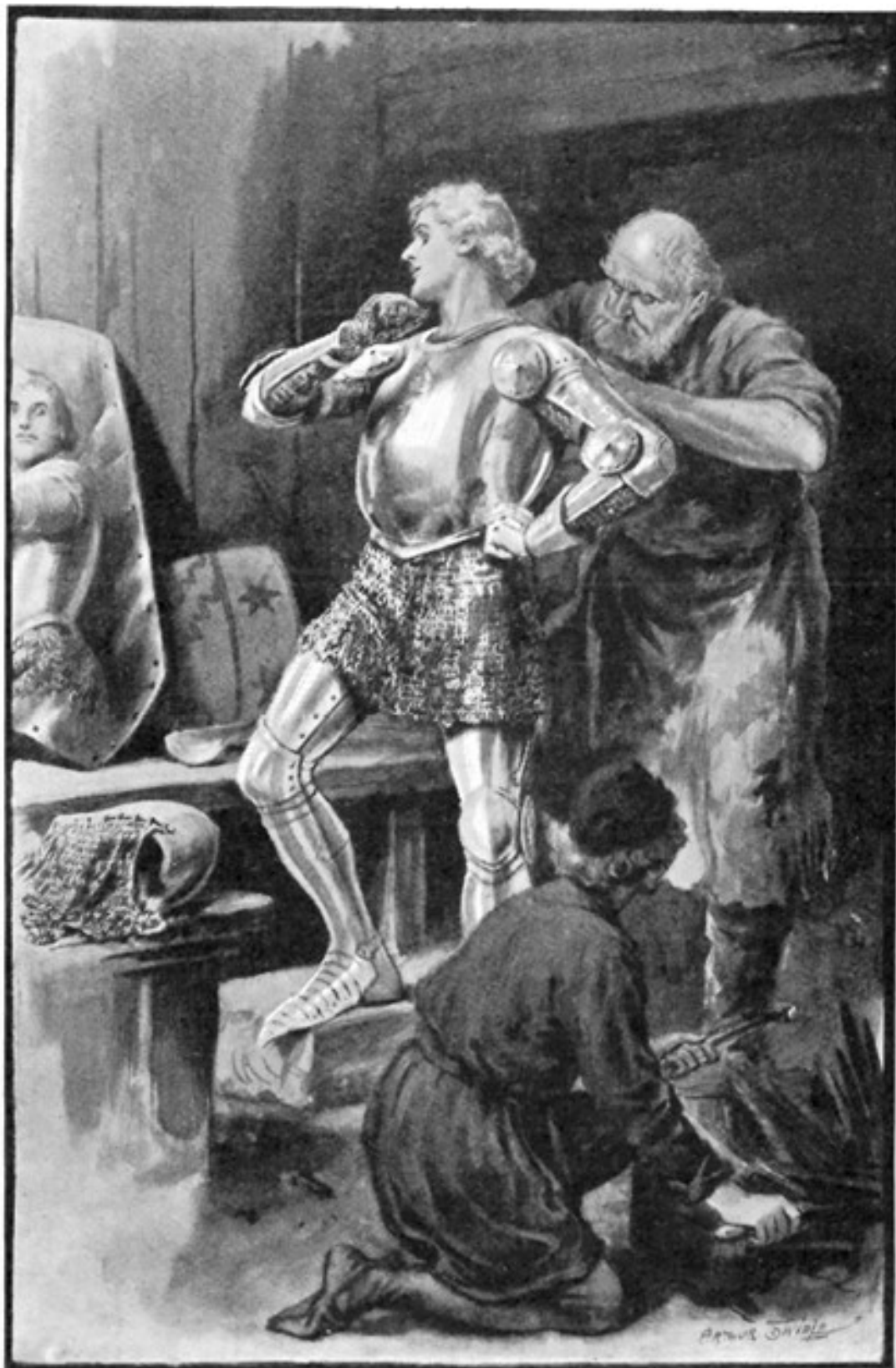
Оттуда Найджел поспешил к Уоту и купил те самые доспехи, на которые с такой тоской смотрел в прошлый раз. Он тут же примерил их. Уот и его подмастерье обходили его со всех сторон, затягивая винты и застегивая застегки.

– Ну как, благородный сэръ? – воскликнул оружейник, надевая ему на голову шлем и пристегивая его к бармице. – Клянусь Тувалкаином, броня эта облегает тебя, как панцирь краба. Доспехов лучше не найти ни в Италии, ни в Испании!

Найджел встал перед полированным щитом, служившим зеркалом, и начал поворачиваться так и сяк, прихорашиваясь, точно серебряная птичка-невеличка. Он не мог налюбоваться на гладкий нагрудник, на удивительные шарниры, на прикрывающие их наколенники и налокотники, на чудесные гибкие рукавицы и поножи, на кольчугу и плотно прилегающие к ней щитки. Он попрыгал, доказывая, что доспехи ему нисколько не тяжелы, а потом выбежал из мастерской, оперся о седло и вскочил на спину Бурелета под рукоплескания Уота и подмастерья.

Затем спрыгнул на землю, вбежал в мастерскую, лягнув, бросился на колени перед образом Пречистой на стене и вознес горячую молитву, прося, чтобы ничто не омрачило и не запятнало его душу и честь, пока он будет носить эту броню, и чтобы ему были дарованы сила и крепость послужить в них великим и праведным целям. Казалось бы, странное обращение к религии, проповедывающей мир, но много веков меч и вера поддерживали друг друга, и в самые темные времена идеальный воин смутно стремился к свету. «*Benedictus dominus Deus Meus, qui docet manus meas ad proelium, et digitos meos ad bellum!*»¹³ В словах этих – душа истинного рыцаря.

¹³ Благословен Господь Бог мой, сотворивший руку мою для битв и пальцы мои для войны (*лат.*).

Затем доспехи навьючили на мула оружейника и отвезли в Тилфорд, где Найджел вновь облачился в них, чтобы показать их леди Эрминтруде, которая хлопала морщинистыми руками и пролиwała слезы горести и радости – горести, потому что расставалась с ним, радости, потому

что он отправляется на войну столь достойно снаряженным. О себе самой ей не надо было тревожиться: Тилфордское поместье поручалось заботам надежного управителя, а ее ждали комнаты в королевском замке Виндзор, где ей предстояло коротать закат своих дней в обществе других почтенных дам, ее ровесниц столь же благородной крови, обсуждая с ними давно позабытые скандалы и шепотом обмениваясь пикантными сплетнями о дедах и бабках молодых придворных. Найджел мог с легким сердцем оставить ее там, когда настанет время отправляться во Францию.

Однако прежде чем Найджел покинул вересковые пустоши, среди которых прожил всю жизнь, ему предстояла поездка к соседям и еще одно прощание. В тот же вечер он облекся в самую нарядную свою тунику – из темно-лилового гонуэзского бархата и отороченную горностаем, перепоясался поясом с серебряной чеканкой и надел фетровую шляпу с белоснежным пером, изящно обвивавшим тулью. Верхом на благородном Бурелете, с соколом на запястье и мечом на боку он мог бы потягаться с любым молодым сквайром, когда-либо отправлявшимся в гости с таким намерением, но никто не превзошел бы его скромностью. Прощаться он ехал со старым Рыцарем Дупплина, но у Рыцаря Дупплина были две дочери, Эдит и Мэри, а Эдит слыла первой красавицей верескового края.

Сэр Джон Баттесторн был прозван Рыцарем Дупплина, потому что ему довелось быть участником этой удивительной битвы, когда за восемнадцать лет до описываемых событий мощь Шотландии на время сокрушила горстка искателей приключений и наемников, которые воевали не под чьим-то знаменем, а сами за себя. Их победу история замалчивает, так как ни у одной страны нет причин ее воспевать, однако в те времена слава о ней прокатилась далеко, ибо в тот день, когда цвет шотландского воинства пал на роковом поле, тогдашний мир впервые узнал, что появилась новая военная сила и что с английскими лучниками, стойкими и мужественными, искусно владеющими своим оружием, чему научились еще в детстве, должны серьезно считаться и закованные в броню рыцари.

Сэр Джон, вернувшись из Шотландии, стал начальником королевской охоты, так как славился по всей стране глубокими познаниями в этой области. Но под конец, отяжелев настолько, что лошади с трудом выдерживали его вес, он поселился в скромном уюте старого косфордского господского дома на восточном склоне Хайндхедского холма. Там, пока его лицо становилось все краснее, а борода все белее, он проводил закат жизни среди соколов и охотничьих псов. Подле него всегда стоял кувшин вина со специями, а его вытянутая распухшая нога покоилась на скамеечке. Старые товарищи, направляясь по ухабистой дороге из Лондона в Портсмут, непременно заезжали по пути в Косфорд, и там же его молодые соседи собирались послушать рассказы толстого рыцаря о бывших войнах или набраться наставлений о тонкостях охоты и повадках разных зверей, которых никто не знал лучше его.

Однако, сказать правду, что бы там ни думал старый рыцарь, молодежь в Косфорд манили не только его старые истории и даже еще более старое вино, но куда больше – прелестное личико его младшей дочери или же сильный характер и умные советы старшей.

Эдит, золотая, как спелая рожь, синеглазая, обворожительная, шаловливая, веселая болтушка, дарила одинаковыми улыбками десяток пылких поклонников во главе с Найджелом Лорингом. Точно котенок, она играла со всем, что попадало ей в лапки, и кое-кто считал, что в их бархатном прикосновении все чаще дают о себе знать острые коготки.

Мэри была темна как ночь, с серьезным, почти некрасивым лицом и внимательными глазами, которые твердо взирали на мир из-под крутых арок черных бровей. Никто бы не назвал ее даже миловидной, а когда ее прелестная сестра, прильнув к ней, прижималась щекой к ее щеке – обычная ее манера в присутствии посторонних, красота одной и невзрачность другой становились совсем уж очевидными благодаря беспощадному контрасту. И все же находились порой и такие, кто, глядя на ее неординарное волевое лицо, замечая огонь, порой мерцавший в глубине ее темных глаз, вдруг чувствовал, что эта молчаливая девушка с гордой осанкой и

царственной грацией обладает силой, достоинством и таинственностью, которые стоят дороже изящной прелести младшей сестры.

Вот какими были молодые обитательницы Косфорда, куда направил в этот вечер свой путь Найджел Лоринг, надев тунику из гемуэзского бархата и приладив к шляпе новое перо.

На Терслейской гряде он обогнул камень, обозначавший место, где в давние времена язычники-саксы приносили жертвы Тору, своему богу войны. Найджел поглядел на него с опаской и прищпорил Бурелета, потому что, по слухам, в безлунные ночи вокруг камня полыхали призрачные костры, и уши, особенно чуткие, различали в свисте ветра вопли и рыдания тех, кого предавали жестокой смерти, дабы почтить адского демона. Камень Тора, Прыжок Тора, Чаша Тора – весь край был одним угрюмым памятником богу битв, хотя благочестивые монахи и заменили его имя на имя Дьявола, отца его, и называли эти места Прыжком Дьявола и Чашей Дьявола. Найджел оглянулся через плечо на серую глыбу, и по его спине пробежала дрожь, а храброе сердце сжалось. Была ли причиной вечерняя прохлада или внутренний голос шепнул ему, что в старые времена и он бы мог лежать связанный на таком камне, а вокруг бесновались бы забрызганные кровью язычники?

Мгновение спустя и зловещий камень, и смутный страх, и все остальное было забыто, потому что на желтой песчаной тропе в блеске золотых волос, озаренных заходящим солнцем, гибко покачиваясь в седле в такт движениям лошади, идущей рысью, показалась та самая прекрасная Эдит, чье лицо так часто мешало ему уснуть. Жаркая кровь прилила к его щекам – хоть сердце его не знало, что такое страх, нежная тайна женственности не только манила его, но и пугала. Его чистая рыцарственная душа возносила на пьедестал не только Эдит, а и всех женщин, приписывая им тысячи непостижимых достоинств и добродетелей, поднимавших их над грубым миром мужчин на недостижимую высоту. Общество их дарило радость, но вместе с тем вызывало страх – страх, что его неотесанность, слишком грубый язык и неуклюжесть оскорбят столь хрупкое и утонченное создание. Вот о чем он думал, пока белая лошадь приближалась к нему. Однако мгновение спустя его смутные опасения развеял веселый голос девушки, приветливо помахавшей ему рукой, сжимавшей хлыст.

– Мой привет тебе, Найджел! Как здравствуешь? И куда же ты едешь в вечерний час? Уж конечно, не к своим друзьям в Косфорд! Когда же это ты надевал такой наряд ради нас? Назови же мне ее имя, Найджел, чтобы я знала, кого мне возненавидеть на всю жизнь!

– Ты ошиблась, Эдит, – сказал молодой сквайр, отвечая смехом на смех красавицы. – Еду я в Косфорд.

– Ну так и я с тобой. Мне пора назад. Как, по-твоему, я выгляжу?

Ответом Найджела был восторженный взгляд, которым он обвел очаровательное разрумянившееся личико, золотые волосы, ясные глаза и изящную, стройную фигурку в черно-алом платье для верховой езды.

– Ты прекрасна, как всегда, Эдит.

– Ах, какие холодные слова! Видно, Найджел, тебя учили беседовать с монахами, а не с девицами. Задай я такой вопрос сэру Джорджу Брокасу или сквайру Фернхерсту, они бы восхваляли мою красу до самого Косфорда. Оба они мне больше по вкусу, чем ты, Найджел.

– Тем хуже для меня, Эдит, – печально ответил Найджел.

– Но не изгоняй надежду из сердца.

– Так ведь сердце мое принадлежит не мне, ты же знаешь, – ответил он.

– Уже лучше! – воскликнула она, рассмеявшись. – Когда ты хочешь, то становишься находчивым, сэр Бука! Впрочем, тебе больше нравится беседовать о всяких высоких и скучных материях с моей сестрицей. Ей вот не по сердцу шутки и любезности сэра Джорджа, а мне он нравится. Но объясни, Найджел, почему ты нынче собрался в Косфорд?

– Попрошаться с тобой.

– Со мной одной?

– Нет, Эдит, и с тобой, и с твоей сестрой Мэри, и со славным рыцарем, твоим батюшкой.

– А вот сэр Джордж сказал бы, что со мной одной! Да, тут ты с ним ни в какое сравнение не идешь. Так, значит, это правда, Найджел, что ты отправляешься во Францию?

– Да, Эдит.

– Слухи об этом пошли, едва король уехал из Тилфорда. Говорят, король собрался во Францию и взял тебя в свою свиту. Это правда?

– Да, Эдит.

– Ну так скажи, куда ты едешь и когда?

– Увы, Эдит, на твой вопрос ответить я не могу.

– Ах так! – Она встряхнула золотой головкой и умолкла, крепко сжав губы и сердито глядя прямо перед собой.

Найджел посмотрел на нее с удивлением и горестью.

– Право же, Эдит, – сказал он наконец, – если ты уважаешь мою честь, то не можешь желать, чтобы я нарушил данное мной слово?

– Твоя честь – это твое дело, а кто мне нравится или нет – мое, – ответила она. – Можешь ею не поступаться, но и я не поступлюсь.

Они молча проехали деревню Терсли. Но тут в голову красавицы пришла новая мысль, и, забыв про свой гнев, она завела речь совсем о другом.

– Что бы ты сделал, Найджел, если бы меня оскорбили? Я слышала, как батюшка говорил, что ты хоть ростом и не вышел, но возьмешь верх над любым в здешних местах. Так будешь ты моим защитником, если он мне понадобится?

– Разумеется, и я, и всякий благородный человек предложит себя в защитники обиженной или оскорбленной женщины.

– Ты или кто угодно другой, я или любая другая, – что это за речи? По-твоему, очень лестно, если тебя смешивают со всеми? Я говорила только о тебе и о себе. Если мне нанесут обиду, будешь ты моим защитником?

– Испытай меня, Эдит, и увидишь.

– Я так и сделаю, Найджел. Сэр Джордж Брокас и сквайр Фернхерст с радостью исполнили бы мою просьбу, и все же, Найджел, я обращусь за помощью к тебе.

– Так скажи же, прошу, в чем дело.

– Ты знаешь Поля де ла Фосса из Шалфорда?

– Коротышку с кривой спиной?

– Ростом он не ниже тебя, Найджел, а что до спины, то многие и многие были бы рады иметь лицо, как у него.

– Тут я не судья и ничего дурного о нем сказать не хотел. Но почему ты заговорила о нем?

– Он надсмеялся надо мной, Найджел, и я хочу отомстить.

– Как! Жалкому горбуну?

– Но говорю же тебе, он надсмеялся надо мной.

– Каким образом?

– По-моему, истинно благородный человек бросился бы мне на помощь без всяких вопросов. Но хорошо, придется мне рассказать. Узнай же, он был среди тех, что окружали меня и клялись, что принадлежат мне телом и душой. А потом, вообразив, будто другие нравятся

мне не меньше его, он по этой лишь причине оставил меня, а теперь обхаживает Мод Гвинхем, веснушчатую негодяйку в его деревне.

– Но почему тебя это задевает, раз он не был твоим женихом?

– Он же клялся, что принадлежит мне, ведь так? И он высмеивал меня своей девке. Он наговаривал ей на меня. Выставил дурочкой в ее глазах. Я ведь читаю это в ее пятнистом лице и тусклом взгляде, когда мы по воскресеньям встречаемся у церковных дверей. Она ухмыляется. Да, ухмыляется! Найджел, поезжай к нему! Нет, не убивай его, и даже ранить его не надо, только хорошенько располосуй ему лицо хлыстом, а потом вернись ко мне и скажи, как я могу тебя отблагодарить.

Лицо Найджела побледнело от внутренней борьбы, потому что кровь его пылала, но рас-судок преисполнился отвращением.

– Клянусь святым Павлом, Эдит! – воскликнул он. – Я не вижу ни чести, ни славы в том, о чем ты просишь. Как я могу ударить слабого калеку? Покрыть себя позором? Молю тебя, прекрасная леди Эдит, дай мне другое поручение.

Ее глаза облили его презрением.

– И ты – воин! – воскликнула она с горькой насмешкой. – А боишься щуплого человечка, которому и ходить-то трудно. Да, да, оправдывайся как хочешь, но я знаю, что ты слышал, как искусно он владеет мечом, как он храбр! Вот мужество и изменило тебе. Ты верно рассудил, Найджел. Он и правда опасный человек. Исполни ты мою просьбу, он убил бы тебя, а потому ты поступаешь мудро!

Найджел краснел и морщился, слушая ее, но ничего не ответил, всеми силами стараясь сохранить на пьедестале кумир, который зашатался, грозя вот-вот рухнуть. Так бок о бок в молчании невысокий юноша и гордая красавица, золотистый жеребец и белая кобыла поднимались по песчаной тропе, вьющейся среди высокого вереска и папоротников. Вскоре от нее ответвилась еще тропа, уводя к воротам с кабаньими головами герба Баттесторнов и бревенчатому дому с длинным фасадом. На громкий собачий лай навстречу им заковылял краснолицый рыцарь и, протягивая руку, произнес зычным голосом:

– Добро пожаловать, Найджел, добро пожаловать! А я уж думал, что ты позабыл смиренных друзей вроде нас, едва король взыскал тебя своей милостью. Конюхи, заберите лошадей, не то моя палка прогуляется по вашим спинам. Цыц, Лидьярд! Лежать, Пеламон! От вашего гавканья оглохнуть можно. Мэри, налей вина сквайру Лорингу!

Мэри стояла на пороге, высокая, загадочная, безмолвная. Темные вопрошающие глаза на странном грустном лице были зеркалами глубокой души. Найджел поцеловал протянутую ему руку, и к нему вернулась вся его благоговейная вера в женщин. Эдит проскользнула за спину сестры и из-за ее плеча прощающе улыбнулась Найджелу, точно прекрасная фея в ореоле золотых волос.

Рыцарь Дупплина тяжело оперся на руку молодого человека и, прихрамывая, направился через обширную залу с высоким потолком к своему вместительному дубовому креслу.

– Эдит, Эдит! Придвинь скамеечку. Господь свидетель, голова у девочки полна мыслями о поклонниках, как амбар крысами. Ну, Найджел, я много наслышан о том, как ты держал Тилфордский мост и как тебя посетил король. Он в добром здравии? А мой старый друг Чандос? Сколько раз мы охотились вместе! А Мэнни? Другого такого лихого наездника во всей стране не сыщется! Так рассказывай, рассказывай!

И Найджел поведал старому рыцарю обо всем, что произошло, но лишь коротко упомянул о своей победе, зато подробно описал поражение, которое потерпел. Однако глаза темно-волосой девушки, прилежно склонившейся над вышиванием, ярко засияли.

Сэр Джон слушал, не скупясь на клятвы и призывы к святым, стучал тяжелым кулаком, взмахивал палкой.

– Так ведь, малый, не надеялся же ты остаться в седле, коли встретился с Мэнни! А держался ты достойно. Мы тобой горды, Найджел, ты ведь наш, ты вырос в вересковом краю. Но мне стыдно, что про леса и охоту ты знаешь меньше, чем мог бы, хотя учил тебя я, а во всей широкой Англии в этом со мной никто не потягается. Так налей же еще вина, а я посмотрю, что можно сделать за короткое время, которое нам остается.

Тут старый рыцарь разразился длинной и утомительной лекцией о том, когда и на какого зверя или птицу охотиться можно, а когда нельзя, не скупясь на всевозможные примеры, наглядные описания, предостережения и назидания, почерпнутые из собственного богатого

опыта. Растолковывал он и иерархию дичи: заяц, благородный олень и кабан стоят выше, чем лань, косуля, лиса и куница, как рыцарь-баннерет выше простого рыцаря. А эти, в свою очередь, выше барсука, дикой кошки и выдры – простонародья в мире зверей. Потом он начал говорить о кровавых пятнах: если кровь темная и пенистая, значит зверь ранен смертельно, а если жидкая и светлая, то стрела ударилась в кость. Искусный охотник должен распознать это с первого взгляда.

– По таким признакам, – сказал он, – ты сразу будешь знать, спускать ли гончих псов и, рассчитав, куда побежит олень, наваливать ли там кучи хвороста, которые замедлят его бег, коли его рана глубока. Но паче всего, Найджел, следи за тем, чтобы верно все называть, не то допустишь за столом промашку, и те, кто лучше знает лес, высмеют тебя, а нам, тем, кому ты дорог, будет за тебя стыдно.

– Нет, сэр Джон, – возразил Найджел, – после ваших наставлений, думается мне, я ни перед кем лицом в грязь не ударю.

Старый рыцарь с сомнением покачал седой головой.

– Премудрость эта велика, и никто не в силах постичь ее всю, – сказал он. – Вот, к примеру, Найджел, когда одни и те же звери собираются вместе на земле, одни и те же птицы в воздухе, у каждой такой стаи есть свое название, чтобы сразу было ясно, какие это звери или птицы.

– Я знаю, благородный сэр.

– Это-то ты знаешь, Найджел, а вот все названия навряд ли, или ты куда осведомленнее, чем мне кажется. Сказать правду, знать их все никто не может, хоть сам я на королевском пиру как-то побился об заклад и перечислил восемьдесят шесть, а говорят, будто начальник охоты герцога Бургундского назвал их больше сотни. Да только сдается мне, что он и присочинил порядком. Кто же бы мог его переспорить? Ну так отвечай, малый, коли ты увидишь в лесу десять барсуков, это что?

– Кит барсуков, благородный сэр.

– Молодец, Найджел, молодец, клянусь верой! А если в Вулмерском лесу попадется тебе куча лисиц, это что?

– Лисья засада.

– А если не лисиц, а львов?

– Откуда же в Вулмерском лесу львы, благородный сэр?

– Верно-то верно, да только, малый, есть и другие леса, кроме Вулмерского, и другие страны, кроме Англии, а кто может предсказать, куда доберется в поисках подвигов и славы такой молодец, как Найджел из Тилфорда? Предположим, ты побываешь в пустынях Нубии и потом при дворе великого султана захочешь рассказать, как видел там некоторое число львов, а рассказать ты захочешь, ибо лев – царь зверей и самая славная добыча для охотника. Так какие слова ты употребишь?

Найджел поскреб в затылке:

– Думаю, благородный сэр, мне достаточно будет сказать, что я повстречал некоторое число львов, если уж я хоть что-то смогу сказать после столь славной встречи.

– Нет, Найджел, настоящий охотник сообщит, что видел львиный прайд, и тем докажет, насколько хорошо ему ведом язык охоты. Ну а если это кабаны, а не львы?

– Сингуляр кабанов.

– А если собрались одни свиньи?

– Стадо свиней, как же еще?

– Э, нет, малый! Огорчительно видеть, как мало ты знаешь. Твои руки, Найджел, всегда были сильнее твоей головы. Ни один человек благородной крови не скажет «стадо свиней». Это мужицкий язык. Коли ты свиней пасешь, вот тогда это стадо. Но коли ты на них охотишься, то скажешь... Что он скажет, Эдит?

– Не знаю, батюшка, – рассеянно ответила красавица, сжимая в правой руке смятую записку, которую принес ей слуга, и устремив взгляд синих глаз в густые тени под потолком.

– Но ты-то скажешь нам, Мэри?

– Милый батюшка, наверное, сказать надо «саундер свиней».

– Вот ученица, которая никогда меня не осрамит! – воскликнул старый рыцарь с торжествующим смехом. – Пойдет ли речь о рыцарских законах, или о гербах, или о лесной науке, или о чем угодно, я всегда могу справиться у Мэри. Она многих мужчин заставит покраснеть.

– И меня в их числе, – заметил Найджел.

– Нет, малый, по сравнению с многими и многими ты сам Соломон премудрый. Вот послушай! Не далее как на той неделе пустоголовый молокосос лорд Брокас сказал, что видел в лесу стаю фазанов! Да одна такая промашка при дворе погубит молодого сквайра. А ты бы как сказал, Найджел?

– Выводок фазанов, как же еще, благородный, сэр?

– Верно, Найджел, выводок фазанов, так же как косяк гусей, клин журавлей, стая уток, метелка бекасов. Но стая фазанов! Это еще что! Я усадил его, Найджел, на то самое место, где сейчас сидишь ты, и дважды увидел дно в кувшине с рейнским вином, прежде чем позволил ему встать. Но толку, боюсь, было мало, так как он все время телячьими глазами смотрел на Эдит, вместо того чтобы слушать ее отца. Но где девочка?

– Куда-то вышла, батюшка.

– Она всегда куда-то уходит, едва ей представится случай научиться чему-то полезному. Но скоро подадут ужин, и, прошу тебя, Найджел, помоги мне справиться с кабаньим окороком, вчера только из леса, и с оленьим боком, присланным мне с королевской охоты. Старший лесничий и его подручные меня еще не забыли, и кладовая моя всегда полна. Мэри, протруби-ка в рог три раза, чтобы слуги накрывали на стол. Уже смеркается, а пояс у меня что-то ослабел, значит пора и подкрепиться.

Глава XII

Как Найджел сразился с шалфордским горбуном

В дни, о которых ты читаешь здесь, в Англии все сословия, исключая, быть может, лишь последних бедняков, объедались мясом и обпивались пивом больше, чем во все последующие времена. Страну покрывали густые леса, в одной Англии их насчитывалось семьдесят, и некоторые тянулись на полграфства. Олени и другая крупная охотничья дичь в них тщательно охранялись, но зайцы, кролики, всякие птицы кишмя кишели в чащах и часто попадали в крестьянские горшки. Эль был очень дешев, а еще дешевле был сыченый мед, который любой человек мог изготовить сам, отыскав в лесу дупло с гнездом диких пчел. Не говоря уж о всяческих даровых напитках из трав, чае из пижмы, чае из просвирника и еще всяких, рецепты изготовления которых давно утрачены.

Столы более богатых отличались неприхотливым обилием – разделенные на огромные куски туши, гигантские пироги, дичь, попавшая в силки, дичь, добытая на охоте, и кувшины с элем и грубыми французскими или рейнскими винами, чтобы все это запивать. Но самые богатые предпочитали изысканные яства, и приготовление их превратилось в настоящую науку, причем не меньшая важность придавалась умению их украсить – они раззолачивались, они серебрились, они раскрашивались и окружались пламенем. Начиная от кабана и павлина до таких непривычных нам деликатесов, как мясо дельфина или жареные ежи, каждое блюдо подавалось по-особому, со своим особым соусом, очень сложным и очень своеобразного вкуса. На такие соусы шли финики, изюм, гвоздика, уксус, сахар и мед, корица, толченый имбирь, сандаловое дерево, шафран, мелко нарубленная свинина и сосновая хвоя.

В обычае нормандцев было есть умеренно, но иметь большой выбор самых лучших и разнообразных кушаний. Они и изобрели гурманскую кухню, не имевшую ничего общего с грубой тевтонской простотой, нередко сочетавшейся с обжорством.

Сэр Джон Баттесторн принадлежал к старой школе, и его огромный дубовый стол ломился под тяжестью внушительных пирогов, гигантских кусков мяса и вместительных кувшинов. Челядь сидела за нижним столом, члены семьи располагались за верхним на возвышении, где всегда оставлялись места для случайных гостей, которые заворачивали в Косфорд с большой проезжей дороги. На этот раз к ужину явился старый священник, направлявшийся из аббатства Чертси в монастырь Святого Иоанна в Мидхерсте. Он часто путешествовал по этой дороге и непременно подкреплял силы под радушным кровом Косфорда.

– Добро пожаловать, отец Афанасий! – воскликнул толстый рыцарь. – Садись-ка по правую мою руку и расскажи, что новенького. Ведь что ни случись, первыми об этом узнают попы.

Священник, добрый, тихий старик, взглянул на пустое место по левую руку хозяина дома.

– А где леди Эдит? – спросил он.

– Да-да, куда она запропастилась? – раздраженно крикнул ее отец. – Мэри, ну-ка прикажи протрубить в рог еще раз, пусть знает, что ужин на столе. Маленькой совушке время быть в гнезде!

В кротких глазах священника вспыхнула тревога, и он подергал рыцаря за рукав.

– Я видел леди Эдит совсем недавно, – сказал он. – Но, боюсь, рёга она не услышит, потому что теперь она уже, наверное, в Милфорде.

– В Милфорде? Зачем бы ей там быть?

– Прошу тебя, добрый сэр Джон, умерь свой голос! Дело это не для посторонних ушей, ибо касается девичьей чести.

– Ее чести? – Красное лицо сэра Джона стало еще краснее, и он уставился на опечаленное лицо священника. – Ты сказал, чести! Чести моей дочери? Объясни, не то больше ноги твоей в Косфорде не будет!

– Уповаю, что мои слова ничем дурным не обернутся, но я должен сказать о том, что видел, иначе я окажусь плохим другом и недостойным служителем Божьим.

– Так говори же, говори! Что ты видел?

– Ты знаешь низенького горбуна, которого зовут Поль де ла Фосс?

– И очень хорошо. Он благородного рода и носит герб, приходясь младшим братом сэру Юстесу де ла Фоссу, владельцу Шалфорда. Одно время я даже думал, что придется мне называть его сыном, потому что он не отходил от моих дочек, но, видно, кривая спина ему помешала.

– Увы, сэр Джон! Душа у него куда более кривая. Он погубитель женщин, ибо дьявол одарил его таким языком и таким взглядом, что он зачаровывает их подобно василиску. Они чают сочетаться с ним браком, а он о том и не помышляет. И я могу насчитать более десятка погубленных им. Он этим бахвалится повсюду.

– Пусть так, но что за дело до этого мне?

– Когда я, сэр Джон, ехал на своем муле по дороге сюда, мне повстречался этот человек, гнавший коня в сторону своего дома. Рядом с ним скакала женщина, и, хотя лицо ее скрывал капюшон, я услышал ее смех, когда она поравнялась со мной. Смех, который я слышал раньше под этой крышей, смех леди Эдит.

Нож выпал из пальцев рыцаря. Мэри и Найджел не пропустили ни единого слова, но грубый хохот и громкие голоса сидевших внизу служили ручательством, что там никто ничего услышать не мог.

– Успокойся, милый батюшка, – сказала Мэри. – Добрый отец Афанасий обознался, и Эдит сейчас придет. Последние дни она часто о нем говорила, и всегда с презрением.

– Это правда, сэр, – поспешно добавил Найджел. – Нынче вечером, когда мы ехали с ней по Терслейской пустоши, леди Эдит сказала мне, что ненавидит его и была бы рада, если бы его отхлестали за его дурные дела.

Но умудренный годами священник грустно покачал серебряной головой.

– Когда девица говорит так, это всегда опасно. Жаркая ненависть – сестра-близнец жаркой страсти. Зачем бы стала она так говорить, если бы между ними ничего не было?

– Но что толкнуло ее перемениться за три коротких часа? Она все время сидела с нами в этой зале. Клянусь святым Павлом, я этому поверить не могу.

Лицо Мэри омрачилось.

– Пока ты, милый батюшка, учил нас, что и как следует называть охотнику, ей, я теперь вспомнила, Ханнекин, конюх, принес какую-то записку. Она прочла ее и вскоре вышла.

Сэр Джон вскочил, но тут же со стоном опустился в кресло.

– Лучше бы мне умереть, – вскричал он, – чем дожить до дня, когда бесчестье грозит покрыть мой дом, а проклятая нога не дает мне ни узнать, правда ли это, ни отомстить! Будь здесь мой сын Оливер! Пошлите позвать этого конюха, я его спрошу.

– Дозволь мне, досточтимый рыцарь, – сказал Найджел, – на этот вечер заменить тебе сына, чтобы я обрел право вести дело так, как покажется лучше. Клянусь честью, я сделаю все, что в человеческих силах.

– Найджел, благодарю тебя. Во всем христианском мире нет человека, чью помощь я принял бы охотнее.

– Но прежде, благородный сэр, я хотел бы узнать твою волю. У этого Поля де ла Фосса, как я слышал, есть хорошее имение и он принадлежит к хорошему роду. Если случилось то, чего мы опасаемся, причин, почему он не годился бы в мужья твоей дочери, нет?

– Нет. Лучшего мужа ей не найти.

– Хорошо. Сначала я допрошу конюха Ханнекина, только так, чтобы никто не заметил. Болтливым слугам знать про это ни к чему. Если, леди Мэри, ты укажешь на него, я позову его оседлать моего коня и спрошу обо всем.

Найджел отсутствовал довольно долго, а когда вернулся, сидящие за высоким столом не увидели в его хмуром лице ничего утешительного.

– Я запер его на сеновале, чтобы он не распускал язык, – сказал молодой сквайр. – По моим вопросам он, наверное, догадался, куда ветер дует. Записку и правда прислал де ла Фосс, и он привел с собой запасную лошадь.

Старый рыцарь застонал и спрятал лицо в ладонях.

– Нет, батюшка! – шепнула Мэри. – Они смотрят на тебя. Ради чести нашего дома не подадим и вида. – Затем звонким голосом, так, чтобы ее услышали за нижним столом, она сказала: – Найджел, если ты едешь в ту сторону, я поеду с тобой, чтобы моей сестре не пришлось возвращаться в одиночестве.

– Так поедем, Мэри, – ответил Найджел, вставая, но вполголоса добавил: – Однако ехать нам вдвоем не подобает, а если мы возьмем с собой слугу, все станет известно. Прошу тебя, останься дома и ложись на меня.

– Нет, Найджел, ей может понадобиться женская помощь, и кто лучше родной сестры поможет ей? Я возьму с собой мою прислужницу.

– С вами поеду я, если только ваше нетерпение смирится с неторопливой рысью моего мула, – вмешался старый священник.

– Но, отче, это же не твоя дорога.

– У истинного служителя Божьего есть только одна дорога: та, что ведет к благу других. Дети мои, мы поедем вместе.

Вот так толстый сэр Джон Баттесторн, дряхлеющий Рыцарь Дупплина, остался один за своим верхним столом и делал вид, будто ест, делал вид, будто пьет, ерзал в своем кресле и изо всех сил старался выглядеть безмятежным, хотя и тело и душу его снедал лихорадочный жар, а его челядинцы и служанки за нижним столом смеялись, перешучивались, стучали чашами

и опустошали блюда, даже не подозревая о черной тени, окутавшей их хозяина, сидящего на возвышении в полном одиночестве.

Тем временем леди Мэри на белой кобыле – той самой, на которой под вечер скакала ее сестра, – Найджел на боевом коне и священник на муле ехали по немощеной дороге, которая вела в Лондон. По обеим сторонам тянулись вереска и болота, откуда доносились заунывные крики ночных птиц. По небу в разрывах бегущих туч плыл месяц.

Девушка молчала, поглощенная мыслями о том, что им предстояло, об опасностях и позоре. Найджел вполголоса переговаривался со священником и узнал от него еще многое о дурной славе человека, к которому они ехали. Его дом в Шалфорде был приютом порока. Та, что входила туда, покидала его, навеки покрытая стыдом. По странной прихоти судьбы, не такой уж редкой, хотя и необъяснимой, человек этот, как ни черна была его душа и ни искалечено тело, обладал непонятым очарованием, какой-то властью, подчинявшей женщин его воле. Вновь и вновь он губил их, вновь и вновь ловкий язык и хитрый ум избавляли его от расплаты за черные дела. Семья его принадлежала к числу самых знатных в графстве, его родичи были в большой милости у короля, и соседи опасались вступать с ним в открытую вражду. Вот таков был злобный и ненасытный злодей, который, как гнусный крылатый хищник, схватил и унес в свое мерзкое гнездо золотую красавицу Косфорда. Найджел слушал молча, но он поднес к плотно сжатым губам крестообразную рукоятку своего охотничьего кинжала и трижды ее поцеловал.

Вереска остались позади, они проехали деревушку Милфорд и городок Годамлинг, а оттуда свернули на юг, и дорога вывела их через болота Пиз на шалфордские луга. Впереди на темном склоне холма мерцали красноватые пятна – освещенные окна дома, куда они направлялись. Окутанная тьмой дубовая аллея вывела их на озаренную месяцем лужайку перед дверью.

Из мрака дверной арки им навстречу выскочили двое дюжих бородатых слуг с дубинами и злобно спросили, кто они такие и чего им здесь надо. Леди Мэри уже спрыгнула с лошади и пошла к двери, но они грубо преградили ей путь, а один воскликнул, хрипло расхохотавшись:

– Куда? Куда? Нашему хозяину нынче больше не требуется! Назад, назад, красотка, кто бы ты ни была. Дверь заперта, и наш господин гостей не принимает.

– Эй, ты, – негромко, но твердо сказал Найджел, – посторонись! Мы приехали говорить не с тобой, а с твоим хозяином.

– Может быть, дети мои, – вмешался священник, – будет лучше, если я один войду к нему и посмотрю, не смягчит ли глас церкви это кремневое сердце? Боюсь, не случится ли кровопролитие, если войдете вы.

– Нет, отче, прошу тебя немного подождать здесь. И ты, Мэри, останься с добрым отцом Афанасием, ведь мы не знаем, что найдем там внутри.

Он вновь повернулся к двери, и вновь стражи встали перед ним.

– Прочь! – сказал Найджел. – Прочь, если вам дорога жизнь! Клянусь святым Павлом, я не хочу марать свой меч кровью таких, как вы, но я дал клятву, и в эту ночь никто меня не остановит.

Стражи в страхе попятнулись, таким грозным был этот мягкий голос.

– Погоди-ка, – сказал один, взглядываясь в темноту. – Да никак это сквайр Лоринг из Тилфорда?

– Да, это мое имя.

– Так что же ты не назвался? Я бы поперек дороги тебе не встал. Опустит дубину, Уот, это же не чужой кто, а сквайр Лоринг.

– Его счастье, – буркнул второй, опуская свое оружие и мысленно вознося благодарственную молитву. – А то взял бы я на душу кровавый грех. Да только хозяин, когда поставил нас у дверей, про соседей ничего не говорил. Так я сбегаю спрошу его.

Однако Найджел уже прошел между ними и распахнул входную дверь. Но как ни был он быстр, леди Мэри нагнала его, и в залу они вступили вместе. Она была очень велика и тонула в черных тенях, если не считать яркого круга света на середине, где два масляных светильника озаряли небольшой стол. Он был уставлен блюдами, но слуг в зале не было, и за ним сидели лишь двое. У ближнего конца спиной к ним – Эдит, чьи распущенные волосы ниспадали на ало-черное платье. Свет ложился на вздернутые плечи и высокомерное лицо хозяина дома напротив нее – черные густые волосы обрамляли высокий выпуклый лоб мыслителя, серые, глубоко посаженные глаза холодно блестели под кустистыми бровями. Нос у него был изогнутым и острым, точно клюв ястреба, но бритое лицо безнадежно портили вялые обвислые губы и мягкие складки под тяжелым подбородком. Сжимая в одной руке нож, а в другой полуобглоданную кость, он поднял голову и свирепо сверкнул глазами на вошедших, как хищный зверь, потревоженный в берлоге.

Найджел остановился на полдороге между дверью и столом. Его взгляд скрестился со взглядом Поля де ла Фосса. Но Мэри, чье сердце переполняли любовь и жалость, бросилась к младшей сестре и обняла ее. Эдит вскочила и, отвернув лицо, попыталась высвободиться.

– Эдит, Эдит! Именем Пречистой заклинаю тебя, вернись с нами домой, оставь этого злодея! – восклицала Мэри. – Милая сестра, ты не разобьешь сердце нашего отца, не покроешь его седины позором, не сведешь его в могилу! Вернись домой, Эдит, вернись, и все будет хорошо.

Но Эдит оттолкнула сестру, ее нежные щеки вспыхнули от гнева.

– По какому праву, Мэри, ты преследуешь меня, будто я беглый виллан, а ты моя госпожа? Ты же старше меня всего на два года! Возвращайся сама, а мне предоставь поступать так, как я нахожу лучшим.

Однако Мэри не разжимала объятий, пытаясь смягчить упрямое и гневное сердце.

– Наша мать умерла, Эдит. И я благодарю Бога, что она не может увидеть тебя под этой крышей! Но я заменяю ее, как было всю нашу жизнь, потому что я старшая. Ее именем заклинаю тебя, не доверяй этому человеку, вернись домой, пока еще не поздно.

Эдит вырвалась из ее рук и с пылающими щеками устремила на сестру вызывающий злобный взгляд.

– А, теперь ты говоришь о нем дурно! – сказала она. – Но было время, когда Поль де ла Фосс приезжал в Косфорд, и кто говорил с ним так нежно и ласково? Кто, как не благоразумная, благочестивая сестрица Мэри? Но он полюбил другую, а потому теперь он злодей и оставаться под его крышей – позор! Как поглядеть на мою праведную сестру и ее спутника, так скакать ночью рядом с мужчиной – это великий грех для всех, кроме нее самой! Загляни прежде в собственный глаз, Мэри, а уж потом указывай на соломинку в чужом.

Мэри в нерешительности и безумной тревоге смирила гордость и гнев, но не знала, как тронуть эту упрямую и капризную душу.

– Сейчас не время для злых слов, милая сестра, – сказала она наконец, схватив Эдит за рукав. – Все, что ты говоришь, быть может, правда. Да, было время, когда этот человек казался другом нас обеих, и я, подобно тебе, знаю власть, которую он способен приобрести над женским сердцем. Но теперь мне известно, каков он на самом деле, а тебе нет. Мне известно, сколько зла он причинил, сколько бесчестия, сколько на его совести нарушенных клятв, неисполненных обещаний и обманов. Мне известно все это, так неужели же я могу спокойно взирать, как моя сестра попала в старую ловушку? Она уже захлопнулась, деточка? Я и правда опоздала? Во имя Бога, Эдит, скажи, что нет!

Эдит вырвала рукав из пальцев сестры, сделала два быстрых шага к столу, где Поль де ла Фосс все еще сидел молча, не отводя глаз от Найджела. Эдит положила ладонь на его плечо:

– Вот человек, которого я люблю. Единственный, кого я полюбила. Он мой муж.

Мэри радостно вскрикнула.

– Это так? – сказала она. – Ну, тогда честь сохранена, а остальное в руке Божьей. Если вы обвенчаны, то ни я, ни кто другой не имеет права встать между вами. Скажи мне, что это правда, и я тотчас вернусь домой обрадовать нашего отца.

Эдит надула губы, как напроказившая шалунья.

– Мы муж и жена перед Богом. А скоро мы станем ими и перед людьми. Только подождем до понедельника, когда брат Поля, священник, приедет из Сент-Олбенса обвенчать нас. За ним уже послан гонец, и он поспешит приехать, ведь правда, сердце мое?

– Он приедет, – сказал хозяин Шалфорда, все еще не отводя глаз от безмолвного Найджела.

– Это ложь, он не приедет, – донесся голос от двери, голос старого священника, который последовал за Найджелом и Мэри, но остался на пороге. – Он не приедет, – повторил старик, входя в залу. – Дочь моя, прислушайся к словам того, кто по годам мог бы быть твоим земным отцом. Эта ложь приносила плоды и раньше. И до тебя с ее помощью он губил доверчивых девиц. У него нет брата в Сент-Олбене. Я хорошо знаю всех его братьев, и никто из них не священник. Еще до понедельника, когда будет уже поздно, ты узнаешь правду, как узнали ее до тебя другие. Не верь ему, но вернись с нами!

Поль де ла Фосс быстро поднял глаза на Эдит и погладил ее руку.

– Ответь им ты, Эдит!

Ее глаза сверкали презрением, пока она по очереди переводила взгляд с сестры на молодого сквайра и на священника.

– Я могу ответить им всем только одно, – сказала она. – Уезжайте и больше не докучайте нам. Разве я не свободна? Разве я не сказала, что он единственный, кого я любила и люблю? И любила я его уже давно. Но он не догадывался и в отчаянии обратился к другой. Но теперь он знает все, и никогда больше между нами не встанет и тени сомнения. Поэтому я остаюсь в Шалфорде, а в Косфорд вернусь, только опираясь на руку моего супруга. Неужто я так слабодушна, что поверю вашим наговорам? Так ли трудно завистливой ревнивице и бродячему попу вместе придумать ложь? Нет, нет, Мэри, уезжай и заведи с собой своего кавалера и своего попа, потому что я останусь здесь, блюдя верность моему возлюбленному, зная, что могу довериться его чести.

– Хорошо сказано, моя золотая пташка! – одобрительно произнес маленький хозяин Шалфорда. – Дозволь мне добавить и мое слово. В своих злых речах, любезнейшая леди Мэри, ты не нашла во мне ни единой добродетели и все же признай, что терпением я обладаю в избытке, ибо не натравил собак на твоих спутников, хотя они и нарушили мой покой. Но даже для самых добродетельных наступает предел, когда верх берет человеческая слабость, а посему прошу тебя, удались со своим попом и своим доблестным защитником, не то как бы не пришлось вам удалиться в большей спешке и со стыдом. Садись, прекрасная любовь моя, и снова приступим к ужину.

Он указал ей на стул и налил вина в ее кубок, а не только в свой.

Найджел не произнес ни слова с той минуты, как вошел в залу, но его глаза ни на йоту не утратили твердой решимости, а мрачный взгляд оставался прикованным к презрительно-насмешливому лицу горбатого хозяина Шалфорда. Теперь он быстро повернулся к Мэри и священнику.

– Довольно, – сказал он тихо. – Вы сделали все, что могли, и теперь мой черед сделать все, что в моих силах. Прошу тебя, Мэри, и тебя, отче, подождите меня снаружи.

– Нет, Найджел, если тебе угрожает опасность...

– Мне будет легче, Мэри, если ты выйдешь. Прошу тебя. Так мне будет проще разговаривать с этим человеком.

Она взглянула на него с сомнением, но подчинилась. Найджел дернул священника за рукав.

– Отче, при тебе ли твой требник?

– Как же иначе, Найджел? Я всегда храню его у себя на груди.

– Так достань его, отче.

– Для чего, сын мой?

– Заложи его в двух местах: на венчальной службе и на отходной по умирающему. А теперь, отче, пойдти к ней, но будь готов сразу вернуться, когда я позову.

Он затворил за ними дверь и остался наедине с парой, столь мало подходящей друг другу. Они обернулись и смотрели на него – Эдит вызывающе, а ее возлюбленный – со злой улыбкой на губах и холодной ненавистью во взгляде.

– Как! – сказал он. – Странствующий рыцарь еще здесь? Мы все слышали, что он жаждет славы, так какой же подвиг чаает он совершить, медля под этой крышей?

Найджел подошел к столу.

– Славы тут обрести нельзя, да и подвиг невелик, – ответил он. – Но я приехал сюда ради одного дела и должен его исполнить. Я услышал из твоих собственных уст, Эдит, что ты не расстанешься с ним.

– Если ты не глухой, то услышал.

– Ты свободная женщина, как ты говорила, и кто станет тебе возражать? Но мы с тобой, Эдит, детьми играли среди вереска. И я спасу тебя от хитрости этого человека и твоего собственного неразумия.

– И как же ты это сделаешь?

– За дверью ждет священник. Он обвенчает вас сейчас же. Я не уйду из этой залы, пока вы не будете обвенчаны.

– Или что? – язвительно осведомился Поль де ла Фосс.

– Или ты живым из нее не выйдешь. Нет, не кличь своих слуг или собак! Клянусь святым Павлом, это дело касается только нас троих, а если кто-то четвертый явится на твой зов, ты не успеешь узнать, чем все кончится. Так ответь, Поль, господин Шалфорда, обвенчаешься ли ты с ней сейчас или нет?

Эдит вскочила и, раскинув руки, встала между ними:

– Отойди, Найджел! Он невысок ростом и слабосилен! И ты не поднимешь на него меч. Ты же сам нынче так сказал. Богом заклинаю, Найджел, не смотри на него так! У тебя в глазах смерть!

– Змея может быть маленькой и слабой, Эдит, но любой честный человек раздавит ее каблуком. Отойди! Мое слово твердо.

– Поль! – Она перевела взгляд на бледное, злобное лицо. – Подумай, Поль! Почему бы не исполнить его просьбу? Какая разница, если мы обвенчаемся нынче, а не в понедельник? Молю тебя, милый Поль, ради меня уступи ему! Твой брат, если пожелает того, может повторить обряд. Обвенчаемся сейчас же, милый Поль, и все будет хорошо.

Но он поднялся с кресла и оттолкнул ее молящие руки:

– Глупая девчонка и ты, заступник за девиц в несчастье, такой храбрый против калеки, запомните оба, что в моем слабом теле обитает дух моего славного рода! Обвенчаться, потому что этого пожелал деревенский сквайр, хвостун и грубиян? Нет, клянусь душой, лучше погибнуть! Обвенчаюсь я в понедельник и ни днем раньше. Вот мой ответ тебе!

– Другого я и не хотел бы, – сказал Найджел, – ибо счастливым брак с тобой быть не может. Так будет лучше. Отойди, Эдит! – Он осторожно оттолкнул ее и вынул меч.

Де ла Фосс вскрикнул.

– У меня нет меча. Ты что же, прикончишь меня, как подлый убийца? – сказал он, откидываясь на спинку кресла.

Глаза на его сразу осунувшемся лице горели лихорадочным огнем.

Сверкнуло лезвие. Эдит попятилась, пряча лицо в ладонях.

– Возьми этот меч, – сказал Найджел, протягивая его горбуну рукояткой вперед. – А теперь начнем, – добавил он, вынимая из ножен охотничий кинжал. – Убей меня, Поль де ла Фосс, если сумеешь, потому что, Бог свидетель, иначе я убью тебя.

Эдит, в полубомороке, как зачарованная следила за этим небывалым поединком. Горбун несколько мгновений стоял в нерешительности, еле удерживая меч в расслабленных пальцах.

Но затем, увидев короткое лезвие кинжала, он осознал, как велико его преимущество, и зло-радная усмешка придавала твердость его дряблым губам. Медленными шагами он приближался к Найджелу, прижимая подбородок к груди, и его глаза, полускрытые за мохнатыми бровями, пылали, точно два костра в лесной чаще. Найджел ждал, выставив левую руку перед собой, а кинжал в правой держал у бедра. Лицо его было сосредоточенным, спокойным и застывшим. Все ближе и ближе крадущимися шагами подходил к нему Поль де ла Фосс и вдруг с воплем ярости и ненависти прыгнул вперед, занося меч. Удар был хорошо рассчитанным и сильным, но против такого гибкого и быстрого противника разумнее было бы сделать его колющим, а не рубящим: Найджел как молния скользнул под опускающееся лезвие, которое задело его левую руку ниже локтя, и тут же, схватив рукоятку меча, вырвал его у противника. В следующее мгновение тот уже распростерся на полу, а Найджел приставил кинжал к его горлу.

– Пес! – прошептал молодой сквайр. – Ты в моей власти. Отвечай в последний раз, прежде чем я тебя прикончу: женишься ты на ней или нет? Отвечай быстрее.

Оглушенный падением, чувствуя острие у горла, Поль де ла Фосс утратил присутствие духа. Лицо его побелело, на лбу выступил пот, устремленный вверх взгляд был исполнен ужаса.

– Забери свой нож! – прохрипел он. – Я не хочу умереть, как теленок на бойне.

– Ты женишься на ней?

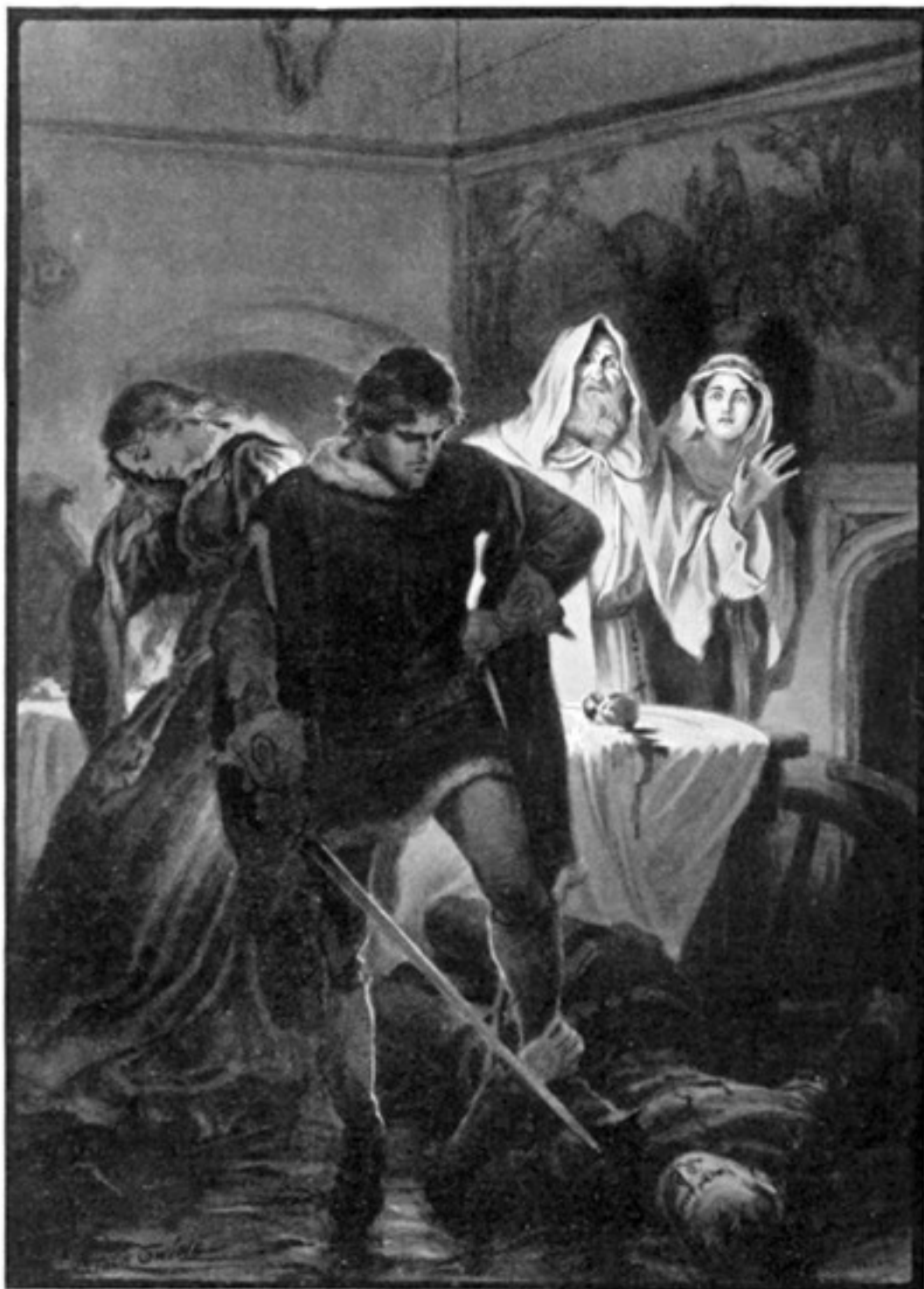
– Да, да, женюсь! Коли на то пошло, девица она хоть куда. Я мог бы найти жену и похуже. Дай же мне встать. Я ведь сказал, что женюсь. Чего еще тебе надо?

Найджел стоял над ним, наступив ногой на грудь горбуна. Он уже поднял меч и теперь прижал острие к его сердцу.

– Нет, лежи, как лежишь! Раз уж совести вопреки я оставляю тебе жизнь, то венчаться ты будешь так, как того заслуживают твои грехи. Валяйся тут раздавленным червем, каков ты есть! – И он громко позвал: – Отец Афанасий! Э-эй! Отец Афанасий!

Старик вбежал в залу вместе с леди Мэри, и они узрели в круге света неожиданную картину – испуганная девушка в полубморке опиралась о стол, горбун лежал на полу, а Найджел попирали его ногой, держа меч у его груди.

□

– Открой требник, отче! – воскликнул Найджел. – Не знаю, сотворим мы доброе или злое дело, но их надо обвенчать. Ничего другого не остается.

Но девушка у стола закричала и, с горестными рыданиями обняв сестру за шею, прильнула к ней.

– Мэри! Я благодарю Пречистую, что ты здесь. Благодарю ее, что еще не поздно! Что он сказал? Он сказал, что он – де ла Фосс и не станет венчаться под острием меча. И я всем сердцем одобрила его. Но я? Разве я не Баттесторн? Разве могу я позволить людям говорить, что я обвенчалась с человеком, которого тащили к алтарю с ножом у горла? Нет, нет! Теперь

я увидела, каков он. Теперь я знаю его низость, лживость его языка! Разве я не прочла по его глазам, что он обманывает меня и, обесчестив, бросит, как, по твоим словам, бросал других? Отвези меня домой, Мэри, сестра моя. Ты вырвала меня из самой пасти ада!

Вот так хозяин Шалфорда, вне себя от ярости и злобы, остался допивать свое вино в одиночестве, а золотая косфордская красавица, краснея от стыда и гнева, с лицом, мокрым от слез, благополучно покинула это гнездо порока, и ее окутала тихая благодность звездной ночи.

Глава XIII

Как товарищи ехали по старой-старой дороге

Приближалось новолуние, а с ним и исполнение королевского замысла. Приготовления велись в большой тайне. Гарнизон Кале, состоявший из пятисот лучников и двухсот жандармов, предупрежденный загодя, мог отразить любое нападение. Но король не просто хотел его отразить, а и взять в плен нападавших. Больше же всего он желал найти повод для одного из тех рыцарских подвигов, которые прославили его имя по всему христианскому миру как одного из вождей и украшение европейского рыцарства.

Но дело это требовало большой предусмотрительности и осторожности. Прибытие подкреплений или хотя бы одного знаменитого воина встревожило бы французов и навело на подозрения, что их заговор раскрыт. Поэтому избранные рыцари и их оруженосцы тайком переправлялись во Францию по двое и по трое на маленьких парусниках, доставлявших в Кале провиант. Там они ночью через водяные ворота пробирались в замок, где могли скрытно от горожан дожидаться урочного часа.

Чандос прислал сказать Найджелу, что будет ждать его в Уинчелси в харчевне «Вересковый цветок». И за трое суток до назначенного дня они с Эйлвардом выехали из Тилфорда со всем своим военным снаряжением. Счастливый Найджел весело отправился в путь в охотничьем костюме, а его бесценные доспехи и очень небольшой багаж были навьючены на запасную лошадь, которую Эйлвард вел на поводу. Сам он ехал на крепкой вороной кобыле, тяжелой и медлительной, но зато хорошо выдерживавшей его немалый вес. В кольчуге и каске, с висящим у пояса прямым мечом, с желтым длинным луком за спиной и колчаном, полным стрел, на алой перевязи, он выглядел так браво, что любой рыцарь с удовольствием взял бы его в свою свиту. Весь Тилфорд провожал их, пока они неторопливо поднимались по длинному вересковому склону холма Круксбери.

На гребне Найджел придержал Бурелета и оглянулся на деревушку внизу. Вон старый темный господский дом: на крыльце виднелась одинокая согбенная старуха, глядящая вслед ему тусклым взором. Вон остроконечная крыша, бревенчатые стены, голубоватый дым, клубящийся над единственной печной трубой, а вон у ворот печально стоят старые слуги – повар Джон, менестрель Уэтеркот и дряхлый ветеран Рыжий Свайр. За рекой над деревьями поднималась квадратная колокольня Уэверли, и в эту самую минуту раздался звон тяжелого колокола, который прежде так часто казался ему угрожающими хриплыми криками врага, хотя, как и теперь, он только созывал монахов и мирян на молитву. Найджел снял бархатный берет и тоже помолился – о том, чтобы в его старом доме царил мир и покой, но чтобы за морем его ждала добрая война, дабы он мог снискать честь и славу. Затем, помахав провожающим, он повернул коня и медленно направил путь на восток. Эйлвард тотчас простился с компанией лучников и хихикающих девушек, которые держались за его уздечку и стремяна, и поспешил за своим господином, посылая через плечо воздушные поцелуи. Вот так два товарища, один благородной крови, другой – самой простой, отправились в долгий путь.

Этот край бывает двух цветов – желтым, когда цветет дрок, и лиловато-красным, когда все склоны пылают вереском. Так было и теперь. Оглядываясь по сторонам узкой тропы, где и справа и слева папоротники и вереск гладили его по ногам, Найджел думал про себя, что нигде ему не доведется увидеть что-нибудь равное красотой его родным местам. На западе, пламеня в утреннем солнечном свете, катились волны вересковых пустошей, сливаясь вдаль с темными тенями Вулмерского леса, с бледной зеленью Батсеровских меловых холмов. Ни разу в жизни Найджел еще не выезжал за их пределы, и лес, холмы, вереска были ему бесконечно дороги. Когда он повернулся к ним спиной, его сердце болезненно сжалось. Но если родной край оставался позади, на западе, впереди, на востоке и юге, простирался манящий мир подви-

гов, величественная сцена, на которой по очереди его предки играли свои благородные роли, оставляя после себя покрытое славой имя.

Как часто его томили мечты об этом дне! И вот он наступил – ясный, не омраченный ни единым облачком. Благородная дама Эрминтруда находится под покровительством короля. Старые слуги могут не опасаться будущего. Враждебность монахов Уэверли поугасла. Боевой конь, лучшие в мире доспехи и добрый молодец, его верный спутник, – чего еще он мог бы пожелать? А главное, он едет искать славы как оруженосец храбрейшего из рыцарей Англии. Вот какие мысли теснились у него в голове, он весело свистел, пел, а Бурелет выделявал курбеты в лад настроению своего господина. Но, оглянувшись на Эйлварда, молодой сквайр увидел, что лучник едет нахмуренный, глядя в землю, словно его терзает какое-то горе. Он придержал Бурелета, пока Эйлвард не поравнялся с ним.

– Что с тобой? – спросил он. – Нынче утром мне и тебе надо бы радоваться, как никому в Англии. Ведь мы едем в чаянии великих деяний. Клянусь святым Павлом! Прежде чем мы

вновь увидим эти вересковые холмы, то либо достойно заслужим славу и честь, либо сложим наши головы, добиваясь их.

Эйлвард пожал широкими плечами, и на его загорелом лице мелькнула смущенная улыбка.

– Да, от меня толку, правда, как от отсыревшей тетивы, – сказал он. – Но такова уж природа мужчины, что он грустит, расставшись с любимой.

– Поистине так! – воскликнул Найджел и вдруг увидел перед собой темные очи Мэри Баттесторн, услышал ее негромкий, мелодичный, серьезный голос, который звучал в его ушах, как музыка, в ту ночь, когда они вернули ее легкомысленную сестру под отчий кров, голос, на который отзывалось все лучшее и благороднейшее в его душе. – Однако вспомни, Эйлвард! Женщина ведь любит в мужчине не его грубую земную оболочку, но его душу, его честь, славу, подвиги, которыми он украсил свою жизнь. Поэтому, отправляясь на войну, ты не только обретаешь славу, но и любовь.

– Оно, может, и так, – ответил лучник. – Но у меня сердце надрывается, когда красотки плачут, так бы и поплакал с ними за компанию. Когда Мэри... да нет, Долли... а вернее, Марта, ну рыженькая с мельницы, когда она уцепилась за мою перевязь, у меня чуть сердце не разорвалось, оттого что надо было высвободиться из ее рук.

– Ты называешь то одно имя, то другое, – сказал Найджел. – Как же все-таки зовут твою возлюбленную?

Эйлвард сдвинул каску на затылок и смущенно запустил пятерню в жесткие волосы:

– Зовут ее Мэри Долли Марта Сьюзен Джейн Сесили Теодозия Агнес Джоанна Катерина.

Выслушав это внушительное имя, Найджел расхохотался:

– Видно, не стоило мне брать тебя с собой! Клянусь святым Павлом, ведь по моей вине овдовела чуть ли не половина прихода. Но я видел твоего старого отца. Подумай о радости, которая наполнит его сердце, когда он узнает, что ты во Франции отличился и покрыл себя славой.

– Боюсь, слава не поможет ему уплатить долг уэверлийскому ключарю, – сказал Эйлвард. – И придется ему скитаться по дорогам, и никакая слава тут не поможет, если к Крещению он не соберет десять ноблей. А вот если я захвачу пленника, за которого получу выкуп, или буду участвовать во взятии города, вот тогда старик будет мной гордиться. «Твой меч должен пособить моей лопате, Сэмкин», – сказал он, целуя меня на прощание. Поистине для него будет счастливый день, коли я вернусь с седельной сумкой, набитой монетами. Ну, авось по милости Господней мне доведется запустить руку в чей-нибудь карман, прежде чем я вернусь в Круксбери!

Найджел покачал головой, лишний раз убедившись, что не стоит и стараться перебросить между ними мост.

Тем временем они успели проделать по тропе немалый путь – впереди показался невысокий холм Святой Екатерины, и они увидели часовню на его вершине. Здесь тропа выходила на лондонскую дорогу, и у перекрестка их ждали два всадника, приветственно поднявшие руки: высокая стройная брюнетка на белой кобыле и толстый краснолицый старик на дюжем сером мерине, чья спина, казалось, прогибалась под тяжестью хозяина.

– Э-эй, Найджел! – крикнул толстяк. – Мэри сказала мне, что ты уезжаешь нынче утром, и мы уже добрый час ждем, авось ты проедешь мимо. Ну-ка, мальй, хлебни напоследок доброго английского эля. Пить тебе теперь придется французскую кислятину, и ты стоскуешься по доброй его терпкости, по белой пене у себя под носом.

Найджел, однако, отказался – ему пришлось бы сделать крюк в две мили, – но с радостью согласился с Мэри, что им следует подняться на холм и напоследок помолиться вместе. Рыцарь с Эйлвардом остались ждать внизу, держа лошадей. Вот так Найджел с Мэри оказались наедине под величественными готическими сводами перед темной нишей, в которой поблес-

кивал золотом ковчег для мощей. Молча они преклонили колена в молитве, а затем вновь вышли из угрюмого сумрака на яркое солнце летнего утра. Остановившись, они поглядели направо и налево, на сочные луга и голубую ленту Уэя, выющую по долине.

– О чем ты молился, Найджел? – спросила девушка.

– Я молил Бога и его святых укрепить мой дух, дать мне вернуться из Франции со славой, дабы я мог прийти к тебе и попросить твоей руки.

– Подумай хорошенько, Найджел, о чем ты говоришь, – ответила она. – Что для меня ты, ведомо только моему сердцу, но лучше мне больше никогда тебя не видеть, чем помешать тебе хоть на дюйм не достичь той вершины славы и чести, к которой ты стремишься.

– Моя прекрасная возлюбленная, как ты можешь помешать мне, если мысль о тебе будет придавать силу моей руке и вливать мужество в мое сердце?

– Подумай еще, мой прекрасный возлюбленный, и не считай себя связанным теми словами, которые ты произнес. Пусть они будут как ветерок, который приласкал наши лица и унесся дальше. Твоя душа жаждет чести. К ней устремлялась она всегда. Так осталось ли в ней место для любви? Разве возможно, чтобы обе они равно царили в одном сердце? Вспомни, что в старину Галахед и другие преславные рыцари отворачивались от женщин, дабы всю душу, все помыслы отдать служению чести? Вдруг я окажусь помехой тебе, вдруг твое сердце дрогнет перед великим подвигом из страха причинить мне горе? Хорошенько подумай, мой прекрасный возлюбленный, прежде чем ответить. Ибо мое сердце разобьется, если из-за любви ко мне не сбудутся твои надежды и ты не совершишь всего, что мог бы.

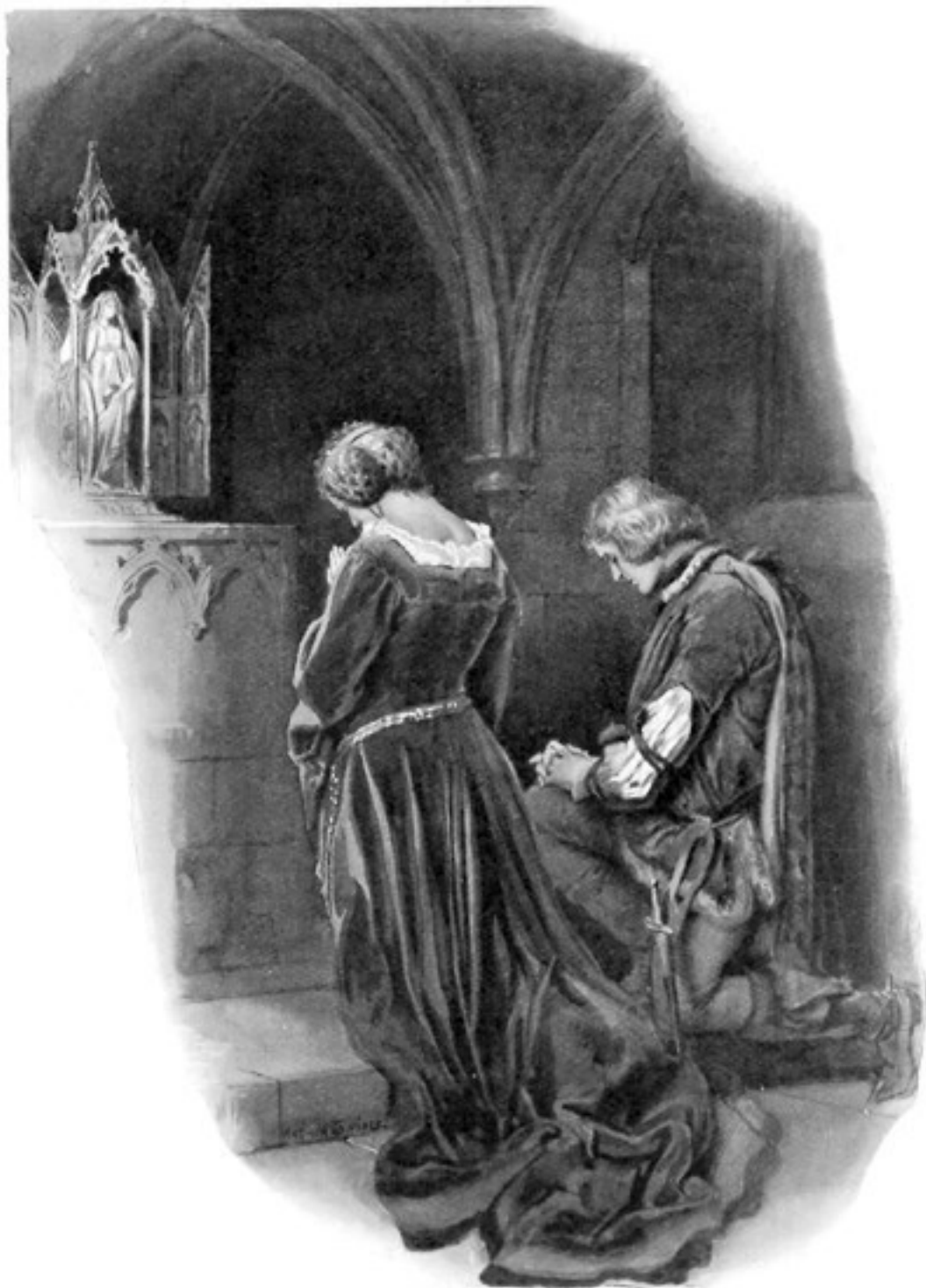
Найджел смотрел на нее сияющими глазами. Душа, озарившая ее смуглое лицо, придала ему красоту, несравненно более благородную и редкостную, чем красота ее кокетливой сестры. Он склонился перед ее женским величием и прижал губы к ее руке.

– Ты как звезда, которая указывает мне путь к вершинам, – сказал он. – Наши души отданы служению чести, и как мы можем стать помехой друг другу, если цель у нас одна?

Она покачала гордой головой:

– Так тебе кажется теперь, мой прекрасный возлюбленный, но годы способны изменить все. Как можешь ты доказать, что я и правда помогаю тебе, а не мешаю?

– Я докажу это делом, моя прекрасная возлюбленная, – ответил Найджел. – Здесь, у святыни святой Екатерины, нынче, в день святой Маргариты, я клянусь, что совершу в твою честь три подвига, как залог моей великой любви, и только тогда вновь предстану перед тобой. Три эти подвига будут доказательством, что любовь моя к тебе, как она ни велика, не была мне помехой на пути к обретению славы.

Любовь и гордость освещали ее лицо, когда она сказала:

– Я тоже принесу обет и поклянусь святой Екатериной, возле святилища которой стою. Клянусь, что буду ждать тебя, пока ты не совершишь эти три подвига и мы не встретимся вновь, но если – боже оборони! – совершая их, ты падешь, я уйду в шалфордский монастырь и ни разу больше не посмотрю в лицо мужчины. Дай мне руку, Найджел.

Она сняла золотой филигранный браслет и надела на его загорелое запястье, читая ему вслух выгравированный по браслету девиз на старофранцузском языке: «Fais ce que dois, adviegne que pourra – c'est commande au chevalier»¹⁴.

Затем они на мгновение обнялись, и влюбленный юноша и любящая девушка скрепили поцелуем свою помолвку. Однако старый рыцарь нетерпеливо окликал их снизу, и рука об руку они спустились по выющейся тропе туда, где под песчаным обрывом ждали лошади.

До самого шалфордского брода сэр Джон трусил рядом с Найджелом, наставляя его напоследок в премудростях охоты от великой тревоги, что он возьмет да спутает годовика с двухлетней либо назовет того или другого олененком, о чем и помыслить страшно. Наконец у заросшего камышом спуска к Уэю старый рыцарь и его дочь остановили своих лошадей. На опушке темного Чантрийского леса Найджел снова оглянулся: они все еще провожали его взглядом и махали ему вслед. Дальше тропа углубилась в чашу, и деревья заслонили их. Однако долгое время спустя, когда они выехали на просеку и вновь вдаль открылись шалфордские луга, он увидел, что серый мерин и его всадник медленно приближаются к холму Святой Екатерины, но Мэри все там же у брода наклоняется в седле, напряженно всматриваясь в густой лес, который скрыл от ее взгляда того, кому она отдала сердце. Картина открылась ему в просвете листвы лишь на мгновение, но в чужих краях среди трудов и опасностей именно они – зеленый луг, камыши, река, медленно катящая голубые воды, и грациозная фигура, наклонившаяся над шеей белой лошади, словно устремляясь за ним, – именно они стали для него заветнейшим образом любимой и далекой Англии.

Но если друзья Найджела узнали, что в путь он отправляется в это утро, не дремали и его враги. Когда они с Эйлвардом выехали из леса и начали по выющейся тропе подниматься к старой часовне Святого Мученика, под брюхом Бурелета со змеиным шипением пронеслась длинная белая стрела и, дрожа, впиалась в дерн. Вторая просвистела у самого уха Найджела, когда он хотел повернуть назад, но тут Эйлвард хлестнул боевого коня по крупу, Бурелет рванулся вперед галопом и успел промчаться несколько сотен ярдов, прежде чем всадник сумел с ним совладать. Эйлвард, припав к шее своей лошади, гнал ее во всю мочь, а вокруг них свистели белые стрелы.

– Клянусь святым Павлом! – вскричал Найджел, натягивая поводья, весь белый от гнева. – Я не побегу от них, будто испуганная лань! Лучник, как ты посмел ударить моего коня и помешать мне проучить их?

– И хорошо, что посмел! – ответил Эйлвард. – Не то, клянусь моими десятью пальцами, наш путь окончился бы в тот же день, когда начался. Их же в кустах укрылось не меньше десятка. Видишь, как их каски блестят на солнце вон там, среди папоротника, под большим буком? Если не хочешь думать о себе, так пожалей хоть коня – ведь со стрелой в брюхе он все равно до леса не доскачет.

Найджела снедала бессильная ярость.

– И я позволю, чтобы в меня, точно в чучело попугая на ярмарке, стрелял любой разбойник, который ищет мишени для своих стрел? – вскричал он. – Клянусь святым Павлом, Эйлвард, я надену доспехи и узнаю, кто они. Помоги мне снять их с кобылы!

– Нет, мой благородный господин, помогать тебе искать смерти я не стану. Всаднику на открытом месте мериться силами с десятком лучников в кустах – это ведь то же, что сесте играть против мошенника с фальшивыми костями! Да и не разбойники они, не то бы не посмели натягивать луки под самым носом у гилфордского шерифа!

– Пожалуй, ты прав, Эйлвард, – молвил Найджел. – Верно, это люди Поля де ла Фосса, у которого нет причин любить меня. А-а! Да вон же он сам!

¹⁴ «Делай, что должно, что бы ни случилось, – вот закон рыцаря» (фр.).

Они остановились спиной к длинному склону, увенчанному часовней. Перед ними тянулась зубчатая темная опушка, где в тени деревьев блеск железа выдавал присутствие затаившихся врагов. Но тут пропел рог, между деревьев замелькали бурые куртки – лучники бежали, развертываясь неровной цепью, быстро приближаясь к двум товарищам. Их громко подбадривал горбун на могучем сером коне, словно натравливая псов на барсука. Он махал руками, вертел головой и пронзительными вскриками подгонял своих подручных.

– Заманим их подальше, мой благородный господин! Заманим на холм! – радостно воскликнул Эйлвард. – Еще пятьсот шагов, и мы будем с ними на равных. Нет, не медли, но постарайся держаться все время чуть дальше полета стрелы, пока не настанет наш черед!

Найджел весь дрожал от нетерпения, держа руку на рукоятке меча и глядя на поспевающих за ним врагов. Но тут он вспомнил, как Чандос сказал, что холодный рассудок важнее для воина, чем горячее сердце. Совет Эйлварда был верным и мудрым. Он повернул Бурелета, и под насмешливые выкрики за спиной оба товарища начали рысью подниматься на холм. Лучники припустили бегом, а их господин вопил и махал руками еще безумнее, чем раньше, Эйлвард то и дело оглядывался через плечо.

– Еще немножко! Еще чуть-чуть! – бормотал он. – Ветер дует в их сторону, и дураки не сообразили, что мои стрелы полетят на пятьдесят шагов дальше. А теперь, мой благородный господин, поддержи лошадей, ведь мое оружие сейчас стоит больше твоего. И прежде чем они опять спрячутся в лесу, многие пожалеют, что высунули оттуда нос.

Он спрыгнул на землю, нажал рукой вниз, коленом вверх и накиннул тетиву на верхнюю зарубку тугого боевого лука. Затем молниеносным движением наложил стрелу. Сдвинув брови над сверкающими голубыми глазами, расставив крепкие ноги, левой рукой неподвижно сжимая лук, а правой, на которой двойным клубком вздувались мышцы, оттягивая белую, отлично навощенную тетиву, он выглядел таким грозным и яростным бойцом, что их преследователи невольно остановились. Двое-трое пустили в него стрелы, но встречный ветер замедлил их полет, и они скользнули по жесткой траве за десятки шагов до своей цели. И только один стрелок, низенький, кривоногий, чье коренастое тело говорило о редкостной силе, быстро кинулся вперед и так сильно натянул лук, что его стрела впилась в землю у самых ног Эйлварда.

– Это Черный Уилл из Линчмира, – сказал Эйлвард. – Много раз я состязался с ним и знаю, что никто другой в Суррее не смог бы послать стрелу так далеко. Уповаю, что ты нынче исповедался и причастился, Уилл! Ради старого нашего знакомства не хотелось бы мне отправить твою душу прямехонько в ад!

Тем временем он прицелился, и тетива громко зазвенела. Опираясь на лук, Эйлвард зорко следил за быстрым полетом своей подгоняемой ветром стрелы.

– Попал! Попал! А, перелет! – крикнул он с досадой. – Ветер-то сильнее, чем я думал. Ну ничего, дружище, теперь, когда я к тебе примерился, ответить ты не успеешь!

Черный Уилл уже наложил стрелу и поднимал лук, когда вторая стрела Эйлварда пронзила насквозь его правое плечо. С воплем, в котором мешались злость и боль, он уронил лук и, приплясывая от ярости, грозил кулаком своему сопернику и осыпал его проклятиями.

– Я мог бы прицелиться в сердце, но не стал, потому что хорошие лучники редки, – сказал Эйлвард. – А теперь, добрый сквайр, надо поторопиться, потому что они задумали нас окружить, и уж тогда мы и правда тут останемся. Но прежде я пошлю стрелу вон в того всадника, который их науськивает.

– Нет, Эйлвард, прошу, опусти лук, – велел Найджел. – Хоть он и злодей, но благородного рода, и ему не подобает погибнуть от твоего оружия.

– Как прикажешь, – ответил Эйлвард, мрачней. – Только вот люди говорят, что в недавних войнах не счесть, скольким французским принцам да баронам гордость не помешала принять

смерть от стрел английских йоменов, а английские рыцари рады были стоять в сторонке и смотреть, сложа руки.

Найджел грустно кивнул головой:

– Ты говоришь правду, лучник, да и прежде так бывало. Доблестный рыцарь Ричард Львиное Сердце погиб таким подлым образом, как и король саксов Гарольд при Гастингсе. Но это не война, а ссора, и я не хочу, чтобы ты натянул против него свой лук. И сам я не могу схватиться с ним, хоть он и опасен духом, но телом слаб. А потому поскачем дальше, ведь здесь нам не найти ни чести, ни славы, ни выгоды.

Эйлвард тем временем снял тетиву с лука и вскочил на лошадь. Они быстро проехали мимо низенькой квадратной часовни, а на гребне оглянулись. Раненый стрелок лежал на земле, вокруг толпились его товарищи, некоторые продолжали бесцельно карабкаться на холм, но остались уже далеко позади. Их господин неподвижно сидел в седле, но, заметив, что они оглянулись, взмахнул рукой и осыпал их визгливыми проклятиями. Мгновение спустя его заслонил гребень. Вот так, провожаемый любовью и ненавистью, Найджел простился с родным краем.

Теперь два товарища ехали по старой-старой дороге, которая пересекает юг Англии, но так и не поворачивает к Лондону, потому что он еще был жалкой деревушкой, когда по ней уже давно ходили и ездили. От Винчестера, столицы саксов, до Кентербери, святого кентского города, а оттуда до Узкого пролива, где в ясные дни с обрыва виден дальний берег Франции, – по этой дороге, насколько удастся проследить в истории, несли слитки металлов с запада, а навстречу трусили вьючные лошади, везя то, что присылала Галлия в обмен на эти металлы. Старше христианской веры, старше римлян была эта древняя дорога. На север и на юг лежат леса и болота, а потому четкий ее след можно найти только на сухом дерне меловых холмов. Ее до сих пор называют Путем Паломников, хотя паломники были последними, кому она служила, ибо насчитывала уже не одно тысячелетие, когда после убийства Томаса Бекета в Кентербери устремились благочестивые люди.

С холма Уэстонского леса открывался вид на длинную белую полосу, которая ныряла вниз, огибала склоны и убегала вдаль по зеленой волнистой равнине, где даже в лощинах путь ее можно было проследить по старым вязам, посаженным вдоль нее. Ни Найджел, ни Эйлвард прежде не уезжали далеко от дома, и теперь они с легким сердцем и жадным любопытством рассматривали разнообразные картины природы, а также всех встречных. Слева простирался холмистый край вереска и лесов, кое-где расчищенные вольными хлебопашцами под поля. Хэкхерст-Даун, Данлт-Хилл и Рэнмор-Коммон вздымались и уходили вниз, смыкаясь друг с другом. Но справа, когда они миновали деревушку Шир и старинную церковь в Гомшелле, у их ног, точно карта, распростерлась вся южная сторона. Огромный Уилдский лес, дубрава без единой просеки, простирался до гряды Норт-Даун, которая на фоне синего неба казалась олив-

ково-зеленой. Под этим нескончаемым балдахином густой листвы обитали странные люди и творились злые дела. В глубинах его жили дикие племена, сохранившие обычаи предков-язычников, плясавшие перед алтарями Тора, и мирный путник благодарил Господа, что идет по дороге через открытый меловой край и ему не нужно сворачивать на коварную тропу, где его подстерегала липкая глина, непроходимые чащи и опасные люди.

Но не только холмистая местность слева и необъятный лес справа тешили зрение – сама дорога была нескончаемым зрелищем. Ее никак нельзя было назвать пустынной. Насколько хватал глаз, на узкой белой ленте чернели пятнышки – иногда одинокое, иногда несколько рядом, а иногда и множество их – то ли паломники, для безопасности собравшиеся большой компанией, то ли вельможа, доказывающий свою знатность числом воинов и челядинцев в его свите. В ту эпоху главные дороги кишели толпами путников, потому что по стране бродило много бездомных людей. Перед глазами Найджела и Эйлварда лился бесконечный их поток, но похожи они были лишь в одном: всех их от волос до башмаков густо припудрило серой меловой пылью.

Монахи путешествовали из одной обители в другую – бенедиктинцы в черных мантиях, подобранных снизу так, что видна была нижняя белая ряса, картезианцы в белом и двуцветные цистерцианцы. И странствующие монахи трех нищенствующих орденов – доминиканцы в черном, кармелиты в белом, францисканцы в сером. Монахи, проживавшие в монастырях, и нищенствующие монахи очень и очень недолюбливали друг друга как соперников, перехватывающих жертвования благочестивых мирян. И на дороге они расходились, как кошка с собакой, – скашивая глаза и сердито насупившись.

Кроме служителей церкви, пользовались дорогой и служители бога торговли – купец в пропыленном суконном плаще и фламандской шляпе ехал впереди вереницы вьючных лошадей, нагруженных то ли корнуоллским оловом, то ли шерстью западного края или сассекским железом, если торговал он в восточной части страны; если же путь его вел на запад, то во вьюках были генуэзский бархат, венецианское стекло, французские вина или доспехи из Италии и Испании. Паломники же попадались на каждом шагу, чаще всего бедняки. Они устало брели, волоча ноги, склонив головы, опираясь на толстые посохи, перекинув через плечо узелки с едой и пожитками. Изредка на иноходце, покрытом пышным чепраком, или в конных носилках, что считалось великой роскошью, проезжала знатная дама из какого-нибудь западного графства, совершая свое необременительное паломничество к святилищу святого Томаса.

На запад и на восток двигался всякий пестрый сброд: менестрели, спешившие с одной ярмарки на другую, назойливые и вороватые жонглеры и акробаты, самозванные лекари и зубодеры, школяры и нищие, свободные рабочие в поисках платы повыше и беглые кабальные – готовые трудиться за любую плату. Вот какие путешественники поднимали от Винчестера до Узкого пролива клубы белесой пыли над дорогой.

Найдзелу, разумеется, интереснее были солдаты. Несколько раз они обгоняли компании лучников или жандармов, ветеранов французских войн, возвращавшихся домой. Все они были под хмельком, потому что в многочисленных придорожных харчевнях и на постоянных дворах прохожие угощали их пивом. Они орали забористые песни и выкрикивали вслед Эйлварду крепкие шутки, а тот, повернувшись в седле, во весь голос выражал свое мнение о них, пока они не оставались далеко позади.

Под вечер они нагнали пеший отряд из ста лучников, во главе которого ехали два рыцаря. Они шли из Гилфордского замка в Райгетский замок, где им предстояло нести гарнизонную службу. Некоторое время Найджел трусил рядом с рыцарями и не скупился на намеки, что тот из них, кто ищет славы, или не прочь сразиться в поединке, или дал тот или иной обет, мог бы тотчас обрести средство для исполнения своего желания. Но оба они были пожилыми, серьезными людьми, занятыми своим делом и не склонными к придорожным приключениям, а потому Найджел пустил Бурелета рысью и расстался с ними.

За Боксхиллом и Хедли-Хитом, когда впереди уже замаячили башни Райгета, они нагнали бодрого краснолицего толстяка с расчесанной надвое бородой, который трусил на сильной лошади и обменивался кивком или добрым словом со всеми встречными. В его обществе они доехали почти до самого Блетчингли, и Найджел неудержимо смеялся его рассказам, однако под шутками и прибаутками пряталась истинная мудрость. Их спутник объяснил, что разъезжает по стране для своего удовольствия, – денег у него достаточно, чтобы не знать нужды и находить в пути стол и ночлег. Он говорит на всех трех английских наречиях – северном, среднем и южном, а потому в каждом графстве обретает друзей, и люди поверяют ему свои беды и радости. Повсюду, сказал он им, и в городах и в деревнях, зреет недовольство. Бедняки устали от гнета своих господ, будь то церковь или светские владыки, и скоро в Англии начнутся дела, доселе невиданные.

Особенно горячо этот человек обличал церковь, ее огромные богатства (ведь ей принадлежит почти треть земли в стране), ее ненасытную алчность и то, как, загребая все больше, она объявляет себя нищей и смиренной. Его язык бичевал монахов всех орденов – их плутовство, их лень и хитрость. Он говорил, что их богатства, как и богатства любого надменного лорда, равно добыты руками бедного смиренного Петра Пахаря, который усердно трудится в полях под дождем и на холоде, терпит насмешки и презрение всех и каждого и тем не менее держит на своих усталых плечах весь мир. Вот какие мысли он изложил в прекрасной аллегории. Не хотят ли они послушать? И он начал нараспев читать ее, пальцем отбивая ритм стихов, а Найджел и Эйлвард наклонялись к нему справа и слева и слушали с одинаковым вниманием, но с очень разными чувствами. Найджел был поражен и смущен столь резкими нападками на духовную и светскую власть, а лучник посмеивался, радуясь такому искусному выражению помыслов и чаяний своего сословия. Но вот незнакомец остановил коня перед «Пятью ангелами» в Гаттоне.

– Харчевня хорошая, и эль в ней добрый. Я не раз его пробовал, – сказал он. – «Видение о Петре Пахаре», которое вы сейчас слушали, завершил я таким стихом:

Вот книжицу свою довел я до конца.
Помилуй Бог того, кто мне нальет винца.

Так войдемте же и утолим жажду!

– Нет, – ответил Найджел. – Нам предстоит далекий путь и мешкать нельзя. Но назови свое имя, друг мой, ибо мы весело скоротали время, слушая твои речи.

– Поберегись! – ответил незнакомец, покачивая головой. – Тебе и всему твоему сословию придется невесело, когда речи эти обернутся делом, Петр Пахарь устанет гнуть спину в поле и возьмется за лук и дубину, дабы навести порядок в стране.

– Клянусь святым Павлом! Думается, мы сумеем образумить и Петра, и тех, кто учит его таким скверностям, – сказал Найджел. – А поэтому прошу тебя снова, назови свое имя, чтобы оно мне припомнилось, когда я услышу, что тебя повесили.

Незнакомец добродушно засмеялся.

– Можешь называть меня Томасом Безземельным, – ответил он. – Но я был бы Томасом Безмозглым, коли бы назвал свое подлинное имя. Ведь наберется немало разбойников и в черных рясах, и в железных доспехах, кто с радостью поможет мне вознестись к небу способом, про который ты упомянул. Так прощай, сквайр, и ты, лучник, тоже, да вернетесь вы домой с целыми костями!

Переночевали два товарища в годстонской обители, а на рассвете уже вновь ехали по Пути Паломников. В Титси их предупредили, что в Уэстеремском лесу бесчинствует разбойничья шайка, убившая накануне трех путешественников, и Найджел уже предвкушал славную схватку. Однако разбойники на них не покусились, хотя они нарочно сделали крюк и ехали вдоль самой опушки. Но дальше они наткнулись на следы злодеев: там, где дорога огибала

холм, в яме, откуда выламывали мел, они увидели мертвеца. Сломанные члены, искалеченное тело не оставляли сомнений, что его сбросили туда с обрыва, а вывернутая сумка на поясе указывала на причину убийства. Товарищи проехали мимо с некоторой поспешностью, ибо мертвецы были на королевских дорогах не такой уж редкостью, а застань их возле трупа шериф или начальник стражи, они могли бы угодить в сети закона.

Не доезжая Севенокса, они свернули с древней Кентерберийской дороги и направились прямо на юг к морю. Скоро меловые земли остались позади, сменившись глинами Уилда. Тропа, проторенная вьючными мулами, вся в рытвинах и ухабах, вилась среди густых лесов, лишь изредка выводя на расчистки, где ютились крохотные кентские деревушки и крестьяне в рубахах и полотняных штанах-чулках смотрели на путников дерзко и алчно. Один раз вдалеке справа замаячили башни Пенхерста, а потом до них донесся перезвон колоколов бейхемского аббатства, но, за этими исключениями, они до конца дня видели только угрюмых крестьян, их жалкие лачуги да бесчисленные стада свиней, кормившихся желудями. В отличие от кентской дороги тропа эта была безлюдна, и они лишь изредка встречали либо нагоняли торговца или гонца, направлявшихся в аббатство Битвы, замок Певенси или южные города.

Эту ночь они провели в миле к югу от деревушки Мейфилд на убогом постоялом дворе, кишмя кишевшем блохами и крысами. Эйлвард энергично чесался и с жаром сыпал проклятиями. Найджел лежал молча и неподвижно. Тот, кто с молоком матери впитал старинные рыцарские законы, не замечал никаких житейских неудобств. Снизойти до них – значило бы унижить высокое достоинство его души. Холод и зной, голод и жажда и все прочие такие же невзгоды не существовали для человека благородной крови. Его душу облекала столь непробиваемая броня, что она хранила его не только от великих зол жизни, но и от мелких досад. Вот почему Найджел лежал, с мрачным упорством не позволяя себе ни единого движения, а Эйлвард ерзал и извивался на своем ложе.

Теперь до их цели было рукой подать, но едва они на следующее утро углубились в лес, как произошло нечто, внушившее Найджелу самые радужные надежды.

Из-за могучих дубов показался смуглый черноволосый верховой в алом табаре с высоко поднятой серебряной трубой, в которую он дул с такой силой, что ее они слышали задолго до

того, как встретились с ним. Ехал он медленно и через каждые пятьдесят шагов придерживал коня, дабы еще раз огласить лес воинственным пением трубы. Товарищи остановились перед ним.

– Прошу тебя, объясни, – сказал Найджел, – кто ты такой и почему трубишь в эту трубу?

Тот покачал головой, и Найджел повторил свой вопрос на французском – в ту эпоху языке рыцарства, известном в Западной Европе каждому человеку благородной крови. Всадник в табаре вновь протрубил и лишь тогда ответил:

– Я Гастон де Кастри, смиренный оруженосец прославленного и доблестного рыцаря Рауля де Тубье де Пестель де Гримсар де Мерсак де Леон де Бастанак, также именующего себя лордом Понсом. По его приказанию я еду в миле впереди него, дабы все были готовы к встрече с ним, и он повелел мне трубить в трубу не из бахвальства, но из величия духа, дабы всяк, кто пожелал бы вступить с ним в поединок, знал бы о его приближении.

С радостным криком Найджел спрыгнул на землю и принялся расстегивать дублет.

– Быстрее, Эйлвард, быстрее! – твердил он. – Он сейчас будет тут! Странствующий рыцарь! Какой случай славно снискать себе славу! Сними доспехи, пока я разденусь. Достойный герольд, прошу тебя, предупреди своего благородного и доблестного господина, что смиренный английский сквайр молит снизойти до него и скрестить с ним копьё на этой дороге.

Но лорд Понс уже выезжал из-за деревьев – широкоплечий великан на могучем коне. Вместе они совершенно заполнили высокую темную арку, образованную переплетенными ветвями столетних дубов. Он был с ног до головы облачен в кованые доспехи, отливавшие бронзой. Только его лицо было открыто, но толком разглядеть удавалось лишь надменные глаза да черную бороду, ниспадавшую по бармице. На гребне шлема покачивалась привязанная к нему маленькая коричневая перчатка. Рука его держала длинное копьё с красным значком, который нес изображение черной кабаньей головы. Тот же герб был выгравирован на его щите. Он медленно ехал через лес, тяжеловесный, грозный, и лязг доспехов сливался с глухими ударами копыт его скакуна по твердой глине, а впереди звенела в отдалении серебряная труба, призывая всех встречных подивиться его величию и очистить дорогу перед ним, если они не хотят, чтобы он очистил ее от них.

Даже в самых сладких сновидениях Найджелу ничего подобного не грезилося, и, спешно разоблачаясь, он, поглядывая на это дивное видение, возносил благодарственную молитву доброму апостолу Павлу, который оказал столь великую милость своему недостойному слуге, направив его навстречу столь великолепному и безупречному рыцарю.

Но, увы! Сколь часто злокозненная судьба вырывает из нашей руки уже поднесенную к губам чашу! Несравненный случай покрыть себя славой внезапно обернулся нелепой катастрофой, настолько смехотворной и непоправимой, что до конца дней своих Найджел багрово краснел при воспоминании о ней. Он с лихорадочной быстротой сбрасывал охотничий костюм

– сапоги, шляпу, чулки, дублет, плащ – и остался уже в нижней розовой тунике и шелковых исподних, как вдруг герольд-оруженосец дунул в серебряную трубу над самым ухом запасной лошади, с которой Эйлвард приготовился снимать доспехи, чтобы подавать их, часть за частью, своему господину. Оглушенное животное вырвалось и галопом помчалось назад по тропе, унося на спине доспехи.

Эйлвард вспрыгнул на свою кобылу, пришпорил ее и во всю мочь понесся следом за беглянкой. Вот так за единый миг Найджел лишился своего скромного достоинства, двух лошадей, слуги, доспехов и превратился в одинокого невооруженного юнца, который в тунике и исподнем стоял на тропе, по которой на него медленно надвигалась могучая фигура лорда Понса.

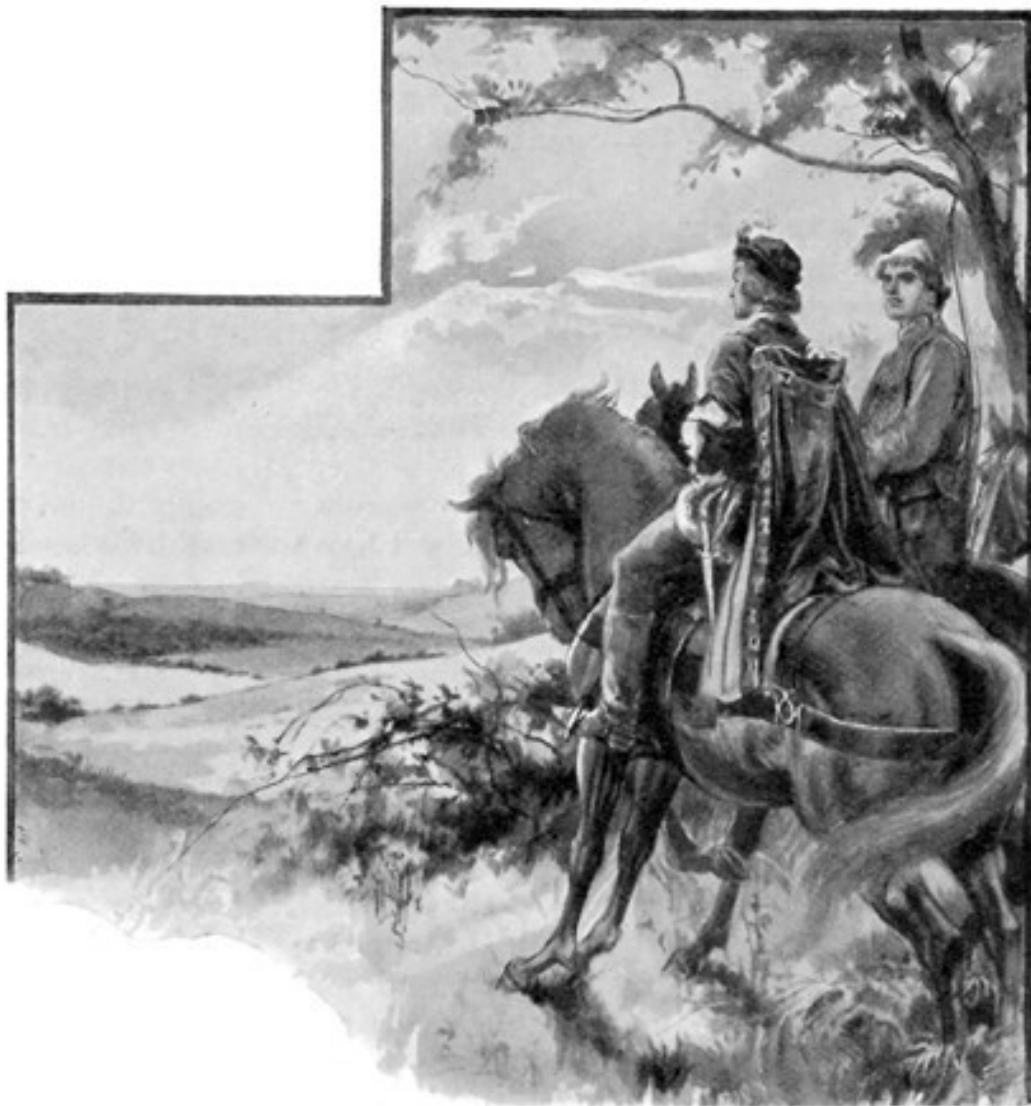
Странствующий рыцарь, чьи мысли были заняты прекрасной девицей, с которой он расстался в Сен-Жане (именно ее перчатка болталась на его шлеме), не заметил разыгравшейся трагедии. А потому теперь увидел только привязанного к дубу великолепного золотистого коня и невысокого мальчишку, видимо сумасшедшего, раз уж он вздумал раздеваться в глухом лесу и теперь стоял в одном исподнем среди второпях сброшенной одежды и смотрел на него с жадной настойчивостью. Разумеется, знатный лорд Понс не мог снизойти до лишнего взгляда на такое чучело и продолжал свой грозный путь, устремив надменный взор вдаль и размышляя о девице, оставшейся в Сен-Жане. Он смутно сознавал, что раздевшийся умалишенный еще долго бежал возле его стремени, прося, умоляя, убеждая.

– Только час, благороднейший сэр! Всего лишь час, и смиренный английский сквайр навеки останется твоим должником! Соблаговоли, молю, остановить коня, пока я вновь не обрету свою броню! Разве ты не снизойдешь показать мне свое искусство? Прошу тебя, благородный сэр, удели мне немного своего времени и один-два удара, прежде чем ты продолжишь путь.

Лорд Понс нетерпеливо дернул рукой в железной рукавице, словно отмахиваясь от назойливой мухи, а когда Найджел воззвал к нему уже совершенно отчаянно, пришпорил своего боевого коня и, гремя, как кимвалы, скрылся за дубами. А потом продолжил свой величавый путь, пока два дня спустя не был сражен лордом Реджинальдом Кобемом на поле под Уэйбриджем.

Когда Эйлвард после долгой погони поймал запасную лошадь и привел ее назад, он увидел, что его господин сидит на стволе упавшего дерева, закрыв лицо руками, вне себя от горя и унижения. Сказано ничего не было – что тут можно было сказать? И в утробном молчании они поехали дальше.

Но вскоре перед ними открылось зрелище, заставившее Найджела забыть о горьком разочаровании. Впереди поднялись башни величественного монастыря, возле которого на косогоре тянулась черная деревенька. Узнав от проходящего виллана, что перед ними аббатство Битвы, они, натянув поводья, остановились на невысоком гребне над долиной смерти, из которой, казалось, и теперь еще тянуло теплым запахом крови. Вон там, рядом с этим зловещим озером, среди вон того редкого кустарника на голом склоне длинной гряды, весь долгий день продолжалась исступленная битва между двумя достойными противниками, наградой же победителю должна была стать Англия. Вон там час за часом ряды наступающих накатывались на тот невысокий холм и снова откатывались, пока вся армия саксов не погибла, где стояла, – и король, и все его придворные, и каждый дружинник, и каждый ополченец пали там, где сражались. Но теперь, после всех смут и трудов, разгула тирании, яростного восстания и свирепого его подавления, воля Господня исполнилась, ибо нормандец Найджел и сакс Эйлвард, верные товарищи, делящие одни мысли и чувства, ехали, чтобы под одним знаменем и во имя одного дела сражаться за свою общую родину – Англию.

Долгий их путь приближался к концу. Впереди простиралось синее море, усеянное белыми пятнышками парусов. Вновь дорога пошла вверх, поднимаясь с лесной равнины на меловые холмы, поросшие жесткой короткой травой. Вдали справа виднелась угрюмая крепость Певенси, квадратная, неприступная, точно высеченная из одной огромной глыбы. За зубчатым парапетом блестели каски, а вверху развевалось королевское знамя Англии. Перед ними теперь лежало широкое, заросшее камышами болото, над которым поднимался единственный лесистый холм, увенчанный башнями, а к югу на некотором расстоянии от него над зеленой равниной шетинились корабельные мачты.

Найджел поглядел туда, приставив ладонь козырьком ко лбу, а затем пустил Бурелета рысью. Это был город Уинчелси, и там, в этом скоплении домов на вершине холма, его ждал доблестный Чандос.

Глава XIV

Как Найджел гнался за рыжим хорьком

Товарищи проехали брод, по вьющейся дороге поднялись на холм и, убедив стражу, что они те, за кого выдают себя, проехали под мрачной аркой пайпуэлских ворот. За ней посреди главной улицы, щуря единственный глаз от солнечных лучей, игравших на его лимонной бородке, широко расставив ноги и заложив руки за спину, стоял сам Чандос, а на его насмешливом горбоносом лице играла приветственная улыбка. Мальчишки, сбившись стайкой у него за спиной, благоговейно взирали на знаменитого воина.

– Добро пожаловать, Найджел! – сказал он. – И ты тоже, лучник. Я прогуливался по городской стене, взглянул на Удиморскую дорогу, увидел золотого коня и решил, что это, конечно, ты. Так какие же подвиги совершил юный странствующий оруженосец на своем пути из Тилфорда? Охранял мосты? Спасал похищенных девиц или нес смерть злодеям?

– Нет, благородный сэра, я ничего не совершил. Хотя мне и блеснула надежда... – Найджел густо покраснел при этом воспоминании.

– Ну, я тебе обещаю кое-что получше надежды, Найджел. Отправлю тебя туда, где ты можешь погрузить обе руки по локотки в опасности и славу, где ночью гибель будет спать с тобой в обнимку и первой приветствовать тебя поутру, где самый воздух насквозь ею пропахнет. Готов ли ты к этому, юный герой?

– Могу только вознести молитву, благородный сэра, чтобы крепость духа не оставила меня.

Чандос одобрительно улыбнулся и положил худую загорелую руку на голову юноши.

– Молодец! – сказал он. – Больнее кусает собака, которая помалкивает. Хвостун всегда норовит показать спину первым. Погоди уходить, Найджел, прогуляйся со мной по стенам. Лучник, пойдешь с лошадьми в «Вересковый цветок» дальше по этой улице и скажешь моим конюхам, чтобы они еще до темноты отвели их на борт «Томаса». Мы отплываем через два часа после заката, Найджел. Поднимемся на угловую башню, и я покажу тебе такое, чего ты никогда не видел.

Увидел Найджел всего лишь смутное облако над водой, далеко-далеко за мысом Дандженесс, но щеки его тотчас запылали, а к сердцу прилила жаркая кровь. Ведь это был берег Франции, страны рыцарства и чести, арена, на которой можно было завоевать себе имя и славу! Он вглядывался в нее горящими глазами и с ликованием думал, что уже совсем скоро ступит на ее священную землю. Затем взгляд его скользнул по голубому проливу в пятнышках рыбацких лодок и остановился на двойной гавани внизу, переполненной всевозможными судами и лодками: маленькие парусники, которые плавали у берегов, большие нефы, коги и галеры, которые служили и для войны и для торговли, это уж как приходилось. В эту минуту из гавани под рев труб и грохот литавр выходила величественная галера; над широким лиловым парусом реял флаг святого Георгия, а палуба от носа до кормы сверкала железом. Найджел даже ахнул от восторга.

– Да, малый, – сказал Чандос, – это «Троица», та самая, на которой я сражался при Слейсе. В тот день ее палуба была вся залита кровью. Но прошу тебя, посмотри на город и скажи: не замечаешь ли ты чего-нибудь странного?

Найджел посмотрел вниз на приятную прямую улицу, на Круглую башню, на прекрасную церковь Святого Томаса и другие красивые здания Уинчелси.

– Тут же все новое, – сказал он. – И храм, и замок, и дома – они все новые.

– Верно, милый сын. В дни моего детства тут на холме жили одни кролики, а город стоял вон там у моря. Потом как-то ночью поднялись такие волны, что ни единого дома не уцелело. Видишь, Рай в той стороне тоже ютится на холме – два города, точно две овцы, спасающиеся от

наводнения. А под синей водой за Чэмбер-Сэнд покоится истинный Уинчелси – замок, собор, городские стены и все остальное, что своими глазами видел мой дед, когда только-только короновался первый Эдуард.

Больше часа Чандос расхаживал по парапету, объясняя своему оруженосцу его обязанности и тайны военного искусства, а Найджел бережно запоминал каждое слово своего прославленного учителя. Много раз потом в часы тягот и опасностей он черпал силы в воспоминании об этой медленной прогулке взад и вперед между синим морем с одной стороны и прекрасным городом – с другой, когда умудренный опытом воин и бесстрашный рыцарь поучал его и наставлял, как мастер – усердного подмастерья.

– Быть может, милый сын, – сказал Чандос, – ты подобен многим другим молодым петушкам, которые, собираясь на войну, уже столько обо всем знают, что поучать их – простой перевод времени?

– Нет, мой благородный господин, я знаю только, что постараюсь выполнить свой долг и либо обрету честь и славу, либо достойно паду на поле брани.

– Твоя скромность мудра, – заметил Чандос. – Ведь те, кто хорошо знает войну, еще лучше знают, как много им еще неизвестно. Как есть свои тайны у рек и у лесов, так есть они и у войны, и благодаря им выигрываются или проигрываются сражения. Ведь все народы храбры, а когда храбрец встречается с храбрецом, победа останется за тем, кто осмотрителен и искушен в тонкостях войны. Лучшая гончая собьется со следа, если ее спустят со сворки не вовремя, и лучший сокол промахнется, если с него будут долго снимать путы. Точно так же самое храброе войско ничего не сумеет, если им плохо командуют. Во всем христианском мире не найти рыцарей и жандармов лучше, чем во Франции, и все же мы взяли над ними верх, потому что, воюя с шотландцами и еще в разных странах, глубже постигли те тайны войны, про которые я говорил.

– Но в чем заключается наша мудрость, милорд? – спросил Найджел. – Мне бы тоже хотелось узнать тайны войны и в сражении отличиться умом не меньше, чем мечом.

Чандос с улыбкой покачал головой.

– Пускать сокола и гончую ты учишься на холмах и в лесу, – сказал он. – А тайны войны постигаются в походах и на полях сражений. Только там каждый великий полководец проникает в них. Для этого он должен обладать холодным умом, быстротой мысли и быть мягким, как воск, пока его план не созреет, а уж тогда становиться тверже железа. Ему всегда надо быть начеку и в то же время осмотрительным, но уметь переменить осмотрительность на безрассудство, если оно сулит большую выгоду малой ценой. А также он должен уметь угадать особенности местности по течению рек и ручьев, по пологости холмов, по густоте лесов или яркой зелени трясин.

Это перечисление ошеломило беднягу Найджела, который полагал проложить себе дорогу к славе только с помощью копья да Бурелета.

– Увы! – вскричал он. – Как мне постигнуть все это? Ведь даже читать и писать я научился с грехом пополам, хотя достойный отец Мэттью что ни день ломал ореховый прут о мои плечи!

– Постигнешь ты все это, милый сын, так же и там же, где все остальные до тебя. Ведь тебе дано самое главное – пылающее сердце, которое способно заронить искру в другие, более холодные сердца. Но тебе следует узнать и то, чему нас научила война еще в старину. Мы, например, знаем, что конница одна не может надеяться на победу над хорошей пехотой. Разве не было это доказано при Куртре, при Стерлинге и снова на моих глазах при Креси, когда цвет французского рыцарства был скошен нашими лучниками?

Найджел уставился на него, недоуменно хмурия лоб:

– Благородный сэр, чем дольше я вас слушаю, тем тяжелее у меня на душе. Значит ли это, что и наши собственные рыцари уступят при встрече с лучниками, алебардщиками и прочими?

– Нет, Найджел! Прошлые битвы столь же ясно показали, что самые лучшие пешие воины без поддержки своих рыцарей не выдерживают натиска всадников в броне.

– Так кому же достается победа? – спросил Найджел.

– Тому, кто сумеет так расположить свою конницу и свою пехоту, чтобы они делали друг друга сильнее. Порознь они слабы, вместе сильны. Лучники расстраивают ряды врага, конники прорывают их, когда они расстроены, как было при Фолкерке и Дуплине, – вот тайна нашей силы. Да, кстати, Фолкерк стоит того, чтобы ты узнал про него поподробнее.

Он принялся хлыстом набрасывать в пыли план этого сражения, а Найджел, сосредоточенно хмуриясь, напрягал свой не такой уж большой запас ума, чтобы извлечь побольше пользы, но тут их беседа была внезапно и весьма странно прервана.

Вдоль парапета к ним, полиловев и с трудом отдуваясь, поспешал низенький толстяк, словно борясь с ветром: седые волосы растрепались, черный плащ колыхался у него за спиной. Одет он был в костюм богатого горожанина – черный кафтан, отороченный соболем, черная бархатная шляпа с белым пером. При виде Чандоса он испустил радостный крик и припустил еще быстрее, а остановившись перед ним, только пыхтел и беспомощно взмахивал руками.

- Не торопись, почтенный мастер Уинтерсол, не торопись, – мягко сказал Чандос.
- Бумаги! – прохрипел толстячок. – Милорд Чандос, бумаги!
- Что с бумагами, любезный?
- Клянусь нашим милостивым покровителем святым Леонардом, я ни в чем не виноват! Я запер их в железном сундучке. Но замок взломали, а сундучок опустошили. На пронизательное лицо рыцаря легла тень.
- Как так, почтенный мэр? Соберись с мыслями, перестань лепетать, как трехлетнее дитя! Ты сказал, что кто-то украл бумаги?
- Да-да, благородный сэр! Трижды был я мэром Уинчелси, пятнадцать лет член магистрата и ни единой ошибки не допускал. Да вот только в прошлом месяце пришло повеление из Виндзора во вторник, чтоб для пира в пятницу доставить тысячу штук трески, четыре тысячи штук камбалы, две тысячи макрелей, пятьсот крабов, тысячу омаров, пять тысяч мерлангов...

- У меня нет сомнений, почтенный мэр, что ты превосходный рыбак, но мы ведь говорим о бумагах, которые я отдал тебе на хранение. Где они?
- Пропали, благородный сэр! Украдены.
- И кто посмел их украсть?
- Увы! Сие мне неизвестно. Я оставил комнату не более чем на время, за которое можно прочесть «Богородицу», а когда вернулся, сундучок лежал на столе выпотрошенный.
- И ты никого не подозреваешь?

– Вот разве что конюха. Он поступил ко мне на службу неделю назад. А теперь куда-то пропал, и я послал погоню по Удиморской дороге и в Рай разыскать его. Клянусь святым Леонардом, они его схватят! Такие волосы и на полет стрелы видны.

– Рыжие? – быстро осведомился Чандос. – Огненные, как у лисы? А сам он маленький, рябой и очень быстрый?

– Точь-в-точь.

Чандос сердито погрозил кому-то кулаком и быстро спустился по лестнице.

– Опять Пьер Рыжий Хорек! – сказал он. – Я его знал еще во Франции, где он один причинил нам больше вреда, чем целый отряд жандармов! По-английски говорит не хуже, чем по-французски, а дерзость и хитрость его таковы, что от него нет никаких тайн. Во всей Франции не сыскать человека опаснее. Хоть он из знатного рода с гербом, но стал лазутчиком: больше опасностей, а значит и чести.

– Милорд! – пропыхтел мэр, еле успевая за широко шагающим рыцарем. – Я знаю, ты меня предупредил, чтобы я берег эти бумаги как зеницу ока, но что в них такого секретного? Просто распоряжения, какие припасы послать следом за вами в Кале...

– И этого мало? – нетерпеливо перебил Чандос. – Или ты не понимаешь, любезнейший глупец Уинтерсол, что французы прослышали о наших приготовлениях и послали Рыжего Хорька, как уже много раз его посылали, разведать, куда это мы собрались? Теперь он знает, что припасы отправляются в Кале, и французы в тамошнем краю будут предупреждены, а план короля потерпит неудачу.

– А! Так он будет удирать морем? Ну, его можно нагнать. Еще и часа не прошло.

– Судно могло ждать его в Рае или в Хите, но вероятнее, он отправится прямо отсюда. Вон поглядите! Бьюсь об заклад, на палубе там Рыжий Хорек собственной персоной!

Чандос остановился перед «Вересковым цветком» и указал на внешнюю гавань в двух милях от них за зеленой равниной, соединенную каналом с внутренней гаванью у подножия холма, на котором стоял город. Там, между рогами двух коротких изогнутых волноломов, небольшой парусник пританцовывал на волнах под крепким южным бризом, направляясь в пролив.

– Он не из Уинчелси! – заявил мэр. – Наши покороче и поуже.

– Лошадей! – крикнул Чандос. – Ну-ка, Найджел, разберемся в этом деле получше.

У ворот «Верескового цветка» пели, орали, дружески боролись конюхи, лучники и жандармы, но одного вида высокой худой фигуры Чандоса было достаточно, чтобы они мгновенно занялись своими обязанностями; несколько минут спустя Чандос с Найджелом уже направили коней к крутому спуску с холма и во весь карьер понеслись через поросшую осокой равнину к внешней гавани. Там стоял десяток судов, готовых отплыть в Бордо или в Ла-Рошель, и пристань кишела матросами, грузчиками и горожанами, сновавшими среди винных бочонков и тюков шерсти.

– Кто тут начальник? – крикнул Чандос, спрыгивая с коня.

– Бэддинг! Где Кок Бэддинг? Бэддинг начальник! – ответил хор голосов.

Мгновение спустя сквозь толпу протолкался плотный смуглый человек с бычьей шеей и грудью колесом. Одет он был в бурую рубаху из грубой шерсти и такие же штаны. Черные курчавые волосы стягивал атласный платок. Рукава он закатал по плечи, и его загорелые, вымазанные в жире и дегте руки походили на два толстых корявых сука на дубовом пне. Суровое смуглое лицо, рассеченное от виска до подбородка белесым бугристым шрамом от плохо зажившей раны, угрюмо хмурилось.

– Э-эй, благородные господа, и что вам не терпится? – сердито пробурчал он глубоким басом. – Или вы не видите, что мы выводим «Розу Гиени» на глубину перед отливом? Нашли время допекать нас! Ваше добро будет погружено в свой час, это я вам обещаю. Поезжайте

назад в город и забавляйтесь там как сможете, а меня и моих товарищей оставьте заниматься своим делом.

– Так это же благородный Чандос! – крикнул кто-то. – Это добрый сэр Джон!

Разгневанный начальник порта мгновенно расплылся в улыбке:

– Промашка вышла, сэр Джон! Вы уж простите меня за грубую речь, да только нам в портах житья нет от знатных молокососов! Отрывают нас от дела и еще винят, отчего это мы не меняем отлив на прилив или южный ветер на северный. Так чем я могу вам услужить?

– Вон тот парусник, – сказал Чандос, указывая на прыгающий вдали по волнам белый треугольник. – Откуда он и куда направляется?

Кок Бэддинг приставил крепкую ладонь к зорким глазам.

– Так он только-только отчалил, – сказал он. – «Ла Пусель» привез вино из Гаскони, а назад везет бочарную клепку.

– Скажи, а перед самым отплытием на него никто не сел?

– Не могу сказать. Я никого не видел.

– А я видел! – крикнул моряк из толпы. – Стою я на краю пристани и чуть в воду не полетел, так он меня оттолкнул. Рыжий такой, щуплый и дышал, будто от города всю дорогу бегом бежал. Я ему и тумака толком не отвесил, как он прыгнул на борт, а они сразу отдали концы и повернули в море.

Чандос коротко объяснил Бэддингу суть дела, а толпа с жадностью ловила каждое слово.
– Эгей! – завопил кто-то. – Сэр Джон верно говорит. Видите, куда его нос смотрит? В Пикардию он идет, а не в Гасконь, клепка там или не клепка.

– Ну так мы его изловим! – крикнул Кок Бэддинг. – Пошли, ребята! Моя «Мари-Роз» уже готова отчалить. Кому охота немножко поплавать и подраться?

Вся толпа ринулась к сходням. Но дюжий моряк не собирался брать всех и каждого.

– Нет, Джерри! Сердце у тебя храброе, да только разжирел ты для такой работы. Эй, Люк, и ты, Томас, братья Дидсы и Уильям из Сэндгета, вы будете управляться с парусами. А теперь те, кто хорошо дерется. Поплывешь с нами, благородный сэр, хоть ты росточком и не вышел?

– Молю тебя, милорд, отпусти меня с ними! – вскричал Найджел.

– Отправляйся, Найджел. А твоего коня и доспехи я вечером доставлю в Кале.

– Жди меня там, мой благородный господин. И с Божьей помощью я привезу туда Рыжего Хорька.

– На борт! На борт! Время не ждет! – нетерпеливо кричал Бэддинг, а его матросы уже ставили парус. – А ты еще кто такой?

Обращался он к Эйлварду, который проталкивался по сходням следом за Найджелом.

– Куда мой господин, туда и я! – крикнул Эйлвард. – Посторонись, шкипер, а то как бы тебе не пожалеть!

– Клянусь святым Леонардом, лучник, – буркнул Кок Бэддинг, – будь у меня время, я бы тебя проучил. А теперь попяться, не загораживай дорогу другим!

– Нет, уж лучше ты мне дорогу не загораживай! – воскликнул Эйлвард, обхватил Бэддинга поперек живота и бросил в воду.

Толпа угрожающе взревела, потому что Бэддинг был героем Пяти Портов и ни разу еще не встречал соперника, равного себе. По сей день сохранилась эпитафия, указывающая, что он «утихомиривался, лишь подравшись всласть». И потому, когда он, как утка, вынырнул, ухватился за канат и вскарабкался по нему на пристань, все благоговейно замерли, чтобы в подробностях увидеть, какая ужасная судьба постигнет дерзкого чужака. Но Бэддинг, вытряхивая соленую воду из волос и протирая глаза, оглушительно захохотал.

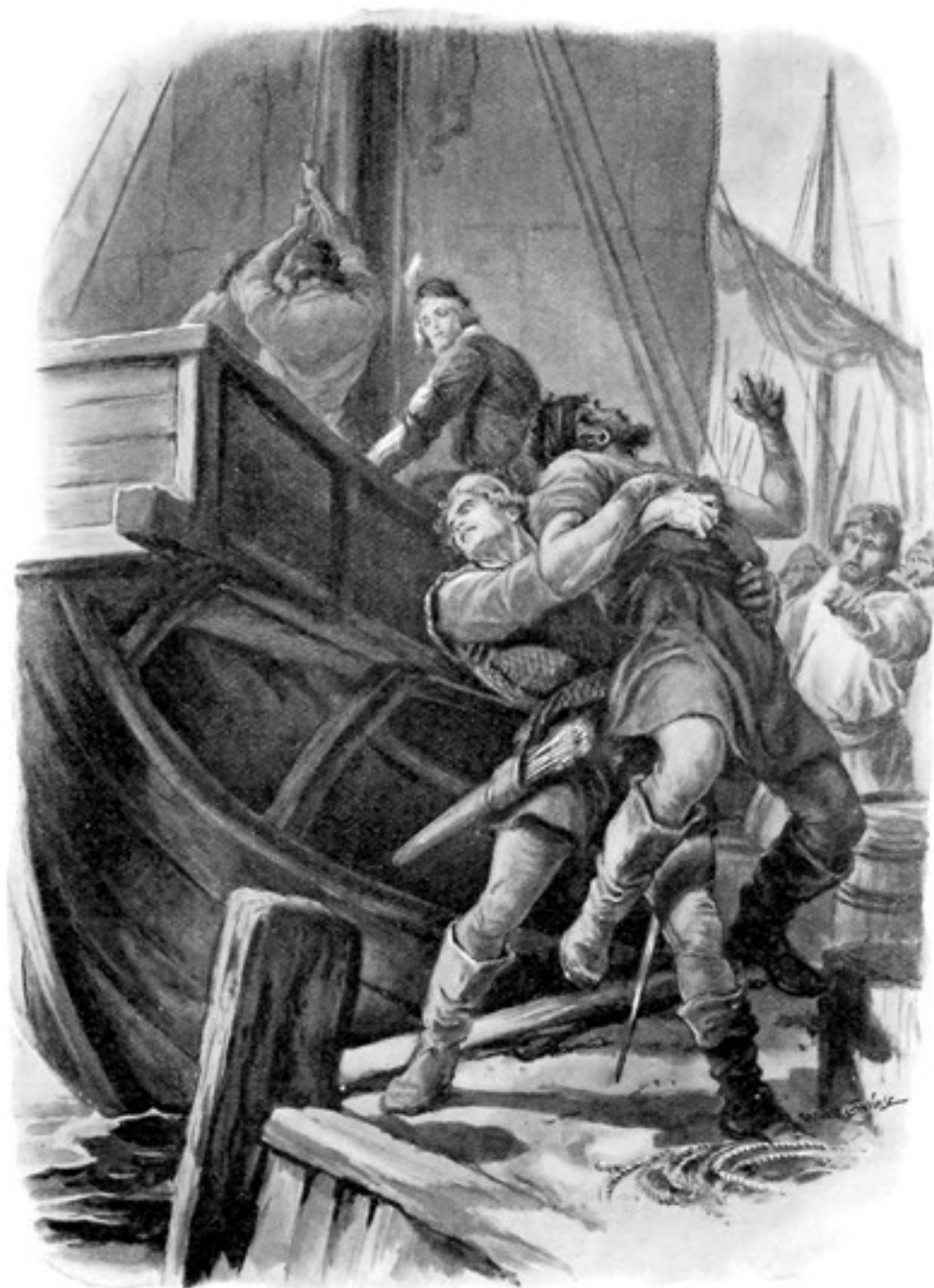
– Ты честно заработал свое место, лучник, – сказал он. – Тебя-то нам и надо. А где Черный Саймон из Нориджа?

Вперед вышел смуглый молодой человек с худощавым суровым лицом.

– Вот я, Кок, – сказал он. – Спасибо, что берешь меня.

– Еще ты, Хью Бэдлсмир, и ты, Хэл Мастерс, и ты, Дикон из Рая. И хватит. А теперь, во имя Божье, отчаливаем, не то нам их до темноты не нагнать.

Большой парус и передние паруса были поставлены, и десятки ретивых рук принялись шестами отталкивать «Мари-Роз» от пристани. Паруса наполнились ветром, и, накренившись, вся содрогаясь от нетерпения, словно гончая, рвущаяся со сворки, она пронеслась через выход из гавани в пролив. «Мари-Роз» из Уинчелси была знаменитым корабликом, и много раз ее дерзкий владелец, полоторговец-полупират Кок Бэддинг, приводил ее в порт с богатым грузом, взятым где-то в Ла-Манше и оплаченным не деньгами, а кровью. Хоть была она невелика, но ее быстрота и свирепость владельца превратили ее в пугало всего французского побережья. Да и купцы из Фландрии или балтийских портов, входя в Па-де-Кале, боязливо вглядывались в отдаленный берег Кента, не появится ли на фоне меловых обрывов злоеший лиловый парус с золотым изображением святого Христофора. Теперь, когда суша осталась позади, «Мари-Роз» неслась под всеми парусами, разрезая высоким острым носом пенные волны.

Кок Бэдинг с небрежным видом прохаживался по палубе и поглядывал то на надутые паруса у себя над головой, то на наклонный белый треугольник, четко выделявшийся на фоне ясного синего неба. Позади виднелись кэмберские болота, холмы Уинчелси и Рая и цепь береговых обрывов за ними. Слева вздымались огромные меловые утесы Фолкстона и Дувра, а вдали на горизонте серой дымкой маячил французский берег, куда устремлялись беглецы.

– Клянусь святым Павлом! – воскликнул Найджел, жадно всматриваясь в даль над пляшущими волнами. – Сдается мне, мастер Бэдинг, что мы их нагоняем!

Шкипер оценил расстояние опытным взглядом, а потом перевел глаза на клонящееся к западу солнце.

– У нас до темноты есть еще четыре часа, – сказал он. – Но коли мы их за этот срок не захватим, они ускользнут. Ночи теперь черней волчьей пасти, и гнаться за ними, не видя, куда они поворачивают, никому не по силам.

– Но разве ты не можешь догадаться, в какой порт они направляются, и перехватить их там?

– Неплохо придумано, маленький сквайр! – воскликнул Бэддинг. – Коли они везут вести французам под Кале, то ближе всего к Сент-Омеру будет Амблетез. Но моя девочка бежит в полтора раза быстрее этой лохани, и, если ветер не переменится, мы управимся задолго до сумерек. Э-эй, лучник! В море-то ты меня бросил, чтобы с нами пойти, а теперь и сам не рад?

Эйлвард сидел на привязанном к палубе перевернутом ялике, зажимал в ладонях позеленевшее лицо и жалобно постанывал.

– Я бы хоть сейчас опять скинул тебя в море, шкипер, – ответил он, – лишь бы убраться с твоей чертовой посуды на берег. А может, хочешь поквитаться? Так я только спасибо тебе скажу, коли ты мне пособишь перевалить за борт, потому что я тут лишний груз. Кто бы мне сказал, что Сэмкин Эйлвард от часа на соленой воде всех сил лишится? Будь проклят тот день, когда я покинул красные вереска Круксбери и твердую землю!

Кок Бэддинг зычно захохотал.

– Ничего, лучник, не кручинься, – сказал он. – На этой палубе охали люди почище тебя и меня. Как-то довелось мне везти во Францию самого принца и десять лучших его рыцарей, ну в жизни я не видывал одиннадцать таких зеленых лиц! А ведь и месяца не прошло, как под Креси к ним все силы вернулись. То же и с тобой будет, когда настанет время. Уткнись-ка крепкой своей головой в настил, и скоро тебе полегчает. А мы их нагоняем! С каждым порывом ветра.

И действительно, даже неопытный глаз Найджела замечал, что «Мари-Роз» настигает тяжелое тупоносое судно с широкой кормой, которое тяжело взбиралось на волны. Быстрый хищный маленький кораблик из Уинчелси летел за ним под шипение пены, точно сокол, настигающий жирную утку, которая еле взмахивает крыльями. Еще полчаса назад «Ла Пусель» была лишь белым пятнышком на горизонте. Теперь они уже ясно различали черную корму, нижний край ее парусов и планширь. На палубе было не менее десяти человек, и блеск оружия доказывал, что сдаваться они не намерены.

Кок Бэддинг прикинул, какие силы есть в его распоряжении. Во-первых, семь дюжих, проверенных в деле моряков, которые побывали с ним во многих переделках. Вооружены они были короткими мечами, а он полагался на свое особо любимое оружие – двадцатифунтовый кузнечный молот. (В Пяти Портах все еще живет память о «бэддингской колотушке».) Далее пылкий Найджел, приунывший Эйлвард, Черный Саймон, мастер рубиться на мечах, и три лучника – Бэдлсмир, Мастерс и Дикон из Рая, все трое ветераны французских войн. Если они и уступали французам численностью, то ненамного, но Бэддинг, обводя взглядом смелые суровые лица людей, ожидавших его распоряжений, не сомневался, что в любом случае преимущество на его стороне.

Однако, поглядев вокруг, он обнаружил помеху, по его мнению куда более серьезную, чем сопротивление врагов. Ветер, который последние минуты дул прерывисто и все более слабел, вдруг совсем стих, и паруса разом обвисли. До горизонта протянулась полоса штиля, и пляска волн сменилась пологой, словно маслянистой зыбью, равномерно покачивающей оба суденышка.

При каждом соскальзывании вниз и подъеме гик «Мари-Роз» погромыхивал и скрипел, а узкий высокий нос то задирался в небо, то опускался, исторгая новые стоны у злополучного Эйлварда. Тщетно Кок Бэддинг ловил парусами каждый легкий ветерок, порой морщивший гладкую поверхность зыби, – французский шкипер тоже был опытным моряком, и его гик тоже поворачивался при каждом движении воздуха.

Но затем воздух обрел полную неподвижность, и безоблачное небо гляделось теперь в зеркальное море. Солнце уже почти касалось горизонта, за мысом Дандженесс, по западному небосклону разливался пожар заката, превращавший и небо и море в одно багряное сияние. Зыбь накатывалась в пролив из океана валами расплавленного золота. На величественном фоне мирной красоты вечной природы две темные скорлупки с белым и лиловым парусами, качающиеся на необъятном лоне вод, выглядели крохотными, но были вместилищем неумных и буйных страстей человеческих.

Шкипер по опыту знал, что до сумерек ветер не поднимется. Он поглядел на француза всего в какой-то четверти мили по носу и корявым кулаком погрозил головам, торчавшим над кормой. В ответ чья-то рука насмешливо помахала ему белым платком, и Кок Бэддинг злобно выругался.

– Клянусь святым Леонардом Уинчелсийским! – крикнул он. – Я еще притрусь своим бортом к вашему! Спускайте ялик, ребята! Двое на весла. Уилл, привяжи конец к мачте покрепче! Прыгай в ялик, Хью! Я сяду с тобой. Если поднатужимся, то доберемся до них засветло.

Ялик был быстро спущен на воду, второй конец каната надежно привязан к его корме, Кок Бэддинг и его товарищи навалились на весла, и маленькое судно медленно поползло вперед по зыби. Но минуто спустя с борта француза на воду плюхнулась лодка побольше и на весла сели четыре матроса. Если «Мари-Роз» продвигалась на ярд, француз продвигался на два ярда. Вновь Кок Бэддинг в ярости потряс кулаками и влез обратно на палубу, весь мокрый от пота и черный от злости.

– Будь они прокляты! Верх за ними остался! – кричал он. – Я больше ничего не могу. Не видать сэру Джону своих бумаг. Ночь близка, а я не знаю, как до них добраться.

Все это время Найджел, прислонясь к борту, внимательно следил за моряками, моля по очереди святого Павла, святого Георгия и святого Томаса о крепком порыве ветра, который позволил бы им догнать врага. Он молчал, но его горячее сердце пылало, а дух воспарял над неприятностями, чинимыми морем, и он был настолько поглощен мыслями об успешном выполнении данного ему поручения, что не обращал внимания на качку, уложившую Эйлварда на палубу. Он не сомневался, что Кок Бэддинг так или иначе добьется своей цели. Когда же он услышал вырвавшийся у шкипера вопль отчаяния, то одним прыжком очутился перед ним, горя отвагой.

– Клянусь святым Павлом! – вскричал он. – Почтенный шкипер, если мы отступим сейчас, нам от стыда больше никогда не поднять головы! Совершим на воде в эту ночь хоть малое

славное дело, и пусть нам больше не видеть суши! Ведь это поистине редкий случай снискать честь и славу.

– Прощу прощения, маленький сквайр, но говоришь ты, как дурак, – возразил неучтивый мореход. – Ты и все твоё племя, чуть попадете на синюю воду, так становитесь хуже малых ребят. Или ты не видишь, что ветра нет никакого, а тянут они свою лохань побыстрее нас? Так чего же ты хочешь?

Найджел указал на ялик, привязанный за кормой.

– Поплывем на этой лодке, – сказал он, – и захватим их корабль или погибнем со славой.

Его горячие гордые слова нашли отклик в грубых, но храбрых сердцах матросов и лучников, которые ответили ему дружным криком, и даже Эйлвард сел прямо с бледной улыбкой на измученном лице.

Но Кок Бэддинг покачал головой.

– Мне еще не встречался человек, который повел бы туда, куда я бы устранился пойти за ним, – сказал он. – Но, клянусь святым Леонардом, это чистое безумие, и надо быть дураком, чтобы зря потерять и своих людей, и свой корабль. Ялик, маленький сквайр, от силы поднимет пять человек и уже будет черпать воду. А там их четырнадцать, не меньше, и смотреть, сложа руки, как ты лезешь к ним на борт, они не станут. И как же ты думаешь взять над ними верх? Ялик утопят, и тебя вместе с ним. Губить своих людей по глупости я не дам, мое слово твердо.

– Тогда, почтенный Бэддинг, одолжи мне свой ялик. Клянусь святым Павлом, так просто бумаги доброго лорда Чандоса они не получат! Я один поплыву.

Шкипер только улыбнулся. Но улыбка исчезла с его губ, когда Найджел с лицом неподвижным, точно вырезанным из слоновой кости, со стальной решимостью в глазах начал подтягивать ялик к кормовому подзору. Было ясно, что он сделает то, что сказал. Эйлвард тяжело поднялся с палубы, на секунду привалился к фальшборту и, пошатываясь, побрел на корму за своим господином.

– Есть один, кто поплывет с тобой, – сказал он. – А то как он покажется на глаза тилфордским девушкам? Эй, лучники, пусть соленые селедки маринуются в своей кадучке, а мы попытаем удачу на воде.

Трое лучников тотчас присоединились к своему товарищу. Загорелые, бородатые, они, как и большинство англичан в те времена, были низкорослыми, но крепкими, закаленными и искусными в обращении со своим оружием. Каждый извлек тетиву из непромокаемого футляра, согнул крутой дугой огромный боевой лук и надел ее на зарубки. Потом затянул понадежнее пояс с мечом.

– Сквайр, мы с тобой, – сказали они.

Но Кок Бэддинг уже поддался боевому азарту и отбросил все страхи и сомнения. Смотреть на схватку и не участвовать в ней было свыше его сил.

– Ладно, будь по-твоему! – крикнул он. – И да поможет нам святой Леонард, ибо другого такого безрассудства я не запомню. Но почему не попробовать? Только дай уж мне распоряжаться, маленький сквайр. Ведь в лодках ты понимаешь не больше, чем я в боевых конях. Ялик поднимет пятерых и ни одного больше. Так кого возьмем?

Но все уже загорелись боевым огнем, и никто не хотел уступить другому место в хрупкой лодочке. Бэддинг поднял с палубы свой молот.

– Я сам поплыву, – сказал он. – И ты, маленький сквайр, раз уж твоя горячая голова замыслила такое. Потом Черный Саймон, лучший меч во всех Пяти Портах. Двух лучников посадим на весла, и, может, они подстрелят с воды парочку-другую французов. Хью Бэдлмир и ты, Дикон из Рая, прыгайте в лодку!

– Как? – крикнул Эйлвард. – А я, значит, останусь? Я – собственный лучник сквайра? Плохо придется тому, кто встанет у меня на дороге!

– Нет, Эйлвард, – сказал Найджел, – я приказываю тебе остаться. Ты совсем обессилел.

– Теперь, когда волны поутихли, все прошло. Прошу тебя, мой благородный господин, не оставляй меня здесь.

– Не отнимай места у того, от кого проку больше, – сурово буркнул Бэддинг. – Ты же грести не умеешь. Довольно глупостей, и посторонись, ведь уже смеркается.

Эйлвард внимательно посмотрел на французское судно.

– Френемский пруд я переплывал десять раз подряд, – сказал он. – А уж туда-то запросто доплыву. Клянусь моими десятью пальцами, Сэмкин Эйлвард еще вас обгонит!

Ялик отошел от борта «Мари-Роз» и медленно поплыл к французскому судну, то поднимаясь, то опускаясь на зыби. Кок Бэддинг и лучник гребли, каждый одним веслом, второй лучник сидел на носу, а Черный Саймон и Найджел притулились на корме, где вода плескалась и шипела у самых их локтей. С «Ла Пусели» донеслись вызывающие крики. Французы выстроились у борта, грозя кулаками и размахивая оружием. Солнце уже опускалось за Дан-женесс, и вечерние тени затянули небо и воду одинаковой серой дымкой. Все окутывала глубокая тишина, нарушаемая только плеском весел и чмоканьем воды о борта ялика. Оставшиеся на «Мари-Роз» в молчании неотрывно следили за тем, как их товарищи приближаются к своей цели.

Теперь они уже могли хорошо разглядеть французов, среди которых выделялся смуглый великан с длинной черной бородой и топором на плече. Они насчитали еще десятерых хорошо вооруженных, видимо, опытных бойцов, а трое были совсем юные, почти мальчишки.

– Пустить стрелу? – спросил Хью Бэдлсмир. – Наши луки бьют и дальше.

– Стрелять вы можете только по очереди, – ответил Кок Бэддинг. – Одной ногой упрешься в нос, другой в скамью. Сделай, что сможешь, а мы тем временем подойдем к ним вплотную.

Лучник занял удобную позицию в качающейся скорлупке с ловкостью человека, выросшего на море, – недаром он родился и всю жизнь провел в Пяти Портах. Он аккуратно наложил стрелу, с силой натянул тетиву и точно прицелился. Но в этот миг ялик зарылся носом в воду и стрела пронизала волну. Вторая пронеслась над суденышком, третья впиалась в его черный борт. Затем Бэдлсмир выпустил десять стрел с такой молниеносной быстротой, что иногда в воздухе их одновременно было две. Многие, пролетев над планширем, падали на палубу. Но внезапно до них донесся крик боли, и французы разом исчезли из виду.

– Довольно! – крикнул Бэддинг. – Один свалился, а может, и двое. К борту, к борту, во имя Господа, пока они не опомнились!

Они с лучником навалились на весла, но тут в воздухе что-то просвистело, и послышался четкий, резкий звук, словно камень ударился о стену. Бэдлсмир прижал руки к голове, застонал и свалился в воду, оставив на ее поверхности кровавое пятно. Мгновение спустя послышался тот же свист, завершившийся громким треском, – в борт ялика глубоко впиалась короткая толстая стрела со свинцовым наконечником, пущенная из арбалета.

– К борту, к борту! – рычал Бэддинг, изо всех сил гребя своим веслом. – Святой Георгий за Англию! Святой Леонард за Уинчелси! К борту!

Но вновь звякнул арбалет, и Дикон из Рая опрокинулся на дно ялика со стрелой в плече. – Смилуйся надо мной, Бог, – простонал он. – Мне конец.

Бэддинг выхватил у него весло – но для того лишь, чтобы повернуть ялик к «Мари-Роз». Попытка их кончилась полной неудачей.

– Что нас остановило, шкипер? – воскликнул Найджел. – Нам нельзя отступать!

– Из пяти нас осталось трое, – ответил Бэддинг. – А их там ждет не меньше двенадцати. Четверо на одного слишком много, маленький сквайр. Вот вернемся и поставим щит против стрел, арбалетчик-то у них меткий. И надо торопиться, ведь уже темнеет.

Французы приветствовали их отступление торжествующими воплями и заплясали от радости, потрясая оружием над головой. Но их ликование еще не кончилось, когда они увидели, что из тени «Мари-Роз» снова выплывает ялик с большим деревянным щитом на носу и начинает быстро и без колебаний приближаться к ним. Раненого лучника подняли на борт, и его место занял бы Эйлвард, только он куда-то исчез. В ялик прыгнул Хэл Мастерс, третий лучник, и матрос Уот Финнис из Хита. Полные решимости победить или погибнуть, они подошли к борту «Ла Пусели» и вскарабкались на ее палубу. В тот же миг тяжелая железная болванка пробила днище ялика, и у них остался лишь один путь к спасению – победа.

Арбалетчик стоял под мачтой, приложив к плечу свое страшное оружие: металлическая тетива была оттянута до упора, стрела лежала в желобке. Вот-вот они потеряют еще одного человека. Но арбалетчик чуть промедлил, выбирая цель, он перевел взгляд с матроса на Бэддинга, чей грозный вид прельстил его больше. Тут зазвенела тетива Хэла Мастерса, и длинная стрела пронзила горло арбалетчика. Кровь хлынула у него изо рта, и он рухнул на палубу.

Мгновение спустя меч Найджела и молот Кока Бэддинга нашли свои жертвы и заставили противников отступить. Все пятеро благополучно выбрались на палубу, однако самое трудное было еще впереди. Французские моряки, нормандцы и бретонцы, вооруженные топорами и мечами, отличались крепостью и силой. Ни в храбрости, ни в умении отказать им было нельзя. Они напали на маленький отряд со всех сторон. Черный Саймон свалил чернобородого французского шкипера, но тут же сам упал с рассеченным скальпом. Сокрушительный удар топора

покончил с Уотом из Хита. Найджела сбили с ног, хотя он тут же вскочил и пронзил мечом нападавшего.

Но его вместе с Бэдингом и Мастерсом оттеснили назад к борту, им становилось все труднее отбивать яростные выпады врагов, как вдруг стрела, словно бы пущенная с моря, поразила в сердце переднего из нападавших. Мгновение спустя к борту пристала лодка, и на залитую кровью палубу вскарабкались четыре моряка с «Мари-Роз». В следующую минуту оставшиеся французы были перебиты или схвачены. Девять распростертых на палубе фигур показывали, каким бешеным было нападение и каким отчаянным – сопротивление.

Бэдинг оперся на молот, еле переводя дыхание.

– Клянусь святым Леонардом! – воскликнул он. – Я уж думал, что маленький сквайр притащил нас сюда на погибель. Бог видит, подоспели вы как раз вовремя, хоть и не понимаю, откуда вы взялись! Но уж без этого лучника дело не обошлось.

Первым, кого они увидели, был Эйлвард, все еще бледный после морской болезни и насквозь мокрый. Найджел уставился на него в изумлении.

– Я искал тебя на нашем корабле, Эйлвард, – сказал он. – Но нигде не увидел.

– А потому что я был в воде, благородный сэр, и, клянусь луком, моему животу это куда полезнее, чем плавать по ней! Я еще в первый раз поплыл за вами, заметив, что французы привязали свою лодку к корме, и задумал захватить ее, пока вы будете их отвлекать. Но когда доплыл, вы уже повернули назад, а потому я укрылся за ней и начал молиться так, как давно уже не молился. А тут вы поплыли к ним снова, смотреть на меня было некому, и я залез в лодку, перерубил веревку, взял весла и отправился за подкреплением.

– Клянусь святым Павлом! Ты действовал очень разумно и ловко, – сказал Найджел. – И, думается мне, всех больше чести досталось нынче на твою долю. Однако ни среди мертвых,

ни среди живых я не вижу никого, похожего на Рыжего Хорька, каким его описал сэр Чандос. Того, кто чинил нам в прошлом столько вреда. Судьба зло над нами подшутила, если после всех наших трудов окажется, что удрал он во Францию на каком-то другом корабле.

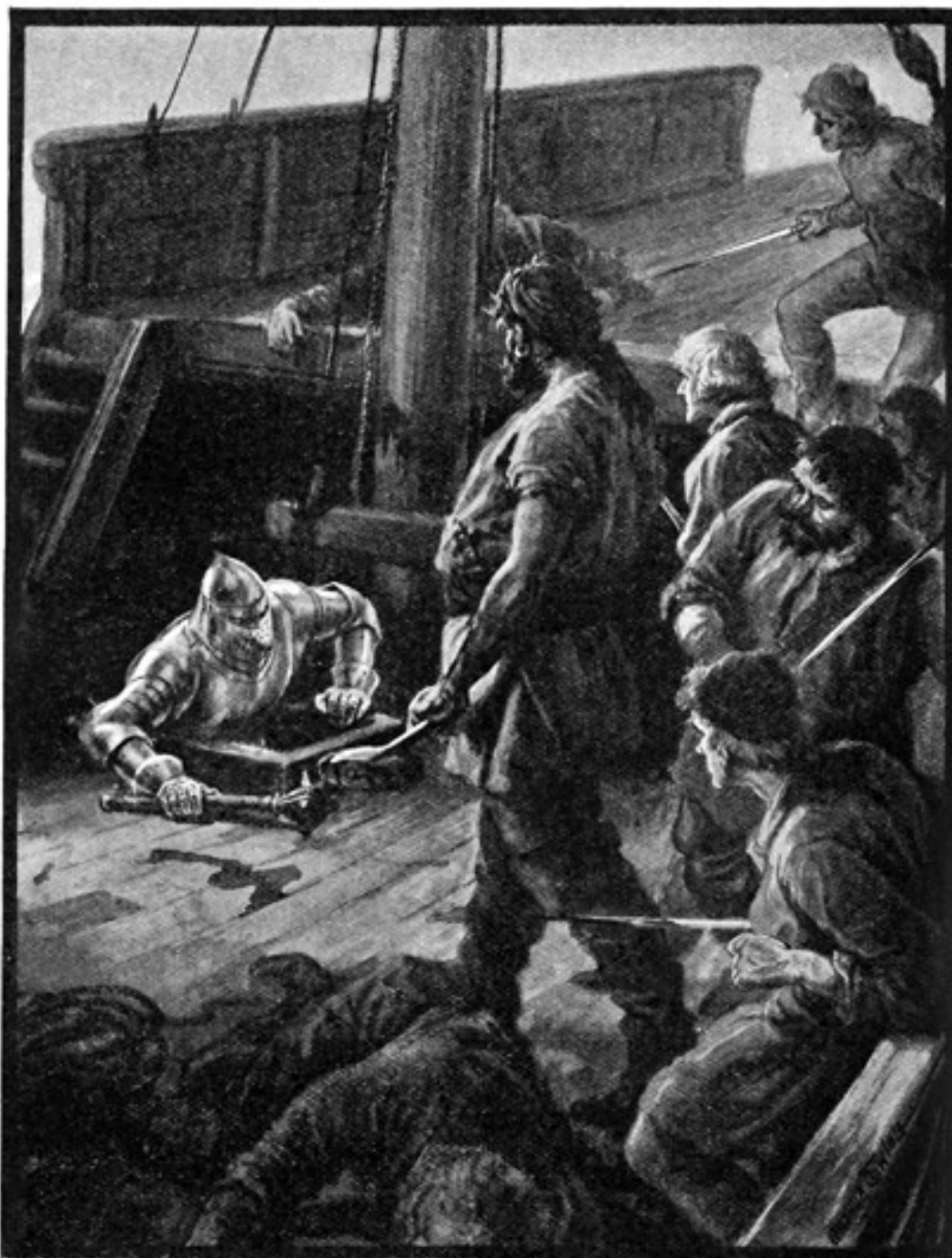
– Это мы скоро узнаем, – ответил Бэдинг. – Пойдем обыщем корабль от верхушки мачты до киля. Ему от нас не уйти.

Люк в нутро корабля находился у подножия мачты, и они было направились к нему, но тотчас застыли на месте, ошеломленные нежданным зрелищем. В темном квадрате люка возникла круглая медная голова. Мгновение спустя за ней последовали сверкающие плечи, и на палубу медленно поднялся человек, с ног до головы облаченный в кованые доспехи. Правая рука в железной рукавице сжимала тяжелую железную булаву. Высоко подняв ее, он двинулся на врагов в гробовом молчании, только поножи гремели по палубе. В этой фигуре было что-то нечеловеческое: грозная, устрашающая, лишенная хоть какого-то выражения, она размеренным шагом приближалась к ним, неумолимая и чудовищная.

Англичан охватил ужас. Кто-то попытался проскочить за спину медного человека, но тот быстрым движением прижал несчастного к борту и размозжил ему голову мощным ударом тяжелой булавы. Остальные в панике бросились к лодке. Эйлвард пустил стрелу, но его тетива отсырела, и стрела, со звоном ударившись о нагрудник, отскочила и упала в море. Мастерс опустил меч на медный шлем, но лезвие переломилось, даже не промяв его, и в следующий миг лучник без чувств распростерся на палубе. Моряки, забыв свой боевой задор, сбились на корме, не спуская завороженных глаз с жуткого медного истукана.

Вновь он занес булаву и двинулся на кучку беззащитных людей – более слабые духом теснились вокруг тех, кто сохранил мужество, и мешали им. Но тут Найджел растолкал всех и прыгнул вперед с мечом в руке и радостной улыбкой на губах.

Солнце зашло, и длинная багряная полоса над западной частью пролива быстро угасала, сменяясь серыми сумерками. В вышине замерцали первые звезды, но света еще хватало для того, чтобы эту картину можно было рассмотреть во всех подробностях: невдалеке за кормой плавно поднимается и опускается покачиваемая зыбью «Мари-Роз»; усеянная трупами широкая белая палуба французского судна вся в разводах крови; группа людей на корме – одни пытаются выбраться на открытое пространство палубы, другие отталкивают их, чтобы спуститься в лодку.

А между ними и мачтой – две фигуры: вооруженный сверкающий человек в неуязвимой броне, подняв булаву, ждет безмолвно и неподвижно, Найджел с непокрытой головой и счастливым лицом пригибается, устремив бесстрашные глаза на врага, перебегает на быстрых ногах то туда, то сюда, и меч его вспыхивает, как солнечный луч, выискивая хоть какое-то отверстие в металлической скорлупе.

Француз понимал, что ему надо только оттеснить своего противника в угол, а уж там он с ним сразу разделается. Но у него ничего не получалось. Человек без доспехов двигался гораздо легче и стремительнее. Два-три быстрых шага вправо или влево – и медная машина вновь промахивалась. Эйлвард и Бэддинг бросились было на помощь Найджелу, но он крикнул, чтобы они не вмешивались, столь гневно и властно, что у них опустились руки.

Напрягая зрение, они угрюмо наблюдали за неравным поединком. Внезапно им показалось, что Найджел погиб – отпрыгивая назад, он споткнулся о труп и упал навзничь. Но молниеносно выскользнул из-под опускающейся булавы, вскочил на ноги, и лезвие его меча глубоко впилося в шлем врага. Вновь булава опустилась, и Найджел оказался недостаточно проворен. Она отбила его меч и задела левое плечо. Он пошатнулся, и опять железный шар взвился вверх, чтобы покончить с ним.

Во мгновение ока Найджел сообразил, что увернуться не успеет. Но можно поднырнуть под нее! Он бросил меч, прыгнул к французу и обхватил его поперек живота. Противник передвинул булаву в руке, но сумел задеть льняную голову только рукояткой, а в следующий миг под восхищенные вопли зрителей Найджел могучим рывком оторвал врага от палубы и под оглушительный лязг доспехов опрокинул на спину. Голова у него кружилась, в глазах темнело, но он уже вытащил охотничий нож и вставил острие в щель забрала.

– Сдавайся, благородный сэр! – сказал он.

– Рыбакам и лучникам? Никогда. Я человек благородной крови и ношу герб. Убей меня!

– Я тоже благородной крови и ношу герб. Обещаю тебе пощаду.

– В таком случае, благородный сэр, я сдаюсь тебе.

Нож, звякнув, соскользнул на палубу. Подбежавшие моряки и лучники увидели, что Найджел лежит лицом вниз почти без сознания. Они оттащили его в сторону, двумя-тремя ловкими ударами разбили застежки шлема и сняли его. Открылось веснушчатое лицо с острыми чертами и огненно-рыжие волосы. Найджел с трудом приподнялся на локте.

– Ты Рыжий Хорек? – спросил он.

– Так меня называют враги, – с улыбкой ответил француз. – Я рад, любезный сэр, что сдался столь доблестному и благородному человеку.

– Благодарю тебя, любезный сэр, – слабым голосом произнес Найджел. – И я рад, что померился силами со столь достойным противником, и навсегда сохраню в памяти удовольствие, которое доставила мне наша встреча.

Тут он положил кровоточащую голову на медную грудь врага и надолго лишился сознания.

Глава XV

Как рыжий хорек явился в Косфорд

Старинный хронист в «Gestes du Sieur Nigel»¹⁵ скорбит, что вынужден часто прерывать свой рассказ, ибо из тридцати одного года, отданного войне, его герой не менее семи провел в постели, оправляясь либо от ран, либо от одного из тех недугов, причина которых – походные лишения и усталость. Вот и теперь в самом начале боевого пути, накануне славного предприятия именно эта судьба постигла Найджела.

Распростертый на ложе под низким потолком почти пустой каморки под парапетом угловой башни замка Кале, выходящей во внутренний двор, он лежал в полубреду, не в силах приподнять голову, когда прямо у него под окошком творились славные дела. С тремя ранами на теле, с головой, пострадавшей от булавы Хорька, он находился между жизнью и смертью: истерзанное тело тянуло его во тьму, молодость и твердая воля не давали угаснуть искре жизни.

Словно сквозь сон он осознавал, что где-то рядом бушует битва. После он смутно вспоминал внезапные растерянные крики, лязг металла, стук захлопнувшихся створок больших ворот, рев множества голосов, гулкие удары, точно пятьдесят дюжих кузнецов гремели молотами о наковальни. А потом удары мало-помалу сменились стонами, пронзительными призывами к святым, размеренным многоголосым ропотом, тяжелой поступью обутых в железо ног.

В какую-то минуту этой жестокой схватки он, преодолев слабость, видимо, все-таки дотоптался до узкого окошка, повис на железной решетке и поглядел во двор на разыгравшийся там грозный спектакль. В красном свете пылающих факелов, укрепленных в амбразурах и на крыше, он увидел внизу дикое кружение закованных в латы фигур, отливающих медью, сверкающих железом. Словно бредовое видение, вспоминались ему потом развевающиеся шарфы, повязанные на шлемы, гребни, украшенные драгоценными камнями, пышные плащи и щиты, блестящие гербами, на которых по золотому или серебряному, червленому или черному полю располагались всевозможные геральдические фигуры – кресты, пояса, стропила, перевязи и прочее. Точно букеты ярких цветов, они взлетали и опускались, двигались вперед и назад у подножия его башни, то теряясь в тени, то снова вспыхивая в багровых отблесках факелов. Пылала кроваво-красная башня Чандоса, и он различил высокую фигуру своего господина, испуганно рубившегося в первом ряду, как само воплощение войны. Три черных стропила на золотом поле – это герб благородного Мэнни. А этот могучий боец, уж конечно, сам король Эдуард – ведь только его щит и щит ловкого юноши в черной броне рядом с ним не несли никаких геральдических символов.

– Мэнни! Мэнни! Святой Георгий за Англию! – раздался громовой клич, а в ответ, заглушая грохот и лязг битвы, слышался столь же гордый призыв: – Шарньи, Шарньи! Святой Денис за Францию!

Вот какие смутные видения еще жили в памяти Найджела, когда наконец туман в его голове рассеялся и он впервые явно понял, что лежит на низкой кровати в угловой башне и пальцем не может пошевелить от слабости. Возле него Эйлвард раздирал грубыми пальцами стебли лаванды и разбрасывал их по полу и по постели. К стене в ногах кровати был прислонен длинный лук. На нем висела железная каска. А их владелец в одной рубахе обмахивал своего господина, отгоняя мух, и сыпал на него душистую траву.

– Клянусь рукоятью! – завопил он, сверкая всеми зубами в радостной улыбке. – Благодарение Пречистой и сонму святых, ты пришел в себя! Скончайся ты, я бы не посмел вернуться

¹⁵ «Сказание о деяниях сэра Найджела» (фр.).

в Тилфорд. Три недели пролежал ты тут, лепеча, как несмышленный младенец, но теперь по твоим глазам видно, что ты снова в себе!

– Я и правда получил малую рану, – еле слышно произнес Найджел, – но стыд и горе мне, что я валяюсь тут, если для моих рук есть дело. Куда же ты, лучник?

– Оповестить доброго сэра Чандоса, что тебе полегчало.

– Нет, останься пока со мной, Эйлвард. Я как будто помню все, что случилось. Какие-то корабли, верно? И я встретился с очень достойным человеком, и мы обменялись ударами? И он мне сдался, так?

– Да, благородный сэр.

– А где он?

– Тут, в замке. Внизу.

По бледному лицу Найджела скользнула улыбка.

– Я знаю, как распорядюсь им, – прошептал он.

– Лежи смирно, благородный сэр, – с тревогой перебил его Эйлвард. – Утром тебя смотрел сам лекарь короля и сказал, что ты сразу умрешь, если сорвешь с головы повязку.

– Хорошо, добрый лучник, я не стану ворочаться. Но расскажи, что было дальше.

– Да рассказывать-то почти нечего, благородный сэр. Будь у Хорька оруженосец, не провозись он так долго, облачаясь в доспехи сам, они бы нас одолели. Да только он вылез на палубу, когда они уже все полегли. Его мы забрали с собой на «Мари-Роз», потому что он твой пленник. А за остальных выручить ничего было нельзя, и мы побросали их в море.

– И мертвых и живых?

– Всех до единого.

– Это злое дело.

Эйлвард пожал плечами.

– Я было заступился за одного мальчонку, – сказал он, – но Кок Бэддинг ничего слушать не желал, а за него были и Черный Саймон, и все остальные. «Такой в проливе закон, – говорят. – Нынче они, а завтра мы». Оторвали его от мачты и бросили за борт, как он ни кричал. Клянусь рукоятью, не по нутру мне море и его обычаи! Пусть оно доставит меня назад в Англию, а больше я с ним дела иметь не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.